

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (13)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 1 (13)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Жиряков И.Г.

доктор исторических наук, профессор

Исаков В.В.

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.В.

кандидат исторических наук, профессор

Корнилов В.А.

кандидат исторических наук, профессор

Карпачёв С.П.

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

ответственный редактор

доктор исторических наук, профессор

Осиновский И.Н.

доктор исторических наук, профессор

Пашенцев Е.Н.

доктор исторических наук, профессор

Ртищева Г.А.

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© Московский городской педагогический университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Платонова А.А.</i> Чиновничество, дворянство и податное население Москвы в первой половине XIX века: к вопросу о сословных границах	8
<i>Ушаков А.В.</i> Участие медицинских работников России в общественно-политическом движении в конце XIX – начале XX века	14
<i>Карначёв С.П.</i> Масоны и деньги российской эмиграции	20
<i>Юрьев А.И.</i> К вопросу о влиянии эсеров и большевиков на крестьян, рабочих и солдат центра России накануне Октябрьской революции 1917 года	34
<i>Объедков И.В.</i> Пресс-конференции в Генеральном штабе и осада Перемышля в 1914–1915 годах	42

Новейшая история России

<i>Кириллов В.В.</i> К вопросу о современных фальсификациях в истории России	48
--	----

Всеобщая история

<i>Лапырёнок Р.В.</i> К вопросу о правовом статусе земельных участков в колониях Гая Гракха	54
<i>Квашнин В.А.</i> Три загадки EDICTUM CONSULARIBUS 214 г. до н.э.	58
<i>Фурцев Р.В.</i> Политическая система Италии второй половины XV века	70

Методика преподавания истории

Курков К.Н. Дополнительные исторические дисциплины в контексте современного гуманитарного образования (на примере исследования произведений искусства)..... 80

Критика. Рецензии. Публицистика

Сучков И.В. Рецензия на монографию С.П. Карпачева «Масонство и масоны России XVIII–XXI вв. Особенности российского “королевского искусства”» (Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 328 с.) 98

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки».

2014, № 1 (13)..... 101

Требования к оформлению статей..... 103

CONTENTS

History of Russia: From Ancient Times to 1917

<i>Platonova A.A.</i> The Officials, the Nobility and Tax-Paying Population in Moscow in the First Half of the 19 th Century: to the Problem of Class Boundaries	8
<i>Ushakov A.V.</i> The Participation of Medical Workers of Russia in the Social and Political Movement in the Late XIX th – Early XX th century	14
<i>Karpachyov S.P.</i> Masons and Money of Russian Emigration.....	20
<i>Yuriev A.I.</i> To the Problem of the Influence of the Socialists Revolutionaries and Bolsheviks on Peasants, Workers and Soldiers of the Center of Russia on the Eve of the October Revolution of 1917	34
<i>Obedkov I.V.</i> Press Conferences in General Staff and a Siege of Peremyshe during 1914–1915.....	42

Modern History of Russia

<i>Kirillov V.V.</i> To the Problem of Modern Falsification in Russian History	48
--	----

General History

<i>Lapyrenok R.V.</i> On the Problem of the Legal Status of Land Plots in the Colonies of Gaius Gracchus	54
<i>Kvashnin V.A.</i> Three Puzzles of Edictum Consularibus of 214 B.C.	58
<i>Furtsev R.V.</i> The Political System of Italy in the Second Half of the 15 th Century	70

Methodology of Teaching History

<i>Kurkov K.N.</i> Additional Historical Disciplines in the Context of Modern Humanitarian Education (on the Example of Study of Works of Art).....	80
---	----

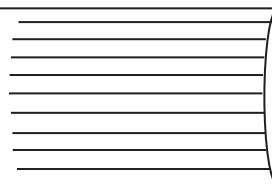
Criticism. Reviews. Publicism

<i>Suchkov I.V.</i> Review of the Book by S.P. Karpachyov «Freemasonry and Masons of Russia of XVIII–XXI cent. Specifics of “royal art”» (Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 328 p.).....	98
--	----

Authors of «Vestnik of MCTTU», Series «Historical Studies», 2014, № 1 (13).....	101
--	------------

Style Sheet.....	103
-------------------------	------------

**История России:
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
до 1917 года**

А.А. Платонова

**Чиновничество, дворянство
и податное население Москвы
в первой половине XIX века:
к вопросу о сословных границах**

На основе исследования динамики межсословных браков в статье рассматривается изменение социальной дистанции между податным населением и привилегированными социальными группами в Москве первой половины XIX века.

Ключевые слова: государственные служащие; дворяне; мещане; брак; социальные границы.

Подданные Российской империи делились на «состояния»: дворянство, духовенство, городские обыватели, сельские обыватели, инородцы. В рамках состояний складывались сословия как юридически оформленные социальные группы. Объем личных, имущественных, а также общественных прав и обязанностей позволяет разделить все сословные группы на неподатные (привилегированные и полупривилегированные) и податные (непривилегированные) [2: с. 92–93].

Брачный круг в России XIX века почти абсолютно зависел от места человека в социальной иерархии. Это место определялось рядом факторов, среди которых был уровень правоспособности и обязательств перед государством, размеры собственности, конфессиональная принадлежность, образование, род занятий и др. Однако именно сословная принадлежность, в первую очередь, формировала место человека во властно-имущественной и культурно-нормативной иерархиях.

Возможность поступления на государственную службу считалась сословной привилегией и с 1827 года была окончательно юридически закрыта для податных групп населения (мещан, крестьянства) [7: с. 895–896]. В первой половине XIX века скорость продвижения чиновника по карьерной лестнице напрямую зависела от его происхождения. Безусловные преимущества

имели потомственные дворяне. Однако в реальности преобладающая часть чиновничества происходила из детей личных дворян, духовенства и приказных, которых государство во избежание кадрового голода допускало на государственную службу.

Военная служба по отношению к статской (гражданской) была престижнее и находилась в привилегированном положении. Большую часть рассматриваемого периода низший офицерский чин (XIII класса, чин прапорщика) давал право потомственного дворянства, между тем как в гражданской службе этот статус приобретался достижением VIII классного чина.

В середине века государство ограничивает возможности службы как канала проникновения разночинцев в ряды дворянства. Манифестом 1845 года класс, дававший потомственное дворянство в статской службе, был повышен до V, личное дворянство чиновник получал только с IX класса. Разночинцы, служащие в более низких чинах, приобретали статус личных почетных граждан. В военной службе потомственное дворянство стал давать VIII класс, а низшие, так называемые обер-офицерские чины, — только личное дворянство [8: с. 450–451]. Еще один шаг по ограничению социальной мобильности, происходившей благодаря табели о рангах, был сделан в 1856 году: потомственное дворянство статские служащие приобретали только с достижения IV класса (действительный статский советник), офицеры — с VI класса (полковник) [9: с. 1052–1053].

Ю.В. Бодрова, исследовавшая семьи чиновников первой половины XIX века, считает, что на брачный выбор статского служащего оказывали влияние его происхождение, круг социального общения, возраст, образование, место службы и карьерные перспективы. По ее подсчетам в уездном городе первой половины XIX века браки с представительницами мещанского сословия (основное податное сословие в городе) заключали не более 5 % чиновников. Это были «лица, стоявшие на нижних ступенях бюрократической иерархии и не имевшие перспектив быстрого карьерного роста, не служившие (и, очевидно, не имевшие определенных занятий) сыновья чиновников, старые холостяки» [1: с. 92–93].

Автором данной статьи на основе репрезентативной выборки был собран метрический материал о браках городских податных сословий (мещан и цеховых ремесленников) Москвы за период с 1787 по 1859 год.

Исследование показало, что в Москве мужьями женщин из податных групп становились как «канцелярские служители» (статские служащие, не имеющие классного чина), так и табельные чиновники, причем процентная доля последних была выше. Наиболее высокопоставленным чиновником, брак которого с мещанкой удалось зафиксировать, был надворный советник (7-й классный чин). Пара венчалась в Замоскворечье в 1810 году. Жених был вдовцом, невеста выходила замуж в первый раз (ЦИАМ Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 171. Л. 231).

Основное количество браков заключалось с чиновниками XIV–IX класса.

Среди женихов московских мещанок доля табельных чиновников составляла 1–5 %.

Доля дочерей чиновников в составе брачного круга мещан в большинстве выборок не составляет даже 1 %. В середине XIX века средний возраст дочерей табельных чиновников, вышедших замуж за московских мещан, превышал 30 лет, что явно указывает на девиантный характер союза, вызванного невозможностью найти мужа равного социального статуса. Показательны два брака дочерей чиновников, заключенные в 1859 году. Оба брака с разницей в 7 месяцев венчались в одном и том же московском приходе Рождества Богородицы в Столешниках. Женами мещан стали дочь коллежского регистратора и дочь надворного советника. Первая выходила замуж в 39 лет, жених-мещанин был на 9 лет моложе (ЦИАМ Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 557. Л. 765 об.). Второй девице на момент замужества исполнилось 42 года, и она была старше жениха на 12 лет (ЦИАМ Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 557. Л. 763 об.).

Анализ 1/3 метрических записей московских приходов за ряд лет подтверждает, что в первой половине XIX века брачные союзы представителей городских податных сословий с дочерьми статских служащих оставались крайне редким явлением. Можно отметить очень незначительное увеличение браков мещан с дочерьми канцеляристов (см. табл. 1).

Таблица 1

Браки московских мещан с дочерьми чиновников и канцеляристов (%)¹

Статус невесты	1801	1821	1841
Дочь табельного чиновника	–	–	–
Дочь канцеляриста	–	0,97	1,09
Итого:	–	0,97	1,09

За первую четверть века процент браков женской части мещанства с чиновниками и канцелярскими служащими без классового чина в Москве возрастает с 2 % до 5–5,5 %. Доля браков мещанок с табельными чиновниками и канцеляристами примерно равна, хотя с табельными чиновниками браков заключается несколько больше (см. табл. 2).

Таблица 2

Браки мещанок с канцеляристами и чиновниками (%)²

Статус жениха	1801	1821	1841
Табельные чиновники	1,06	3,3	2,97
Канцелярские служащие	1,06	2,06	2,9
Итого:	2,1	5,3	5,87

¹ Составлено по: ЦИАМ. Ф. 203. оп. 745. Т. 1. № 127, 130, 230, 232, 357, 358, 359, 363.

² Там же.

С 1802 по 1825 год удельная доля дворянства и чиновничества в городском населении Европейской России повысилась примерно на 1 %, за следующую четверть века — еще на 2 % (до 6–6,4 %) [5: с. 82–83].

Представляется маловероятным, чтобы динамика браков мещанок с чиновниками объяснялась исключительно движением численности госслужащих: при поступательном росте страты чиновников во второй четверти века мы не наблюдаем реального увеличения пар с мещанками. В то же время динамика брачного выбора позволяет предположить начало взаимного сближения данных групп.

Социальный статус мелкого госслужащего был привлекателен для податных городских сословий, небогатый чиновник мог считать экономически выгодным брак с девушкой из состоятельной мещанской семьи.

Мелкие чиновники и приказнослужащие по размещению в социальном пространстве Москвы были близки мещанам. Бытописатель 1840-х годов И.Т. Кокорев описывает улицы на северо-западе города, население которых состоит из зажиточных мещан и мелких чиновников [6: с. 239]. Сближению мещанства и чиновничества способствовал схожий уровень потребления, а также близкий объем интеллектуальных и культурных запросов.

Начавшееся в первой половине века сокращение социальной дистанции между мещанством и чиновничеством должно было ускориться в условиях отмирания сословного строя в пореформенные десятилетия. В художественной литературе второй половины XIX века браки мещанок и мелких чиновников упоминаются как типическое явление. Большое внимание теме сращивания мещанских и чиновничьих родов уделено в творчестве видного писателя 1860-х годов Н.Г. Помяловского. В его романе «Молотов» представлена семья чиновника, дед которого был приказным, а прадед — конюхом, сам чиновник женат на женщине, мать которой была из мещан, а отец — чиновником. «Таким образом, поколения прабабушки-мещанки и прадеда-конюха слились воедино и так переродились, что теперь невозможно и подозревать, что предки их некогда стояли на такой низкой общественной ступени» [10: с. 95]. Публицист начала XX века отмечал в Москве существование, вероятно, давно сложившейся, «полумещанской»-«получиновничьей» среды, которую с позиции интеллигента жестко критиковал за отсутствие всяких идеалов «кроме самых практически-мещанских» [3: с. 106].

Браки мещанок с офицерами встречались существенно реже, чем с гражданскими служащими, так как офицерский корпус в рассматриваемый период формировался преимущественно из потомственных дворян. Известно, что российское дворянство первой половины XIX века строго придерживалось сословной эндогамии: «выбор “ровни” по статусу был важнейшей основой дворянского брака» [4: с. 14]. Из 764-х исследованных метрических записей о браках московских мещанок, относящихся к периоду с 1787-го по 1841 год, браки с офицерами составляли 0,2 %. Такие браки учащаются в конце 1850-х годов.

50 % отмеченных браков мещанок с офицерами зафиксированы в одной выборке 1859 года, то есть после реформ, лишивших обер-офицерские (XIII–IX класса) чины прав на потомственное дворянство.

Повышение классного чина, дающего дворянство, таким образом, явно способствовало сокращению социальной дистанции между мещанством и офицерством. В исследованной части метрик наиболее высокопоставленный военный служащий, ставший мужем московской мещанки, имел капитанский чин, в остальных случаях мужа-офицеры состояли в обер-офицерских чинах: прапорщик, подпоручик, поручик.

Зафиксировано два брака мещанок с неслужащими потомственными дворянами, оба случая относятся к последним десятилетиям рассматриваемого периода.

Брак московского мещанина и девушки, имеющей права наследственной дворянки, безусловно, представлял мезальянс. Тем не менее собранный метрический материал показывает, что такие союзы случались. Один брак был зафиксирован в 1841 году на территории Никитского сорока: женой мещанина стала дочь обер-офицера (ЦИАМ Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 360. Л. 121об.).

Второй случай имел место в 1859 году в Замоскворечье: 20-летний московский мещанин Т. Степанов женился на 23-летней дворянке Могилевской губернии А.Г. Осмоловской (ЦИАМ Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 360. Д. 551. Л. 672 об.).

В целом зафиксировано всего 8 случаев браков московских мещан обоих полов с лицами, имеющими права наследственного дворянства, из них всего 2 случая отмечено в выборках первой четверти века и 6 случаев — в выборках 1841 и 1859 годов.

Таким образом, мы видим, что сословные границы ослабевают к середине XIX века, учащение смешанных браков свидетельствует о сокращении социальной дистанции между податными сословиями городских обывателей и привилегированными социальными группами.

Литература

1. Бодрова Ю.В. «Как во новой во конторе сидел писарь молодой...» Брачное поведение провинциального чиновничества первой половины XIX столетия // Родина. 2006. № 8. С. 90–95.
2. Иванова Н.А. Сословия и классы в России в XIX — начале XX в. // XIX век в истории России: современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация // Труды ГИМ. Вып. 163. М.: ГИМ, 2007. С. 91–111.
3. Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. М., 1903. 301 с.
4. Короткова М.В. Семья, детство и образование в повседневной культуре московского дворянства в XVIII – первой половине XIX в. М.: Academia АПК и ПРО, 2009. 286 с.
5. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.

6. Москва в очерках 40-х годов XIX века. М.: Крафт+, 2004. 336 с
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. II.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XX. Отдел. 1.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXI. Отдел. 1.
10. *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бирсы. М.: Худлит., 1987. 415 с.

References

1. *Bodrova Yu.V.* «Kak vo novoj vo kontore sidel pisar' molodoj...» Brachnoe povedenie provincial'nogo chinovnichestva pervoj poloviny' XIX stoletij // *Rodina*. 2006. № 8. S. 90–95.
2. *Ivanova N.A.* Sosloviya i klassy' v Rossii v XIX – nachale XX v. // *XIX vek v istorii Rossii: sovremennyy'e koncepcii istorii Rossii XIX veka i ix muzejnaya interpretaciya* // *Trudy' GIM*. Vy'p. 163. M.: GIM, 2007. S. 91–111.
3. *Ivanov P.* Studenty' v Moskve. By't. Nrapy'. Tipy'. M., 1903. 301 s.
4. *Korotkova M.V.* Sem'ya, detstvo i obrazovanie v povsednevnoj kul'ture moskovskogo dvoryanstva v XVIII – pervoj poloviny' XIX vv. M.: Academia APK i PRO, 2009. 286 s.
5. *Mironov B.N.* Russkij gorod v 1740–1860-e gody': demograficheskoe, social'noe i e'konomicheskoe razvitie. L.: Nauka, 1990. 272 s.
6. Москва в очерках 40-х годов XIX века. М.: Крафт+, 2004. 336 с
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. II.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XX. Отдел. 1.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXI. Отдел. 1.
10. *Pomyalovskij N.G.* Meshhanskoe schast'e. Molotov. Ocherki bursy'. M.: Xudlit., 1987. 415 s.

A.A. Platonova

The Officials, the Nobility and Tax-Paying Population in Moscow in the First Half of the 19th Century: to the Problem of Class Boundaries

Based on the study of the dynamics of marriages between different estates the article considers the change of the social distance between the tax-paying population and privileged social groups in Moscow in the first half of the XIX century.

Keywords: civil servants; nobles; petty-bourgeoisie; marriage; social boundaries.

А.В. Ушаков

Участие медицинских работников России в общественно-политическом движении в конце XIX – начале XX века

Статья посвящена оппозиционному и революционному движению медицинских работников в России. Автор использует архивный материал и пишет о создании профессиональных сообществ, деятельности Пироговских съездов, стачках, помощи крестьянам.

Ключевые слова: общества; Пироговские съезды; забастовки; помощь крестьянам.

На рубеже XIX–XX веков в России насчитывалось 68 тысяч медицинских работников [1: с. 11].

Положение большинства работников медицины было неудовлетворительным. В 1902 году в журнале «Русский врач» говорилось: «Врач — наемник, с которым в некоторых земствах совсем не церемонятся. Поводы для увольнения врача бывают часто самые ничтожные, а иногда и прямо возмутительные» («Русский врач». 1902. № 4. С. 142–143). Не лучше была жизнь городских врачей. А.П. Чехов писал: «В городских больницах работает даром масса молодых врачей, ничего не получая от общества» [5: с. 525].

Работники медицины активно участвовали в революционном движении. Согласно сведениям Департамента полиции, из 1349 «неблагонадежных» 608 человек были служащими лечебных учреждений (45 %) [4: с. 195]. Видные впоследствии деятели большевистской партии М.Ф. Владимирский, Н.А. Семашко, Д.И. Ульянов, Н.Э. Бауман, А.М. Колонтай, В.А. Обух, Ф.Н. Петров, Я.М. Свердлов, Г.К. Орджоникидзе, Ем. Ярославский и др. были врачами.

Некоторые из них, как и основатель и директор Музея революции С.И. Мицкевич, вначале были народниками, затем перешли в лагерь марксистов [3: с. 3–253].

Медицинские работники стремились к объединению, они создали ряд организаций. Общества врачей существовали в Архангельске, Батуми, Белгороде, Вятке, Иркутске, Казани, Калуге, Минске, Могилеве, Одессе, Пскове, Ростове-на-Дону, Тамбове, Томске, Ярославле. Общества ветеринарных врачей имелись в Москве и Петербурге, фельдшеров — в Казани, Москве, Петербурге, Екатеринбургe, Тамбове, Курске и Киеве, общество фармацевтов — в Петербурге (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 9. Д. 502; Оп. 11. Д. 229/900. Л. 13 об. – 20).

В 1904 году московские земские врачи создали группу содействия революционному движению. Она собирала средства и распределяла их между

РСДРП, эсерами и Союзом освобождения. За девять лет группа собрала около 50 тыс. рублей [2: с. 54].

Оживление деятельности медиков связано с «Московско-Петербургским обществом врачей в память Н.И. Пирогова», основанным в 1885 году. К руководству обществом пришли земские врачи, и оно стало главным центром, объединяющим земскую медицину. На заседаниях съездов этой организации обсуждались вопросы пресечения эпидемий, условий жизни и быта крестьян и т. д. С 1891-го по 1902 год прошло пять съездов Пироговского общества [4: с. 126]. С 1899-го по 1909 год при Пироговском обществе работал «Врачебно-продовольственный комитет», оказывавший помощь голодающему населению.

На развитие общественного движения медицинских работников особенно большое влияние оказали 8-й и 9-й Пироговские съезды.

8-й Пироговский съезд состоялся в Москве в 1902 году. Д.Н. Жбанковым был прочитан доклад «О допущении женщин в университет». Съезд принял решение ходатайствовать перед правительством об отмене телесных наказаний крестьян. Но особенно много внимания уделялось рабочему вопросу. В своих выступлениях врачи говорили об ужасающих условиях труда железнодорожных, ремесленных, сельскохозяйственных рабочих. В докладе профессора Шервинского о мерах борьбы с туберкулезом заявлялось, что победить эту болезнь можно будет лишь тогда, когда всему населению будет обеспечена бесплатная медицинская помощь, введено страхование на случай болезни, инвалидности, старости, законодательно установлена охрана труда и отдыха. В докладе врача А.А. Чертова отмечалось, что лишь в 32 городах страны (12,4 %) имелись больницы, причем с ничтожным количеством коек. При закрытии съезда один врач заявил о несовершенстве современного строя. В ответ последовали рукоплескания («Русский врач». 1902. № 6. С. 213, 229; № 7. С. 272; № 12. С. 12, 475).

Еще более яркую антиправительственную направленность имел 9-й Пироговский съезд, состоявшийся в Петербурге в 1904 году с участием 2500 врачей. На съезде присутствовали также делегаты только что закрытого 3-го съезда по техническому и профессиональному образованию, учащая молодежь и другие представители радикальной интеллигенции.

По политическим взглядам состав съезда был довольно пестрым. Правое крыло представляли профессора Военно-медицинской академии. Они выступали за то, чтобы съезд придерживался лишь специальных научных и профессиональных вопросов и возбуждал ходатайства перед правительством в лояльных формах. Центр представляли либералы — руководители губернских санитарных бюро. Они соглашались обсуждать общественно-медицинские вопросы, но в умеренных рамках. Левое крыло представляли преимущественно рядовые земские и городские врачи. Это были мелкобуржуазные демократы, эсеры и беспартийные. Они ратовали за внесение большей остро-

ты в прения, но также считали, что не надо переходить известные границы. На крайнем левом фланге находилась группа социал-демократов в составе С.И. Мицкевича, И.А. Хесина, Б.А. Юрковского, В.П. Краснухи. Путем вовлечения левого крыла и части центра им удавалось проводить острые политические вопросы. Петербургский комитет социал-демократической партии выпустил специальное воззвание, в котором призывал земских врачей развернуть революционную пропаганду среди крестьян.

Оппозиционный характер съезда проявился в принятом им решении не возбуждать никаких ходатайств перед правительством ввиду их полной бесполезности, а ограничиться постановлениями, так как в них можно полнее и разносторонне выразить свое мнение (ПД. Ф. 266. Оп. 2. Д. 596. Л. 6). По сообщениям полицейских агентов, врачи произносили «речи явно противоположительного направления». Они «свидетельствовали о крайне оппозиционном отношении ораторов к существующему в России государственному строю» (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 13. Д. 1416. Л. 9–9 об.). На объединенном заседании секций общественной медицины, гигиены, внутренних болезней и бактериологии была принята резолюция, требующая неприкосновенности личности, свободы слова, печати и собраний (ПД. Ф. 266. Оп. 2. Д. 596. Л. 6). Несмотря на сопротивление умеренных членов съезда, было также принято требование о государственном страховании рабочих. В одной из принятых резолюций говорилось, что успешная борьба с заболеваемостью и охрана здоровья рабочих возможны только при установлении восьмичасового рабочего дня и легализации рабочих организаций и союзов.

Было очевидно, что съезд превратился в политический митинг. 11 января 1904 года председатель заявил о закрытии съезда и отказался зачитать его постановления, и это вызвало взрыв возмущения присутствовавших. Дабы заглушить антиправительственные речи, военному оркестру было приказано играть. Тогда врачи стали ломать стулья и бросать обломки в музыкантов, чтобы те прекратили игру. Затем 500 делегатов собрались в соседнем зале, где всё же зачитали политические резолюции. Выступившие ораторы говорили, что добиться выполнения выдвинутых требований можно лишь при свержении самодержавия. С пением «Отречемся от старого мира» врачи двинулись к выходу, но несколько человек было арестовано ворвавшимися жандармами (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 13. Д. 1416. Л. 10).

По примеру рабочих врачи подключились к стачечному движению. Газета «Русское слово» в 1895 году писала: «Решительно нашим врачам, особенно земским, не дают спать лавры... тех рабочих и ремесленников разного рода, которые по всяким побуждениям устраивают стачки... То была стачка саратовских врачей, то тверских, теперь очередь за пронскими врачами» («Русское слово». 1895. № 275). Забастовка пронских врачей, как и стачка врачей Нижегородского уезда, была вызвана несправедливым увольнением коллег.

В конце 1890-х – начале 1900-х годов конфликты врачей с земскими управлениями произошли также в Московской, Пермской, Олонецкой и других губерниях («Нижегородский листок». № 289. 22 октября 1903 г.).

В начале 1900-х годов в борьбу с хозяевами аптек включились фармацевты. В марте 1901 года под влиянием политических демонстраций студентов и рабочих началось движение фармацевтов Москвы. Были созданы нелегальные организации «Совет уполномоченных» и «Союз борьбы за семичасовой труд». На сходке представителей московских аптек были выработаны единые требования ко всем владельцам, главное из которых — сокращение рабочего дня до семи часов. Это требование было принято в соответствии с решением 3-го Всероссийского съезда фармацевтов, состоявшегося в Москве в 1900 году и принявшего решение о восьмичасовом рабочем дне. «Союз борьбы за семичасовой труд» обратился к служащим аптек с воззванием: «Сплотимся, друзья, плотную стеною, двинемся на аптекарей. Потребуем у них давно назревших потребностей наших без всякого снисхождения; потребуем у них семичасового труда» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 91. Д. 6. Л. 64). Следуя этому призыву, забастовали фармацевты в аптеках Рубановского, Розенберга, Лунца, Фина, Кейзера, Нейбурга и Мартинсона. Стачка стала перерастать во всеобщую, но арест руководителей фармацевтов предотвратил ее.

По примеру москвичей оставили работу фармацевты аптеки Фишера в Ярославле, также потребовавшие семичасового рабочего дня. Желая найти штрейкбрехеров, Фишер поехал в Москву. Но никто из московских фармацевтов не изменил солидарности. Стачка в Ярославле закончилась победой: хозяин вынужден был вдвое сократить рабочий день (с 14 до 7 часов). Поздравляя ярославских фармацевтов с победой, «Искра» писала: «Привет вам, товарищи! В Добрый час! Помните только о своей солидарности со всем трудящимся людом» («Искра». 1901. Июнь. № 5).

Для борьбы с движением фармацевтов правительство решило применить зубатовские методы. В 1901 году во время стачки фармацевтов Москвы в охранку был вызван один из ее руководителей Дженелидзе. После соответствующего внушения он провел среди своих товарищей агитацию за создание фармацевтического общества, которое добивалось бы улучшения положения работников аптек исключительно мирными средствами. Такая организация была создана — «Северное общество фармацевтов» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 91. Д. 102. Л. 5–6). Несмотря на действия зубатовцев, движение работников аптек продолжало развиваться.

В 1901 году в борьбу вступили фармацевты Петербурга под руководством «Петербургского комитета социал-демократической организации фармацевтов». Комитет обратился к фармацевтам-собственникам с прокламацией, содержащей следующие требования: поднять уровень общего и специального фармацевтического образования и удешевить стоимость его получения; ввести двухсменный

режим работы; установить минимум заработной платы; учредить постоянный третейский суд для решения споров между владельцами и служащими; назначить государственные пенсии для престарелых работников и членов их семей. Комитет заявил, что он ставит своей целью создание единого всероссийского союза работников аптек. В 1903 году начались волнения в Дмитровском и Богородском уездах Московской губернии. Произошла забастовка в Центральной аптеке Двинска (ГАРФ. Ф. ДП. 00. Д. 9. Ч. 43. Л. 12; Д. 303. Л. 1–2).

Движение медицинских работников поддержали рабочие. 18 ноября 1904 года в Одессе состоялось заседание «Общества охранения народного здоровья», и Одесский комитет РСДРП решил этим воспользоваться. Площадь перед зданием, где происходило заседание, была запружена публикой, в том числе рабочими. Врач социал-демократ М.А. Богомолец на заседании в своем докладе заявил, что основной причиной заболеваний в стране является эксплуатация рабочего класса, и вынес предложение требовать восьмичасового рабочего дня, свободы слова, собраний, совести, равенства всех перед законом. Его речь прерывалась криками: «Долой самодержавие!», «На улицу, на демонстрацию!» С пением революционных песен врачи вместе с рабочими двинулись по улицам города, и шествие вылилось в трехтысячную манифестацию («Наша жизнь». 28 ноября 1904 г. № 2; ГАОО. Ф. 634. Оп. 1. Д. 101 б. Л. 201).

Большую врачебную и общественную работу вел А.П. Чехов. В 1884 году он начал работать в земской больнице Нового Иерусалима под Москвой, а затем в Звенигородской больнице. Но наиболее активной и плодотворной была его врачебная деятельность в Мелихове Серпуховского уезда Московской губернии, где в 1892 году он купил небольшую усадьбу. В его медицинский участок входили 25 сел и деревень, пять фабрик, два завода и один монастырь. В общей сложности он обслуживал около 20 тысяч человек [4: с. 225].

В 1884 году А.П. Чехов был избран гласным уездного земства, а во время переписи населения 1897 года принял на себя обязанности заведующего Мелиховским переписным участком и сам работал как рядовой счетчик. В 1894 году стал попечителем Таложского земского училища и за два года построил новое здание училища и квартиры для учителей, а в 1898–1899 годах построил школу в Мелихове, потратив на это весь свой гонорар [4: с. 226–227]. А.П. Чехов участвовал в заседаниях санитарного и училищного советов, принимал экзамены, встречался с учителями, участвовал в губернских и всероссийских съездах врачей. Следует также отметить его дружеские контакты с Ф.Ф. Эрисманом, Д.Н. Жбанковым и другими руководителями Пироговского общества.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о том, что медицинские работники сыграли очень большую роль в общественно-политической жизни России.

Литература

1. *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука, 1966. 321 с.
2. *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1966. 284 с.
3. *Мицкевич С.И.* На грани двух эпох. От народничества к марксизму. Мемуарная запись. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 254 с.
4. *Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М.: Наука, 1986. 269 с.
5. *Чехов А.П.* Наше нищенство // Чехов А.П. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1984. 574 с.

References

1. *Erman L.K.* Intelligenciya v pervoj russkoj revoljucii. M.: Nauka, 1966. 321 s.
2. *Lejkina-Svirskaya V.R.* Russkaya intelligenciya v 1900–1917 godax. M.: My'sl', 1966. 284 s.
3. *Mickevich S.I.* Na grani dvux e'pox. Ot narodnichestva k marksizmu. Memuarnaya zapis'. M.: Gosudarstvennoe social'no-e'konomicheskoe izdatel'stvo, 1937. 254 s.
4. *Pirumova N.M.* Zemskaya intelligenciya i ee rol' v obshhestvennoj bor'be. M.: Nauka, 1986. 269 s.
5. *Chexov A.P.* Nashe nishhenstvo // Chexov A.P. Sobranie sochinenij: v 4-x t. T. I. M.: Pravda, 1984. 574 s.

A.V. Ushakov

**The Participation of Medical Workers of Russia
in the Social and Political Movement at the Late XIXth – early XXth Century**

The article is devoted to the oppositional and revolutionary movement of medical workers in Russia. The author uses the archival material and writes about creation of professional societies, activity of Pirogov congresses, strikes, help to peasants.

Keywords: societies; Pirogov congresses; strikes; help to peasants.

С.П. Карпачёв

Масоны и деньги российской эмиграции

В статье впервые показано участие масонов в руководящих органах российской эмиграции. Рассматривается проблема финансирования Белого движения и гуманитарных программ русского зарубежья.

Ключевые слова: масоны; Белое движение; русская эмиграция.

О проблемах материальных средств русской эмиграции есть прекрасно написанная работа О.В. Будницкого [1]. Однако автор не ставил своей целью изучение причастности русских масонов к сохранению и расходованию российских государственных средств, осевших на чужбине. Значительный материал о русском эмиграционном масонстве приведен в известном энциклопедическом словаре А.И. Серкова [7], но и здесь специально эта тема не рассматривалась. Некоторые аспекты поставленного вопроса подвергались изучению в ряде работ автора статьи [3–5]. Таким образом, на основе авторских изысканий и предшествующих исследований читателям предлагается новый взгляд на проблему участия русских вольных каменщиков в финансировании как Белого движения, так и гуманитарных программ русского зарубежья.

После октября 1917 года за границей Российской империи и на территории, контролируемой антибольшевистским сопротивлением, оказались значительные материальные средства. Это так называемое «колчаковское золото», захваченное чехами в Казани, куда большевики, опасаясь немецкой интервенции, перевели из Петрограда половину государственного золотого запаса. Претерпев детективные приключения и значительно «усохший», этот капитал тем не менее оказался в руках антисоветских сил.

Всевозможные «белые правительства» (Н.В. Чайковского, А.И. Деникина, Н.Н. Юденича, П.Н. Врангеля и проч.) отправляли за рубеж для обеспечения займов драгоценные металлы, меха, продовольствие.

Общий вес русского имущества в США, заготовленного, но так и не отправленного в Россию (паровозы, рельсы, подъемные краны, кожа, поташ и т.д.) составлял около 500 тыс. тонн и по стоимости был сопоставим с золотом колчаковского правительства, поставленным за рубеж в счет обеспечения займов [2].

На счетах российских учреждений за границей находились значительные казенные средства. Их судьбы зависели от правительств соответствующих

стран. Англия и Франция секвестировали русские активы в ответ на отказ нового революционного правительства выплачивать иностранные займы царской России. США, у которых русских займов было меньше, проводили более либеральную политику. Надо отметить: несмотря на то, что некоторые страны Антанты наложили руку на русские активы, они (страны) все же оказывали огромную помощь Белому движению. Военный министр Великобритании У. Черчилль называл деникинскую армию «моя армия», поставлял ей технику, вооружение, обмундирование. И не его вина в том, что эти средства использовались неэффективно, а обмундирование, по свидетельству самого А.И. Деникина, разворовывалось казаками. Франция практически содержала врангелевцев, обеспечила их эвакуацию и значительное время после их бесславного военного конца продолжала оказывать помощь.

После октября 1917 года за границей оказались несколько миллионов подданных бывшей Российской империи. Этим людям надо было организовать, оказать посильную материальную, юридическую, моральную помощь. Естественно, в таких условиях должны были сформироваться и сформировались руководящие центры русской эмиграции. Определенную роль в них сыграли отечественные масоны.

Русское масонство возникло под влиянием и в тесном взаимодействии западной культуры в 40-х годах XVIII века и получило определенное развитие в конце XVIII – начале XIX века. Особенно быстро росли масонские ложи после Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. Все это убедительно говорит об усилении влияния западноевропейской, в частности французской, культуры на общественную жизнь России.

Особенностью «королевского искусства» является сочетание в нем лиц самых различных идейных позиций. Культуру масонства смело можно назвать «диалоговой». Не затрагивая здесь проблему ликвидации масонства указом Александра I от 1 августа 1822 года, следует указать, что это «действие» в значительной мере прервало «диалоговую нить» русской культуры, способствовало идейной нетерпимости акторов русской общественной мысли и чрезвычайной жесткости социальных отношений, приводивших к социальным взрывам. После указа, вследствие слабой укорененности ростков западной культуры на русской почве, отечественное масонство постепенно сошло на нет.

В 60-х – 80-х годах XIX века некоторые российские подданные вступали в иностранные, преимущественно французские ложи. В условиях нарастания революционного кризиса в России в их среде возникла идея воссоздания российских масонских мастерских. Главным инициатором и организатором задуманного стал крупный ученый, политический и общественный деятель М.М. Ковалевский, который создал ряд лож мощного масонского объединения «Великий Восток Франции» (далее — ВВФ). Однако в стране рискованного земледелия классическое масонство было подменено квазимасонской

политической структурой, получившей название «Великий Восток народов России» (далее — ВВНР). После событий 1917 года во Франции оказались представители ВВНР, а также россияне-профаны, пожелавшие вступить в масонский цех и создавшие русские мастерские, действующие в системе масонских послушаний ВВФ и «Великой Ложи Франции» (далее — ВЛФ) [3; 5].

Уже в ноябре 1917 года для координации деятельности российских представителей за рубежом было образовано Совещание послов. Инициативу по его созданию проявил посол в Париже В.А. Маклаков, организовавший интенсивный обмен шифрованными телеграммами по отношению к вопросу о новом правительстве в России и позиции дипломатического корпуса.

К началу Первой мировой войны российское дипломатическое представительство за рубежом состояло из 9-ти посольств (в Берлине, Вашингтоне, Вене, Лондоне, Париже, Константинополе, Мадриде, Риме и Токио), 24-х миссий, 154-х различного рода консульств. На 1914 год штат загранучреждений составляли 431 человек [6].

Формально все российские послы значились членами Совещания послов, но вели активную деятельность и были фактическими его руководителями пятеро: М.Н. Гирс (Италия), К.Д. Набоков (Англия), М.А. Стахович (Испания), И.Н. Ефремов (Швейцария) и В.А. Маклаков (Франция). Из пяти членов Совещания двое (40 %) были масонами

Василий Алексеевич Маклаков (1868–1957) — популярный адвокат, депутат II–IV Государственных дум, вступил в парижскую ложу «Масонский авангард» ВВФ в 1905 году. В 1906 году стал членом-основателем первых в XX веке российских лож «Полярная звезда» (С-Петербург) и «Возрождение» (Москва), занимая в них офицерские должности. В мае 1908 года он был возведен в 18-ю розенкрейцеровскую, степень Древнего и принятого шотландского ритуала.

По отношению к «политическому масонству» ВВНР он занял принципиальную позицию, заявив о своей готовности содействовать его регуляризации путем установления, как того требуют масонские правила, соответствующих связей с действующими мировыми орденами, но не принял участия в его деятельности.

После Февральской революции Маклаков получил от Временного правительства назначение послом во Францию. 7 ноября 1917 года, в день победы большевистского восстания в Петрограде, он прибыл в Париж, став таким образом «послом несуществующей страны», а затем одним из лидеров русской эмиграции.

В Париже Маклаков вернулся в ложу «Масонский авангард». Здесь он неоднократно выступал с «зодческими работами», посвященными Первой мировой войне, русско-германским отношениям накануне ее, положению в Российской коммунистической партии. Масонская активность Маклако-

ва проявлялась и в посещении других французских масонских мастерских. В частности, практически сразу после реинтеграции в «Масонский авангард» в марте 1920 года он участвовал в заседании ложи «Социалистические работники Франции». В 1934 году Маклаков покинул французскую ложу, сосредоточившись на деятельности в русских символических масонских мастерских.

В конце 1924 года Маклаков вошел в число основателей русской ложи ВВФ «Северная звезда», занимал в ней до середины 1930 года должность оратора. Он был делегатом мастерской на Конвенте ВВФ в 1926-м и в 1931–1932 годах. Стал почетным членом ложи в 1930 году, а в 1948-м — ее почетным Досточтимым мастером и оставался братом мастерской до своей кончины.

Вскоре после возобновления масонских работ во Франции Маклаков был восстановлен в правах масона 18-й розенкрейцеровской степени. Параллельно масонская «карьер» Маклакова продолжалась во французских мастерских высших градусов. В конце 1920-х годов он был возведен в высшие степени Древнего и принятого шотландского ритуала: рыцаря Кадош (30-й градус) соответствующего Ареопага, 31-ю степень Суверенного Трибуната, 32-ю степень Консистории, а затем и на вершину масонского посвящения — Генерального инспектора 33-го и последнего градуса Верховного Совета Древнего и принятого шотландского устава для Франции [3; 5].

Ефремов Иван Николаевич (1866–1945) — общественный и политический деятель, член I, III, IV Государственных дум, инициатор либеральной группы прогрессистов, ее председатель в III и IV Думах. Один из организаторов Прогрессивного блока. 25 сентября 1917 года Временным правительством он был назначен чрезвычайным посланником в Швейцарии [4: с. 67].

Дата и место инициации Ефремова точно неизвестны. Очевидно, он был посвящен в мае 1914 года во Франции. В предреволюционные годы он являлся членом Петербургской ложи «Розы», объединявшей членов IV Думы и входившей в квазимасонское политическое объединение ВВНР. 21 ноября 1918 года Ефремов присоединился к ложе «Братство» Великого Востока Франции и в тот же день был возведен во 2-ю и 3-ю степени, что подтверждает его довоенную инициацию. Французские братья подтверждали инициацию в «правильно организованных ложах» и не признавали масонства ВВНР. Позже Ефремов работал в русских мастерских ВЛФ: «Астрея», «Гермес», был одним из основателей розенкрейцеровского капитула «Астрея» и оставался в нем до своей кончины.

В конце декабря 1918 года «послы несуществующего государства» образовали объединенную структуру общероссийских представительств — Русское политическое совещание (далее — РПС), стоящую на позициях борьбы с советской властью под председательством бывшего главы Временного правительства Г.Е. Львова. В организацию входили дипломаты, деятели местных правительств и некоторые видные полити-

ки (ГАРФ. Ф. Р-454. Оп. 1. Ед. хр. 67 // libinfo.org Межфондовый поиск документов»Документы»?id=1232).

ППС состояло из 14 членов [1: с. 43]. Из них в масонское братство входило 6 человек (43 % состава). Помимо В.А. Маклакова и И.Н. Ефремова: С.А. Иванов, А.И. Коновалов, Б.В. Савинков, Н.В. Чайковский.

Иванов Сергей Андреевич (1858–1927) — выходец из мелкопоместной дворянской семьи, окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. С 1870 года — участник революционного движения, член «Народной воли», сторонник террора. Был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Шлиссельбуржец. После освобождения по Манифесту 17 октября 1905 года — эсер. В 1906 году эмигрировал. В годы Первой мировой войны — доброволец французской армии. Активист русских общественных организаций во Франции: Земгора, Политического Красного креста, Комитета помощи голодающим в Советской России. Литератор [7: с. 355] (см. также: Паламарчук. Из родословной семьи Батюшковых. 2008 г. // feb-web.ru/feb/batyush/critics/ep/ep1/ep1-154-.htm (дата обращения: 19.03.2013 г.)).

Иванов был инициирован во французской ложе «Братство» в марте 1919 года. Возведен во 2-ю и 3-ю степени в 1920 году. В ложу наряду с ним входили уже известные персонажи: Ефремов, Коновалов. Позже он перешел в русскую мастерскую «Северная звезда» ВВФ, став наряду с Маклаковым ее основателем. В мастерской он занимал должности Дародателя, и.о. Казначей. Иванов работал вместе с Маклаковым по созданию Державного капитула «Северная звезда» ВВФ, объединявшего братьев 18-й степени посвящения. Он был членом ложи и капитула до своей кончины.

Коновалов Александр Иванович (1875–1949) — успешный предприниматель, крупный благотворитель, пианист, общественный и политический деятель, депутат IV Думы, член Думской ложи «Роза» ВВНР (куда входил И.Н. Ефремов) и Верховного Совета. Министр торговли и промышленности Временного правительства. Арестован вместе с другими министрами. В начале 1918 года освобожден из Петропавловской крепости, эмигрировал во Францию, где в 1919 году пытался воссоздать Верховный Совет русского масонства из членов ВВНР, но в конечном счете вместе с Ефремовым и Ивановым стал членом французской ложи «Братство» ВВФ [3: с. 66; 7: с. 1167, 1215].

Савинков Борис Викторович (1879–1925) — известный революционер, террорист, политический деятель, литератор, активный борец с большевизмом. С ноября 1918 года стал посланником А.В. Колчака в Париже. С апреля 1917 года «политический» масон ложи «Истинные друзья» ВВНР. В Париже с 1919 года стал членом французских лож «Братство народов» и «Фивы» (вместе с Ефремовым). С апреля 1920 года участвовал в разработке плана учреждения русских лож вместе с Ивановым, Ефремовым, Чайковским.

Вместе с двумя последними и А.И. Путиловым в 1921 году входил в русскую ложу «Астрея» и Капитул 18-го градуса посвящения под тем же названием [5: с. 131].

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926) — известный революционер, эсер, кооператор, крупный общественный деятель. Образовал и возглавил в сентябре 1918 года антисоветское Временное правительство Северной области (Архангельск). Чайковский посвящен в братство в возрасте 64-х лет в ложу «Восходящая звезда» ВВНР. Вскоре стал «венераблем» (руководителем ложи), в этом качестве входил в руководящую структуру ВВНР. В эмиграции, несмотря на свой возраст, в 1919 году прошел инициацию в парижской Англо-Саксонской ложе и вскоре возведен во 2-ю и 3-ю степени. Ветеран революционного движения активно включился в работу по созданию русских мастерских в Париже. Наряду с Ефремовым и Савинковым он стал членом-основателем ложи «Астрея» ВЛФ и был ее членом до своей кончины. Чайковский получил высшие градусы посвящения Древнего и принятого шотландского устава, входил в розенкрейцеровский капитул «Астрея», посещал ложи высших градусов Верховного Совета ВЛФ [5: с. 132–134].

С 18 января 1919-го по 21 января 1920 года проходила Парижская мирная конференция, подведшая итоги Первой мировой войны. Ни одно из правительств, претендовавших на статус законной Российской власти, не было приглашено на конференцию.

Русское политическое совещание сформировало представительство для участия и защиты российских интересов в мирной конференции — Русскую политическую делегацию под председательством Г.Е. Львова. Из ее пяти членов было трое масонов: Маклаков, Савинков, Чайковский, т. е. 60 % состава. Основные центры антибольшевистского сопротивления, представленные А.В. Колчаком и А.И. Деникиным, удостоуверили полномочия делегации. Однако ей не удалось добиться участия в конференции.

В целях изыскания средств для финансирования антибольшевистского движения РПС в конце 1918-го – начале 1919 года создало Финансово-экономическую комиссию (ФЭК). В ее состав входило 34 человека, в том числе А.И. Коновалов и А.И. Путилов.

Путилов Алексей Иванович (1866–1940). Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Чиновник, дослужившийся до должности заместителя министра финансов, затем банкир, председатель правления Русско-Азиатского банка, председатель правления множества акционерных обществ. После 1917 года в эмиграции во Франции, где возглавлял отделение Русско-Азиатского банка. Оказывал помощь Белому движению. В 1921 году предлагал план восстановления России при помощи иностранных кредитов. В 1933 году — директор общества «Путилов-Беккер и Ко». Будучи инициатором летом 1921 года в парижской ложе «Космос», Путилов внес

значительную сумму на создание русских эмигрантских лож в Париже. Был членом-основателем лож «Астрея» и «Гермес». Входил в мастерские высших градусов Древнего и принятого шотландского устава [5: с. 136–137].

Кроме них в состав ФЭК входили будущие масоны П.П. Рябушинский, из семьи известных московских фабрикантов (посвящен в 1924 г.) и С.Н. Третьяков (инициирован в 1930 г.)

Третьяков Сергей Николаевич (1882–1944). Из семьи московских текстильных фабрикантов. Управлял делами семьи Третьяковых. Предприниматель, общественный деятель. Был арестован вместе с членами Временного правительства. Член Учредительного собрания. Освобожден в конце февраля 1918 года. Заместитель Председателя и министр иностранных дел колчаковского правительства. В эмиграции активно занимался общественной деятельностью. В 1929 году завербован ОГПУ. В 1937 году содействовал похищению руководителя Российского общевоинского союза (РОВС) Е.К. Миллера (брата одного из финансистов Белого движения К.К. Миллера). В 1944 году казнен гитлеровцами как советский шпион [7: с. 808–809].

К сентябрю 1919 года РПС прекратило свое существование ввиду создания «объединенного правительства» в России, т. е. признания Деникиным власти Колчака. Однако Русская политическая делегация (РПД) не была распущена и после подписания Версальского мирного договора в 1919 году. После крушения режимов Колчака и Деникина она решила взять казенные средства под свой контроль. За ними шла настоящая охота как союзников, пытавшихся «отбить» вложенные в Россию активы, так и советской агентуры. В этих условиях для сохранения государственных средств было принято решение о переводе их на личные счета российских финансовых агентов. Одним из авторов этой идеи был будущий масон (посвящен в 1932 г.) П.А. Бурьшкин.

Бурьшкин Павел Афанасьевич (1887–1953). Из купеческой семьи. Окончил юридический факультет Московского университета. Предприниматель, общественный деятель. Активный участник антибольшевистского сопротивления. С ноября 1919 года — министр финансов колчаковского правительства. Активист русского заграничного масонства, член мастерских высших градусов. Литератор, историк масонства [7: с. 151–152].

16 января 1920 года РПД приняла ключевые решения по финансовым вопросам Белого дела: оптимизация расходов, продолжение финансирования военных расходов, увеличение средств на дело пропаганды, увеличение помощи все увеличивающемуся контингенту русских эмигрантов.

Во исполнение этих решений Делегация сократила личный состав российских учреждений за границей, уменьшила его оклады. В частности, Маклаков сам урезал себе содержание на три четверти [1: с. 231]. Были увеличены средства, отпускаемые Российскому обществу Красного Креста (РОКК),

Земскому союзу на помощь беженцам, посольствам и миссиям для поддержания нетрудоспособных лиц.

Вследствие того, что большевизм казался временным явлением, Делегация пыталась готовить государственные структуры для замены советского руководства и пыталась сохранять для «возрожденной России» стремительно уменьшающие средства.

4 апреля 1920 года Деникин передал Верховное командование генералу П.Н. Врангелю, который стал Правителем Юга России. Авантюра Врангеля значительно усложнила финансовое состояние эмиграции. 31 мая 1920 года РПД признала Крымскую власть и прекратила свою деятельность. Несмотря на то, что российские дипломаты не верили в долговечность пришествия Врангеля и считали дело безнадежным, они предоставили ему значительную материальную и финансовую помощь.

Разгром Врангеля в ноябре 1920 года привел к эвакуации полутора тысяч человек, что потребовало огромных средств. Только российские посольства ассигновали на врангелевских беженцев 2 млн долларов. Русские дипломаты обратились к британскому, американскому, итальянскому правительствам. Только помощь Франции, которая 2 августа 1920 года признала власть Врангеля де-факто, предотвратила более масштабную гуманитарную катастрофу.

Битый барон, оказавшись в эмиграции, стал претендовать на роль главы российской власти в эмиграции. 5 апреля 1921 года он, не вняв ни предупреждениям французов, ни советам дипломатов, создал свое правительство (Русский совет) в изгнании. В ответ французское правительство заявило, что врангелевская армия больше не существует, и объявило о прекращении помощи русским беженцам. «Русский совет» был упразднен из-за отсутствия средств. Армия просуществовала до середины 1920-х годов, а затем, в форме РОВСа, до середины 1940-х годов.

Русская эмиграция пыталась создать авторитетный орган национального представительства. В частности, в начале декабря 1920 года по инициативе А.И. Гучкова был создан Парламентский комитет из бывших членов Государственной думы и Государственного совета (ГАРФ. Ф. Р-7509. Оп. 1. Ед. хр. 20 // libinfo.org Межфондовый поиск документов) Документы?id=1489 (дата обращения: 04.04.2013 г.)). В него вошел ряд российских «детей вдовы», в частности, В.Д. Кузьмин-Караваев, Е.И. Кедрин и др.

Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) — военный юрист, общественный деятель, активист земского и городского самоуправления, профессор, публицист, участник русско-японской войны, защитник Порт-Артура, вышедший в отставку в чине генерал-майора. Депутат I и II Государственных дум. В 1919 году занимал пост министра юстиции у Юденича, с июня 1920 года — парижский эмигрант. Кузьмин-Караваев был русским масоном на-

чала XX века первого призыва, входил в ложу «Полярная звезда» и «уснул» после закрытия всех лож ВВФ в России. В эмиграции реинициирован в парижской «Астреи», был членом «Гермеса», Капитула «Астрея», куда входили уже известные нам Савинков, Чаковский, Ефремов, Путилов, и оставался братом этих мастерских до своей кончины [3: с. 63, 67, 123, 164, 179, 184, 189, 213].

Членом Парламентского комитета был Евгений Иванович Кедрин (1851–1921), известный адвокат и общественный деятель, один из старейших и активнейших русских масонов [3: с. 38–40, 44–46, 57, 63, 100, 116, 126].

В январе 1921 года в Париже было собрано частное Совещание членов Учредительного собрания. Присутствовало 33 человека, преимущественно эсеры и кадеты. Его цель декларировалась как защита международных и государственных интересов России. В совещании принимали участие уже известные масоны: Коновалов, Маклаков. Совещание создало постоянно действующий орган — Исполнительную комиссию под председательством масона Авксентьева. Кроме него в комиссию вошли вольные каменщики В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, Е.Ф. Роговский.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) — один из руководителей партии эсеров, специалист по философии Ницше. Активный участник антибольшевистского сопротивления. Он был инициирован в парижской ложе в 1913 году. В 1917 году присоединился к ВВНР. Летом 1919 года пытался вместе с Коноваловым и А.Ф. Керенским реанимировать эту организацию. Потерпев неудачу, он стал основателем ложи «Северная звезда» ВВФ наряду с другими российскими вольными каменщиками, в частности, с известными нам персонажами Ивановым, Маклаковым. С ними же он стал членом-основателем Державного Капитула «Северная звезда» 18-го градуса посвящения. Перебравшись в 1941 году в Нью-Йорк, создал и возглавлял до своей кончины группу, объединявшую русских масонов, входивших в Париже в ложи ВВФ и ВЛФ [7: с. 139–140].

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953). Из семьи купцов. Обучался в немецких университетах общественным наукам. С 1903 года — член партии социалистов-революционеров, член ее боевой группы, член ЦК партии. Член Уфимской Директории. После прихода к власти Колчака выслан из России. С 1919 года жил в Париже, с 1940 года — в Нью-Йорке.

Входил в русскую ложу ВВФ, затем в ВВНР, пытался воссоздать в эмиграции эту организацию. В Нью-Йорке вместе с Авксентьевым входил в клуб русских масонов, оставаясь его членом до своей кончины [7: с. 345–346].

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — из дворянской семьи, отец был директором симбирской гимназии. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Популярный адвокат, лидер трудовиков в IV Государственной думе. Министр, затем председатель Временного правительства. Один из организаторов и руководителей «политического ква-

зимасонства» ВВНР. Был посвящен в 1912 году в петербургской ложе «Малая медведица». В эмиграции пытался воссоздать ВВНР [7: с. 388–389].

Роговский Евгений Францевич (1888–1950) — адвокат, эсер. Занимал видные посты во Временном правительстве. Петроградский градоначальник, активный участник антибольшевистского сопротивления. Был инициирован в 1925 году в парижской ложе «Северная звезда», куда входили Авксентьев, Иванов и Маклаков.

Вследствие недостатка финансирования Исполнительная комиссия просуществовала немногим менее года. Одной из причин краха «учредилки» Маклаков в апреле 1921 года определил чисто масонской фразой: у нее «не оказалось запаса мыслей, которые бы освещали существующий хаос новым светом» [8: т. 1, с. 353].

На руководящую роль в русской эмиграции какое-то время претендовал и Центр действия во главе с Чайковским, пытавшийся наладить связи с Россией.

В конце концов в феврале 1921 года руководители русского дипломатического корпуса приняли решение, что единственным законным органом, представляющим интересы России, может являться только Совецание (Совет) послов. Он стал постоянно действующим органом. Совет послов образовал Финансовый совет под председательством Гирса, действовавший с 8 февраля 1921-го по 14 июня 1924 года. Из вольных каменщиков туда входил лишь Маклаков.

Дипломаты, не имевшие достаточно опыта и специального аппарата для распределения средств, переложили эти заботы на плечи Земгора, который использовал их не только для помощи беженцам, но и для поддержки борьбы с советской властью.

Маклаков, испытывая «органическую любовь к неправде», по характеристике его старинного друга и масонского брата писателя М. Алданова, был «одним из самых искренних и правдивых людей, каких мне когда-либо приходилось встречать» [3: с. 120]. Он являлся одним из наиболее рачительных наблюдателей за расходованием государственных средств. Он нещадно критиковал «учредилку» за съем роскошного помещения в самом престижном районе Парижа, с великолепной мебелью, с мягкими кожаными креслами и диванами, с огромным кабинетом Авксентьева, где тот восседал за громадным столом красного дерева.

Маклаков также следил за расходованием средств Земгора, требуя от него строгого финансового отчета. Посол не обвинял земгоровцев в расхищении казенных сумм. Здесь «нет растрат и злоупотреблений в прямом смысле», — писал он послу в США Бахметеву, но указывал на нерациональные траты денег, нередко направленные на удовлетворение нужд самого Земгора [8: т. 1, с. 356–357, 370].

26 июня 1924 года совместное совещание послов и финансовых агентов констатировало истощение средств Финансового совета и предложило его

ликвидировать. Взамен создавалась Финансовая комиссия, которая должна была распределять средства, предоставляемые на гуманитарные нужды. Изменялся и порядок финансирования от общих сметных ассигнований, по строго предметному назначению. Деятельность Финансовой комиссии велась под общим руководством Совещания послов [1: с. 319–320].

В конце апреля 1921 года по инициативе Бахметева был создан особый Национальный фонд из средств распорядителей российских средств за рубежом. Фонд находился в распоряжении группы лиц в составе Гирса, Бахметева, Маклакова, Львова и Авксентьева [1: с. 324]. Как нетрудно заметить, в него вошли два масона из пяти (40 % состава).

Деньги фонда хранились в London and Eastern Trade Bank (Лондонский и восточный торговый банк). Председателем Совета банка стал С.Г. Лианозов, он был единственным масоном в его правлении.

Лианозов Степан Георгиевич (1875–1949) — крупный нефтепромышленник. После октября 1917 года выехал в Финляндию, где стал одним из организаторов антибольшевистского движения, входил в состав правительства Н.Н. Юденича.

Инициация Лианозова состоялась в парижской ложе «Астрея» по рекомендации Путилова в 1922 году. Позже он был членом-основателем лож «Гермес», «Золотое руно», входил в ложу «Лотос». В мастерских он занимал офицерские должности, вплоть до Досточтимого мастера. Лианозов активно участвовал в ложах высших градусов, в последние дни своей жизни был посвящен в высший, 33-й градус, Древнего и принятого шотландского устава [5: с. 138–139].

Среди служащих банка был масон Иван Иванович Сукин, начавший дипломатическую службу с низших карьерных ступеней и дослужившийся до управляющего министром иностранных дел у Колчака. Он прошел инициацию в Англии в 1924 году [7: с. 778].

В середине 1920-х годов, под давлением обстоятельств (истощение средств, признание европейскими правительствами СССР и др.) и вопреки мнению одного из наиболее авторитетного распорядителей фонда Бахметева, по инициативе Маклакова руководители фонда стали тратить его средства на помощь беженцам и содержание официальных органов.

Позиция по вопросу расходования средств Национального фонда Маклаковым определялась тем, что «в наших условиях держать деньги, предназначенные для “восстановления России”», мне казалось смешно... ибо если мы доживем до того, что люди будут за границей умирать с голоду, то наличность денег, припрятанных для будущего экономического возрождения России, будет актом, в котором мы не посмеем публично признаться...» [8: т. 2 с. 279].

18 мая 1925 года коллегия попечителей денонсировала положение о Национальном фонде и была распущена. Ее функции перешли к финансо-

вым агентам. Но важнейшие решения о тратах средств, изменениях порядка их хранения принимаются финансовыми агентами и Совещанием послов [1: с. 361].

В 1924 году ведущие страны Европы официально признали СССР. Маклаков, как и большинство бывших российских послов, возглавил офис по делам русских беженцев при французском МИДе и по должности стал председателем Эмигрантского комитета. Деятельность бывших послов стала носить не политический, а гуманитарный характер. Однако Совет послов не был упразднен. Он продолжал следить за расходом государственных средств.

Мировой экономический кризис нанес сильнейший удар по Лондонскому и восточному торговому банку и хранящимся там средствам. Вследствие Второй мировой войны банк потерял четверть своих активов, вложенных в страны советской оккупации. За годы войны умерли практически все лица, ответственные за казенные средства. В 1947 году остатки фонда переданы Маклакову [1: с. 367]. Он привлек новых лиц к делу хранения казенных средств, в том числе масонов Я.Л. Рубинштейна и А.А. Титова.

Рубинштейн Яков Львович (1879–1963) — харьковский адвокат. Бессменный соратник Маклакова, член руководства Земгора, Русского эмигрантского комитета и др. эмигрантских организаций. Писатель, журналист. Масон ВВНР, сохранивший верность этой организации в эмиграции [7: с. 714–715, 1182].

Титов Александр Андреевич (1878–1961) — ученый-химик, крупный предприниматель, владелец химико-фармацевтической фирмы «Биотерапия», член партии народных социалистов, товарищ министра продовольствия Временного правительства, председатель ревизионной комиссии Земгора. Очевидно, входил в парижскую ложу «Северная звезда» вместе с Маклаковым, Авксентьевым, Ивановым, Роговским [7: с. 799–800].

Они и потратили после Второй мировой войны остатки национального фонда, оставшись «жертвователями, пожелавшими остаться неизвестными» [1: с. 404–413]. Основные средства были выделены Земгору на помощь нуждающимся русским детям во Франции, русской гимназии в Париже, приютам, интернатам, стипендиям нуждающимся студентам, объединению сестер милосердия РОКК. Последнее ассигнование, утвержденное Маклаковым, относится к 1957-му, году его кончины [1: с. 412–413].

Российская масонская интеллигенция имела высокий уровень высшего образования. Нередко в ее среде встречались лица с двумя и более дипломами. Ее характерной чертой была высокая общественная активность. Часто она была унаследована от родителей: сторонников Великих реформ 60–70-х годов XIX века, председателей и членов земского и городского самоуправления, активистов различных общественных организаций. Большинство российских вольных каменщиков имело прозападные настроения, часто вояжировало по Европе, свободно владело иностранными языками. Вполне естественно, что, оказавшись в эмиграции, русские масоны становились активными деяте-

лями тех или иных структур, в том числе руководящих, призванных организовать и оказать помощь соотечественникам.

Масонские связи способствовали установлению контактов между деятелями различных политических взглядов и организаций. Многие из упомянутых в статье лиц, имевших отношение к деньгам русской эмиграции, группировались в тех или иных масонских центрах. Например, членами ложи «Астрея» ВЛФ были Ефремов, Кузьмин-Караваев, Лианозов, Путилов, Савинков, Чайковский. В ложу «Северная звезда» ВВФ входили Авксентьев, Иванов, Маклаков, Роговский, Титов. Общение в мастерских, основанных на диалоговой культуре, позволяло решать острые вопросы и приходило к консенсусу в братской атмосфере. Признанным мастером компромиссов в политике, дипломатии, личностным взаимоотношениям был старейший по возрасту и масонскому стажу Маклаков. При всем этом масонские принципы поиска гармонии не означали беспринципность. Например, практически все рассмотренные персонажи сохраняли и отстаивали свою партийную принадлежность, свои взгляды и жизненные принципы.

Изучая деятельность русских вольных каменщиков в эмиграции и сопоставляя ее с сегодняшними реалиями, не перестаешь удивляться моральным качествам русской интеллигенции, в том числе масонской. В частности, О.В. Будницкий при всей его дотошности не выявил ни одного факта растраты распорядителей государственных средств, оставшихся после октября 1917 года за рубежом [1]. Особенно хочется сказать об одном из главных героев данной статьи В.А. Маклакове. Волею судьбы он стал последним и практически единственным владельцем остатков средств бывшей Российской империи. Больной, почти что 90-летний старик, продолжал до конца жизни в соответствии с филантропическими идеалами масонства оказывать помощь своим соотечественникам.

Не будучи сторонником идеализации «королевского искусства» (оно состоит из людей, со всеми вытекающими из этого последствиями), автор статьи не мог не сделать вывод, что это явление мировой культуры оказывает облагораживающее воздействие на человеческое сообщество.

Литература

1. Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М.: НЛО, 2008. 512 с., ил.
2. Военные поставки США, Фр., и Англии России при Временном правительстве (март – октябрь 1917 г.) // Исторический архив. 1955. № 3. С. 179.
3. Карпачев С.П. Масонская интеллигенция России конца XIX – начала XX века. М.: Центр гуманитарного образования, 1998. 231 с.
4. Карпачев С.П. Масоны — министры Временного правительства // Вопросы отечественной истории и историографии: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. М.: РИЦ МГГУ им М.А. Шолохова, 2009. С. 62–71.

5. *Карпачев С.П.* Тайны масонских орденов. Ритуалы «вольных каменщиков». М.: Яуза-пресс, 2007. 352 с., ил.
6. *Кононова М.* Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в эмиграции в 1917–1938 гг. // *Международная жизнь*. 2001. № 9–10. С. 71–83.
7. *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с., ил.
8. «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951: в 3-х т. / Ред., вступит. ст., коммент. О.В. Будницкого. М.; Стэнфорд: РОССПЭН; Изд-во Гуверовского института, 2000–2002.

References

1. *Budniczkij O.V.* Den'gi russkoj e'migracii: Kolchakovskoe zoloto. 1918–1957. М.: NLO, 2008. 512 с., ил.
2. Voenny'e postavki SShA, Fr., i Anglii Rossii pri Vremennom pravitel'stve (mart – oktyabr' 1917 g.) // *Istoricheskij arxiv*. 1955. № 3. S. 179.
3. *Karpachev S.P.* Masonskaya intelligenciya Rossii koncza XIX – nachala XX veka. М.: Centr gumanitarnogo obrazovaniya, 1998. 231 s.
4. *Karpachev S.P.* Masony' — ministry' Vremennogo pravitel'stva // *Voprosy' otechestvennoj istorii i istoriografii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Vy'p. 12*. М.: RICz MGGU im. M.A. Sholoxova, 2009. S. 62–71.
5. *Karpachev S.P.* Tajny' masonskix ordenov. Ritualy' «vol'ny'x kamenshnikov». М.: Yauza-press, 2007. 352 с., ил.
6. *Kononova M.* Deyatel'nost' diplomatov czarskogo i Vremennogo pravitel'stva v e'migracii v 1917–1938 gg. // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2001. № 9–10. S. 71–83.
7. *Serkov A. I.* Russkoe masonstvo. 1731–2000 gg. E'nciklopedicheskij slovar'. М.: ROSSPE'N, 2001. 1224 с., ил.
8. «Sovershenno lichno i doveritel'no!» В.А. Бахметев – В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951: в 3-х т. / Ред., вступит. ст., коммент. О.В. Будницкого. М.; Стэнфорд: ROSSPE'N; Изд-во Гуверовского института, 2000–2002.

S.P. Karpachyov

Masons and Money of Russian Emigration

In the article the author for the first time shows the participation of Freemasons in the governing bodies of the Russian emigration. The article considers the problem of financing of the White movement and the humanitarian programs of the Russian diaspora.

Keywords: masons; the White movement; the Russian emigration.

А.И. Юрьев

К вопросу о влиянии эсеров и большевиков на крестьян, рабочих и солдат центра России накануне Октябрьской революции 1917 года

В статье на основе архивных документов и материалов рассматривается вопрос о степени влияния эсеров и большевиков на крестьян, рабочих и солдат центра России накануне Октябрьской революции 1917 года.

Ключевые слова: эсеры; большевики; крестьяне; рабочие; солдаты.

Опорой партии социалистов-революционеров накануне Октябрьской революции по-прежнему оставалось крестьянство. И хотя вера в эсеров в деревне была в некоторой степени поколеблена, но крестьяне продолжали связывать с ними свои надежды, прежде всего в решении земельного вопроса. Большевики, вопреки широко распространенному в советской историографии мнению об их большой работе в деревне, на самом деле фактически занимались ею от случая к случаю и в основном в селах и деревнях, где проживали крестьяне, работавшие на находившихся рядом фабриках и заводах. Это, прежде всего, вытекало из главных теоретических положений большевиков о пролетариате, как ведущей силе революции, и крестьянстве, как представителе мелкой буржуазии. Анализ каталога издательства «Прибой» ЦК РСДРП (б), состоявшего в октябре 1917 года из более чем 50 наименований книг и брошюр, предназначенных для распространения среди населения, показывает, что все они прежде всего обращены непосредственно к рабочим и солдатам или носят сугубо теоретический характер. В каталоге практически нет изданий, обращенных непосредственно к крестьянам (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 26. Л. 17).

Об этом же говорят и многочисленные письма, приходившие в Московское областное бюро РСДРП (б) и его орган — газету «Социал-Демократ». Так, крестьянин Яблоков из Макарьевского уезда Костромской губернии писал в конце июля, что большевикам необходимо обращать внимание на деревню, а не только на «организованных рабочих». И жаловался на отсутствие у большевиков «популярных книжек для деревни», ставя в пример эсеров, которые выпустили много «удобопонятных для крестьян книжек» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 44. Л. 203–204). Об этом же писал и другой автор —

крестьянин Бабин, призывая редакцию газеты «Социал-Демократ» писать более кратко, ясно, доступным для крестьян языком, не замыкаться от них «в мире особой касты, которая говорит на непонятном нам языке». «Вспомните, — писал он, — что в деревне ваших ученых сочинений некому читать, что там купленную вскладчину газету разбирает по складам десятилетний грамотей, а толкователем является, кроме него, шестидесятилетний дед», и просил редакцию писать «без иностранщины и вычурностей слога, без замысловатых оборотов речи, без двусмысленных и темных выражений, а простым действительно народным языком» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Л. 214, 223–226). Из села Заболотское Мураевинской волости Рязанской губернии крестьяне писали, что если эсеры ведут в деревне большую агитационную работу, бывают там часто, то большевики совсем не приезжают (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 55. Л. 13). Арзамасский комитет РСДРП (б) Нижегородской губернии сообщал в областное бюро в июне, что они выслушивают «справедливые упреки деревни» в том, что «она забыта» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 53. Л. 23). А из Калужской губернии большевики информировали, что с деревней «тесных связей не поддерживается» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 49. Л. 3). Калужская губернская конференция РСДРП (б), проходившая 29 июля, в резолюции о работе в деревне нашла нужным принять следующие меры для улучшения работы с крестьянами: развивать агитацию среди солдат, организовать рабочих-крестьян, образовать в городе землячества, организовать переписку с деревней (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 49. Л. 3). Как видно из этих мер, работа непосредственно в деревне не предполагалась.

Несколько активизировалась деятельность большевиков в связи с подготовкой к выборам в Учредительное собрание. Московское областное бюро РСДРП (б) на пленарном заседании 28–29 июля своим решением отмечало, что ввиду «того огромного значения, которое на выборах в Учредительное собрание будет иметь крестьянская масса, необходимо теперь же обработать самое серьезное внимание на организационную работу среди крестьян». При этом было рекомендовано даже в отдельных случаях разрешить внесение в списки РСДРП (б) кандидатур «сочувствующих» большевикам беспартийных крестьян и сельскохозяйственных рабочих (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 19).

Однако к большим изменениям в работе с крестьянством это не привело. Накануне Октябрьской революции о том, что «утрачена связь с деревней», писали из Смоленской губернии (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 56. Л. 45). Из Ярославской губернии сообщали, что «крестьянская работа ведется слабо» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 63. Л. 31). Из Твери информировали, что «почти еще ничего осязательного сделать» для деревни «не смогли». При этом подчеркивали, что эсеры и меньшевики «заваливают деревни литературой, заглушают своими фразами» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 58. Л. 47). Аналогичные сообщения шли и из других мест.

Не все однозначно, как это трактуется нередко в нашей исторической науке и сегодня, было и с поддержкой большевиков рабочими. Вне всякого сомнения, в октябре 1917 года их значительное количество шло за большевистскими лозунгами. Это показывает и состав многих Советов рабочих депутатов центра России, где большинство уже имели не эсеры и меньшевики, а большевики. В то же время многие рабочие продолжали поддерживать социалистов-революционеров и меньшевиков.

В Калуге, например, в конце сентября эсеры и меньшевики пользовались влиянием среди печатников и железнодорожников. Большевики — среди портных и отчасти железнодорожных рабочих. Это положение объяснялось большевиками тем, что состав рабочих «очень сильно пострадал от мобилизации», и в результате «обнаружилось расхождение» между революционно настроенными солдатами и рабочими, которые в ряде случаев их не поддерживали (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 27). В Рязани многие рабочие также шли за эсерами и меньшевиками, но эсеры все же имели несравненно большее влияние. На заседании Московского областного бюро РСДРП (б) менее чем за месяц до Октябрьской революции был сделан вывод, что, в общем, Рязань является «очагом» эсеров (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 30). Сильным по-прежнему продолжало оставаться влияние среди рабочих эсеров и меньшевиков в Туле, где они и в октябре имели большинство в Совете рабочих и солдатских депутатов (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 54). В Москве также не все рабочие и не во всем поддерживали большевиков, что позволяло им в некоторых случаях делать вывод о большой инертности московских рабочих (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 28).

Сильным оставалось влияние эсеров и меньшевиков, а также и некоторых других партий, в среде рабочих уездных городов. Например, в Тверской губернии большевики отмечали: «...главная наша опора — в солдатских массах, рабочие по преимуществу ремесленники с черносотенным настроением» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 37).

Основное, по сути дела главное значение в приближающихся революционных событиях Октября имело то, за кем пойдет армия. После Февральской революции влияние эсеров на нее было значительным. Подавляющее большинство Советов солдатских депутатов шло за эсерами и меньшевиками. Однако провал июньского наступления, агитация большевиков, влиявшая на армию, жесткие карательные меры, принятые Временным правительством после июльских событий, привели к резкому повороту в настроениях солдат.

Это выразилось, с одной стороны, в их озлоблении против командного, офицерского состава, отказах подчиняться, выполнять приказания, всплеске проявлений недовольства политикой Временного правительства, продолжавшего войну. С другой стороны, это, естественно, отразилось на отношении к Партии социалистов-революционеров, представители которой входили в состав прави-

тельства, что справедливо давало возможность говорить и о ее ответственности за все происходящее. Корниловский мятеж окончательно подорвал веру значительного количества солдат в командный состав, Временное правительство, Партию социалистов-революционеров и привел к большевизации многих Советов солдатских депутатов, устранению из них эсеров и меньшевиков. Особенно сильно все эти процессы происходили в тыловых гарнизонах, где готовящиеся к отправке на фронт солдаты, не желая воевать, наиболее остро воспринимали призывы большевиков о прекращении войны.

Все это наглядно проявилось и в центре России, где находилось громадное количество различных воинских частей и соединений. На заседании Московского областного бюро РСДРП (б) 27–28 сентября один из его членов Максимовский говорил в своем докладе: «Масса солдатская очень серая, охваченная стихийной жадью мира и потому поддерживающая большевиков» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 30).

Действительно, анализ источников говорит о том, что в губерниях центра России, почти везде, где находились воинские гарнизоны, основная масса солдат поддерживала большевиков. Накануне Октябрьской революции большинство Советов солдатских депутатов было уже большевистскими. Безусловно, что социалисты-революционеры как в центре, так и на местах видели эту ситуацию. В одном из эсеровских документов, датированном 10 октября, пришедшем в Петроградский комитет Партии социалистов-революционеров, отмечалось: «В последнее время большевизм — самый безграмотный — пользуется громадным успехом среди войска. Причина проста — предположение масс, что большевики являются единственными людьми, стремящимися к скорейшему заключению мира» (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 26. Л. 81).

Уже в сентябре – октябре в ряде мест солдаты идут на серьезные конфликты с Советами, где большинство имеют эсеры и меньшевики, местными органами самоуправления, отказываясь подчиняться их решениям.

Так, в Калуге, где гарнизон составлял, по разным источникам, от 25 до 40 тысяч человек, большевики при полной поддержке Совета солдатских депутатов решили 14 сентября провести демонстрацию в связи с открытием Демократического совещания и народное гуляние с митингом в городском саду. Совет рабочих депутатов, в котором было еще сильно влияние эсеров и меньшевиков, высказался против и поддержал городскую управу, запретившую проведение этих мероприятий. По всей видимости, это было сделано в связи с тревожной обстановкой в городе, вызванной продовольственным кризисом и слухами о готовящихся погромах. Но большевики и Совет солдатских депутатов отказались выполнить постановление управы. Демонстрация, в которой участвовало до 20 тысяч «исключительно солдат», прошла под большевистскими лозунгами. Состоялось и гуляние с митингом в городском саду, в связи с чем эсеры и меньшевики стали обвинять большевиков в невыполне-

нии решения управы и использовании вооруженной силы. Следует отметить, что проведение демонстрации и народного гуляния вызвали неоднозначное отношение и среди самих большевиков, группа которых выступила против их проведения, поддержав решение управы и позицию Совета рабочих депутатов. При этом они, указывая на решение «занять сад», сочли, что «такого рода захват недопустим», обвинив также председателя Калужского комитета РСДРП (б) Витолина в некорректных высказываниях в адрес эсеров и меньшевиков: «продались буржуазии», «предатели», «слишком возбуждающие» солдат (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 30; Д. 40. Л. 27).

20–21 сентября в Ярославле солдаты вместе с рабочими выступили с требованием к Совету рабочих и солдатских депутатов, имевшему эсеровско-меньшевистское большинство, о выдаче мандатов для проведения обысков с целью обнаружения скрытых запасов продовольствия. Поскольку в ходе уже начавшихся несанкционированных обысков были случаи грабежей, то эсеры и меньшевики высказались против такого «движения». Большевики поддержали его. Как отмечалось на заседании Московского областного бюро РСДРП (б), это было сделано с целью «привлечь массу за наши лозунги и прежде всего на борьбу за власть» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 36).

В Рославле Смоленской губернии, где находился большой гарнизон, солдаты также были недовольны «половинчатостью политики» Совета рабочих и солдатских депутатов, где сильное влияние имели эсеры и меньшевики. 23 сентября, явившись в Совет «в большом количестве», они потребовали и заставили его согласиться на перевыборы депутатов (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 56. Л. 36).

В Рязани, на проходившем 4 октября губернском съезде крестьянских депутатов, после принятия им эсеровской резолюции солдаты местного гарнизона заняли места депутатов, прервав работу съезда, потребовали переголосования и принятия большевистской резолюции (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 55. Л. 24).

Большое влияние на развитие октябрьских событий в стране, и в том числе, в центре России, оказало решение большевиков о невыводе поддерживающих их войск из мест дислокации.

Так, еще 20 июня Московский комитет РСДРП (б) на своем заседании принял резолюцию, в которой считал необходимым организацию и пропаганду в войсковых частях «оставления революционных полков внутри страны для отпора контрреволюции». При этом предполагалась организация кампании разоблачения правительства и поддерживающих его партий эсеров и меньшевиков, разъясняющая, что вся ответственность за проводимую политику ложится именно на них. Ставилась задача организации энергичной работы за перевыборы в Советы рабочих и солдатских депутатов и отзыва тех депутатов, кто одобрял политику правительства и поддерживал «якобы социалистический блок» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 52. Л. 25).

Московское областное бюро РСДРП (б) на пленарном заседании, 28–29 июня, также приняло резолюцию, в которой говорилось о необходимости укреплять военные большевистские организации, бороться за оставление внутри страны «необходимого кадра революционных войск» и разоблачать пособническую политику меньшевиков и эсеров (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 18).

Спустя три месяца этот вопрос вновь был вынесен на заседание Московского областного бюро партии большевиков, проходившее 27–28 сентября. В бюро пришел экстренный запрос Владимирского Совета солдатских депутатов с просьбой разъяснить: подчиняться ли распоряжению Керенского о выводе всего гарнизона из Владимира или нет. Бюро постановило «разрешить его в общей форме», поскольку такого рода распоряжения становились «систематическими по отношению к революционно настроенным гарнизонам». Член бюро Стуков, выступавший с докладом, информировал, что Владимирский гарнизон находится под влиянием большевиков и, «за отсутствием в самом Владимире значительной рабочей массы, является единственной революционной опорой для Совета». В ходе прений указывалось, что «обязанностью Советов является революционизирование солдатских масс», и «в интересах пробуждения массового движения» необходимо «поддерживать вообще отказ идти на фронт». Правда, была и другая точка зрения, согласно которой в резолюции нельзя категорически высказываться за отказ от вывода войск, поскольку в некоторых случаях это может привести к ненужному кровопролитию. Но она не получила одобрения. В принятой резолюции говорилось: «Стремясь к сохранению всех революционных сил для предстоящего проведения в жизнь лозунга “Вся власть Советам”», обл. бюро предлагает местным организациям решительно бороться против систематически проводимого плана ослабления революционных центров путем вывода из них революционной части войск». Владимирский Совет солдатских депутатов получил ответ: гарнизон должен остаться во Владимире (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 38–40, 42). Уже через месяц солдаты Владимирского гарнизона сыграют значительную роль в обеспечении победы большевиков в ходе боев в Москве.

14 октября на заседании бюро было принято решение «все назревающие на местах конфликты (о выводе войск, разоружении гарнизонов и т. д.) разрешать не компромиссным путем, как это стремились делать до сих пор, но не останавливаться перед конфликтом с представителями центральной власти, — в тех, однако, случаях, когда такой открытый конфликт не грозит перейти в кровавое столкновение, допустимое лишь в условиях и в интересах общего выступления» (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 21. Л. 28–29).

Концентрация войск, поддерживающих большевиков, в столице и на местах в основном определила исход борьбы, сделала любые попытки Времен-

ного правительства, правых партий, эсеров и меньшевиков изменить ход событий в ту или иную сторону обреченными на поражение.

Троцкий, например, писал, анализируя уроки Октябрьской революции: «После “тихого” восстания столичного гарнизона к середине октября, с того момента, как батальоны по приказу Военно-революционного комитета отказались выступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25 октября имело только дополнительный характер. Именно поэтому оно прошло так безболезненно» [1: с. 278–279]. Это, по его мнению, давало возможность приурочивать захват власти к моменту II съезда Советов потому, что «тихое», почти «легальное» вооруженное восстание в Петрограде «было уже на три четверти, если не на девять десятых, свершившимся фактом» [1: с. 279].

В советской исторической науке это мнение Троцкого рассматривалось как его стремление принизить значение, во-первых, роли Ленина и ЦК партии в подготовке вооруженного восстания и, во-вторых, показать значимость его собственной деятельности. Однако изучение источников, объективный взгляд на события того времени говорят в пользу точки зрения Троцкого.

О роли армии в тех событиях говорил и один из лидеров левых эсеров Камков на II съезде своей партии: «Октябрьская революция, установившая власть Советов, была результатом деятельности не партии, не отдельных представителей ее. Ее сделала армия...» (РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1. Л. 164).

На заседании Московского областного бюро РСДРП (б), обсуждавшем 9–10 ноября задачи текущего момента и ближайшие задачи партии, член бюро Максимовский делал доклад по этой теме и, говоря об октябрьских событиях в Москве, отмечал: то, что большевиков обвиняют в заговоре с опорой исключительно на физическую силу солдат, это формально «похоже на правду». При этом он указывал, что если события имеют характер гражданской войны и классовой борьбы, каждый выбирает сам, на чью сторону встать (РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15. Л. 57).

Вооруженные силы сыграли решающую роль и в других городах и губерниях центра России.

Литература

1. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.

References

1. Troczkij L.D. K istorii russkoj revoljucii. M.: Politizdat, 1990. 447 s.

A.I. Yuriev

**To the Problem of the Influence of the Socialists Revolutionaries
and Bolsheviks on Peasants, Workers and Soldiers of the Center of Russia
on the Eve of the October Revolution of 1917**

In article on the basis of archival documents and materials the author considers the problem of the degree of influence of the socialists revolutionaries and Bolsheviks on peasants, workers and soldiers of the center of Russia on the eve of the October revolution of 1917.

Keywords: social revolutionaries; Bolsheviks; peasants; workers; soldiers.

И.В. Объедков

Пресс-конференции в Генеральном штабе и осада Перемышля в 1914–1915 годах

Статья посвящена истории проведения пресс-конференций в Главном управлении Генерального штаба в годы Первой мировой войны. Используя тексты стенограмм, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве, автор рассмотрел процесс изменения официальной точки зрения ГУГШ на взятие и последовавшую за этим сдачу крепости Перемышль русскими войсками.

Ключевые слова: Первая мировая война; крепость Перемышль; Главное управление Генерального штаба; пресс-конференции.

Специалистам по истории Первой мировой войны хорошо известны обстоятельства осады русскими войсками австрийской крепости Перемышль в 1914–1915 годах. Однако стенограммы пресс-конференций, ежедневно проходивших в Главном управлении Генерального штаба, до сих пор не привлекали внимания историков. Между тем вооруженная борьба за обладание Перемышлем была злободневной темой, обсуждавшейся на встречах офицеров ГУГШ с журналистами с сентября 1914-го по август 1915 года, т. е. в течение всего первого года участия России в войне.

Первое упоминание о Перемышле как о цели, к которой стремятся победоносные русские армии, прозвучало на пресс-конференции 3 сентября 1914 года. Председательствовавший на ней подполковник А.М. Мочульский назвал крепость главной опорой австрийской армии, поскольку Перемышль прикрывал незащищенный промежуток между реками Сан и Днестр, а также дороги, ведущие в Закарпатье. Эта первоклассная крепость имела 42 укрепления. Наружный пояс ее фортов протянулся более чем на 40 верст, а гарнизон насчитывал 50 тысяч человек. Мочульский предупредил, что столь сильная крепость является серьезным препятствием для русских войск. Он попросил журналистов не обнадеживать читателей обещаниями о скором падении Перемышля, поставив им в упрек несбывшиеся предсказания о падении Кёнигсберга (РГВИА Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба). Оп. 1. Д. 4900. Л. 78–79).

Через неделю, 10 сентября 1914 года, подполковник Мочульский неожиданно попросил журналистов вообще не писать об осаде Перемышля. Становилось ясно, что в ближайшее время русским войскам взять крепость не удастся (РГВИА Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба). Оп. 1. Д. 4900. Л. 100).

Осажденный Перемышль продолжал привлекать внимание русской общественности. На вечерней пресс-конференции 23 декабря 1914 года корреспондент газеты «День» сообщил, что получил частные сведения о пополнении запасов гарнизона крепости. Председатель не стал отрицать их наличия. Более того, он дал высокую оценку коменданту Перемышля, процитировав пословицу: «Не сильна крепость огородою, а сильна крепость воеводою», хотя имени «воеводы» — австрийского генерала Кусманека, не назвал (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4903. Л. 134). Пользуясь случаем, председатель вновь предупредил журналистов, что при умелом командовании и упорстве многочисленных защитников, располагающих сильной артиллерией и готовых «отстаивать крепость до последней капли крови... осада Перемышля может быть чрезвычайно затяжной» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4903. Л. 135).

Накануне взятия Перемышля председатель счел нужным подчеркнуть, что в борьбу с защитниками крепости вступила русская тяжелая артиллерия.

«...Упоминание о том, что наши тяжелые пушки обстреливают форты Перемышля... указывает на приближение наших войск к центру крепости, но... не указывает на то, что до настоящего времени артиллерийской борьбы не было. Она, несомненно, была, имела успех, очистила позиции противника от его тяжелых орудий, выдвинутых из фортов, загнала их в форты и теперь приводит к борьбе с фортами, после падения которых пойдет речь уже о падении крепости» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4904. Л. 164).

Вечерняя пресс-конференция 9 марта 1915 года была посвящена долгожданному взятию Перемышля. Корреспондент кадетской газеты «Речь» от лица всех присутствовавших журналистов попросил рассказать о стратегическом значении этой победы, о техническом состоянии крепости, о взятых трофеях и пленных, о длительности осады.

Председатель отметил, что Перемышль преграждал наступающим русским армиям путь в Западную и Южную Галицию, а также в Венгрию. Три железнодорожные линии, расходящиеся от него, открывали русским войскам пути наступления в глубь неприятельской территории. Взятие Перемышля стало крупным шагом «к нашему утверждению в Галиции» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4904. Л. 164). Председатель напомнил журналистам, что укрепления Перемышля начали возводиться «в тот период, когда инженерное искусство Австро-Венгрии было под впечатлением силы укреплений Плевненского характера» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4904. Л. 164).

Крепость сдалась без боя, что ослабляло ощущение успеха, поэтому председатель акцентировал внимание на ее неприступности. «Главные крепостные позиции тянутся на 42 версты... с 43-мя опорными пунктами и укреплениями, причем сомкнутая... непрерывная ограда второй линии составлялась из целого ряда фортов и укреплений с общим обводом в 15 верст». Для защиты от ночных атак «крепость получила массу прожекторов, которые создавали впечатление дневного света... Крепость была богато снабжена артилле-

рией всякого рода, броневыми закрытиями... снарядами всех типов, ручными... гранатами особого образца весьма сильной разрывной способности...» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4904. Л. 164).

Председатель остерегся сравнивать Перемышль с французской крепостью Мец, но заявил, что он был сильнейшей крепостью на русско-германском фронте (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4904. Л. 219–220).

Информация о взятых трофеях была представлена журналистам во время более поздней встречи. В мартовской стенограмме № 434 было указано, что русские войска захватили в Перемышле 500 вагонов, 4 паровоза, 250 тысяч пудов угля (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 493 и об.). Численность взятого в плен австро-венгерского гарнизона, по словам председателя, достигала от 80 до 130 тысяч бойцов (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4903. Л. 334; Д. 4904. Л. 217–218).

Ответ о продолжительности осады Перемышля получился неоднозначным. С одной стороны, председатель заявил, что крепость была полностью блокирована с 9 ноября 1914 года. С другой стороны, Мочульский признался в получении 6 сентября 1914 года секретной информации о подвозе австрийцами в Перемышль трехмесячного запаса продовольствия. Получалось, что штурм крепости начался еще в сентябре 1914 года, но затем, трезво оценив ее обороноспособность, Ставка дала задний ход. К тому же Мочульский обмолвился о подвозе австрийцами припасов в Перемышль по железной дороге, продолжавшемся до первых чисел марта 1915 года, т. е. до самого конца осады. Это означало, что русские войска так и не смогли полностью блокировать крепость (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4904. Л. 216–220).

Анализ текстов стенограмм позволяет сделать вывод об использовании пропагандистами ГУГШ краткого периода между взятием Перемышля в марте и началом австро-германского наступления в апреле 1915 года для создания у общественности впечатления об успешном ходе военных действий.

На вечерней пресс-конференции 12 марта 1915 года председатель заявил об утрате австрийской армией способности воевать без «мощной поддержки своих союзников» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4904. Л. 239). В течение трех дней до 15 марта 1915 года председатель обнадеживал журналистов обещанием развернуть русское наступление на Будапешт. Захват Венгерской равнины мог бы привести к соединению «с единокровным и доблестным сербским народом» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4904. Л. 241, 244). Однако во время встречи 15 марта 1915 года председатель охладил оптимизм газетчиков. Он предупредил о приостановлении активных боевых действий на русско-германском фронте в связи с весенней распутицей до конца апреля – начала мая, а возможно, и до июня 1915 года (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4904. Л. 247).

На вечерней пресс-конференции 21 апреля 1915 года корреспондент «Петроградской газеты» впервые задал вопрос о том, сможет ли Перемышль стать частью системы оборонительных укреплений отступающей русской

армии и существует ли угроза его отвоевания австрийцами. Журналистам хотелось верить, что крепость будет эффективно использована обороняющимися русскими войсками. Председатель пообещал, что Перемышль в случае дальнейшего наступления противника станет «опорой и маневренной крепостью...» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4905. Л. 182). Но 1 мая 1915 года председатель уже не смог скрыть факта оставления русскими войсками «местности к западу от Сана... под давлением... противника... Определенно указывать нашу линию фронта сейчас мы не можем», — признался он (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4905. Л. 251, 254–255).

Обеспокоенные журналисты засыпали председателя неудобными вопросами. Отвечая на вопрос об эффективности участия русской артиллерии в обороне Перемышля, председатель уверял: «С самого начала немецкого наступления... наши дальнобойные орудия фортов Перемышля принимали участие в этих боях». Однако под натиском журналистов ему пришлось сказать правду: «Нам известны только рукопашные схватки». Оправдывая пассивность русских артиллеристов, он объяснял: «Работа по войскам, по гибким цепям, из тяжелых орудий... и не должна была иметь место, ...так как бои сложились по преимуществу в ночную пору. Здесь работали пулеметы и работали штыки, бой шел на дистанциях близкого ружейного огня, а потом он превратился в ожесточенные рукопашные схватки» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4901. Л. 192).

Корреспондент «Сельского Вестника» напомнил коллегам о разрушении австрийцами большей части фортов Перемышля перед его сдачей в начале марта 1915 года. Реальность их восстановления в течение двух месяцев вызвала сомнения. Отвечая, председатель сознательно искажал действительность: «...разрушения, которые были сделаны, не носили серьезного характера. Испортить бетон достаточно трудно, следовательно, все это могло касаться только броневых куполов, главным образом, и тех или иных орудий... Во всяком случае, то, что оставалось, даже домашними средствами без каких-либо особых технических сооружений могло быть подправлено в довольно быстрый срок энергичными усилиями начальства Перемышля» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4901. Л. 193–194).

Стенограммы пресс-конференций свидетельствуют о появлении у офицеров ГУГШ к 17 мая 1917 года намерения начать подготовку общественного мнения к сдаче Перемышля. Только так можно было расценить слова председателя: «...портит фронт в смысле правильности линии именно Перемышль, выдвинутый вперед так, что оттяжка линии фронта для получения правильной линии была бы вполне логичной» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4901. Л. 192–199).

На пресс-конференции 21 мая 1915 года перед ГУГШ встала непростая задача — разъяснить русской общественности причины возвращения Перемышля противнику. В связи с этим председатель заявил об утрате смысла в обороне крепостей еще за десять лет до начала мировой войны. Крепость

имела право на существование, только если она облегчала маневрирование армии. По его словам, даже австро-венгерская армия в начале войны не смогла извлечь никакой пользы из обладания Перемышлем, не помешавшего русским войскам подойти к укреплениям Кракова. Из этого следовал вывод, что оборонять Перемышль в мае 1915 года было не нужно. Во-первых, оборона отвлекала с фронта значительные русские силы, до 100 тысяч человек. Во-вторых, сдача Перемышля позволила сократить протяженность линии фронта на 35 верст.

Тем не менее председателю пришлось откровенно признаться журналистам, что оборона Перемышля была не столько ненужной, сколько невозможной, поскольку этот укрепленный район строился австрийцами для обороны против русских войск, наступавших с востока, а не наоборот. Кроме того, из-за нехватки артиллерии и снарядов русский гарнизон Перемышля не смог противостоять осадной артиллерии противника.

Несмотря на это, русские военные пропагандисты считали нужным найти в сдаче Перемышля какие-нибудь положительные моменты и обосновать оправданность принесенной жертвы.

Исходя из этого, председатель не побоялся назвать сдачу Перемышля победой русской армии, разгадавшей план противника, собиравшегося окружить в крепости многочисленный русский гарнизон. Успокаивая корреспондентов, председатель заверил их в том, что возвращенный австрийцам Перемышль стерт с лица земли и вычеркнут из истории. «Несомненно, что взорвано все то, что ценно для противника...» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4903. Л. 321–334). Председатель оживил вечернюю пресс-конференцию 25 мая 1915 года рассказом о подвиге неизвестных русских артиллеристов, отказавшихся оставлять Перемышль. Как выяснилось, там не были взорваны две броневые башни, оснащенные скорострельными орудиями. Засевшие в них артиллеристы в течение нескольких часов обстреливали наступавшие баварские войска (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4903. Л. 339).

Итоги обороны русских крепостей, в том числе и Перемышля, были подведены на вечерней пресс-конференции 14 августа 1915 года. Председатель повторил свою мысль о борьбе артиллерии и фортификации: «В данный период германцы, как Вам прекрасно уже известно, сумели подготовить очень могущественную артиллерию, и против этой артиллерии современная фортификация устоять не может... Крепости в настоящую войну не в силах вынести того могущественного натиска артиллерии, который существует... на стороне германцев. Вот та основная причина, по которой приходится крепости оставлять» (Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4908. Л. 170).

Работая с журналистами, офицерам ГУГШ, отвечающим за информационную политику Военного министерства, пришлось разрабатывать три варианта обсуждения событий, связанных с Перемышлем.

С сентября 1914 года по март 1915 года они подбадривали общественность обещаниями овладеть этим мощным узлом австро-венгерской обороны в ближайшее время.

С начала марта по конец мая 1915 года долгожданное взятие Перемышля позиционировалось в качестве крупной победы, дающей возможность использования крепости в системе русских оборонительных сооружений, а также в качестве базы наступления русских войск в Венгрию.

В мае – августе 1915 года пришлось объяснять причины возвращения Перемышля противнику и обосновывать идею о принципиальной бесполезности крепостей в современной войне.

В процессе проведения пресс-конференций пропагандисты ГУГШ утаивали от журналистов большие объемы информации, формировали ожидания, не совместимые с действительностью, неоднократно меняли свою точку зрения. Все это порождало растущее недоверие журналистов к военному ведомству, а также негативно влияло на политические процессы внутри России. В связи с этим 28 октября 1915 года генерал от инфантерии М.В. Алексеев написал в черновике доклада по Штабу Верховного Главнокомандующего: «Из бесед с разнообразными представителями русского общества за последнее время становится все яснее и яснее, что общество и народ начинают утомляться впечатлениями войны, впадая даже в некоторое к ней равнодушие... Это обстоятельство не может не иметь серьезного значения для армии и для всей страны...» (Ф. 2003 (Штаб Верховного Главнокомандующего). Оп. 1. Д. 1484. Л. 3–6).

I.V. Obedkov

**Shorthand Records of Press Conferences
in Russian General Staff Department about a Siege-Works
around Citadel of Premishle during 1914–1915**

Article is devoted to the history of carrying out the press conferences in the chief administration of the General Staff during the First World War. Using the texts of shorthand reports stored in the Russian State Military History Archive, the author has considered the process of changing the official viewpoint of CAGS on taking and the subsequent surrender of the fortress of Przemysl by Russian troops.

Keywords: World War One; fortress of Premishle; chief administration of the General Staff; press conferences.

В.В. Кириллов

К вопросу о современных фальсификациях в истории России

Статья посвящена трем дискуссионным проблемам новейшей истории России: советско-германским секретным документам 1939 года; подготовке Советским Союзом превентивной войны против Германии в 1941 году; публикации так называемых дневников Берии. Автор выступает в пользу традиционной оценки этих проблем.

Ключевые слова: пакт о ненападении 1939 года; превентивная война 1941 года; дневники Берии.

Наша память о прошлом, уважение к нему, общее понимание событий и опыта страны, отношение к героям, победам и поражениям — все это формирует сознание народа, его представление о себе, своих возможностях, своем будущем.

Вместе с тем история, которая интересна всем и привлекает внешней доступностью и простотой, полна мифов (в смысле вымыслов, искажений исторической действительности) и прямых фальсификаций. Поэтому одной из задач исторической науки и ее преподавания в вузе является их развенчание и критика.

Мифы и фальсификации как гносеологические компоненты явления сложные и разноплановые. Есть мифы, перешедшие в народное сознание в процессе длительного исторического развития и многовекового бытования.

Они уже стали частью национального самосознания и таковыми остаются. Нас же интересуют исторические мифы Новейшего времени, сознательно создаваемые с определенными целями. Мотивы подобного кроются как в амбициях людей, преследующих различного рода личные интересы, так и в политико-идеологических целях корпоративных сообществ и государств.

В контексте вышеизложенного хотелось бы остановиться только на трех проблемах:

1. Советско-германские секретные документы 1939 года.
2. О подготовке Советским Союзом превентивной войны против Германии в 1941 году.
3. Публикация якобы личных дневников Берии.

Известно, что секретные протоколы к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года дважды значительно повлияли на события новейшей истории: в канун Второй мировой войны и в процессе распада СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Напомним, что тексты, официально подписанные И. Риббентропом и В.М. Молотовым, так никогда и не были опубликованы в СССР. Обнаружены они были уже в постсоветское время, в 1992 году, в процессе изучения секретных фондов бывшего архива ЦК КПСС (ныне Архив Президента Российской Федерации) Д. Волкогоновым и Р. Пихоя.

Первая их публикация состоялась в журнале «Новая и новейшая история» [17: с. 83–95; 18: с. 151–156]. Вроде бы все ясно. Но в очередной раз в преддверии юбилея была предпринята попытка внести сумятицу в умы наших сограждан и прежде всего молодежи. Тюменский журналист А.А. Кунгуров разразился более чем шестисотстраничной книгой [14], которая посвящена проекту (по его мнению) американских служб по внедрению в массовое сознание мифа о существовании неких секретных протоколов, подписанных 23 августа 1939 года одновременно с заключением советско-германского договора о ненападении, которых, по его мнению, на самом деле не было. Цель — развалить и унижить великую страну. Что тут сказать? Как объяснить это студентам? На мой взгляд, спокойно, аргументированно, с опорой на факты и документы, с приведением научной аргументации, используя для этого материал публикаторов-архивистов (Б.Л. Хавкин) [20: с. 25–29].

Вторая проблема — о подготовке Советским Союзом превентивной войны против Германии в 1941 году — сложнее и многограннее. К прямым и намеренным фальсификациям ее отнести нельзя. Мы здесь оставляем за рамками критики измышления В. Суворова по этому вопросу. Это уже сделано давным-давно и квалифицированно [8; 11]. Суть данной проблемы в следующем.

К настоящему времени рассекречены и опубликованы ряд документов оперативного планирования Генштаба РККА [20: с. 181–182, 237–238, 742; 22: с. 215–216]. Это прежде всего четыре варианта так называемых «соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1942 гг.», которые были подготовлены в июле и сентябре 1940 года, в марте и мае 1941 года.

Надо иметь в виду, что эти документы не являлись директивными для войск, а лишь излагали общий замысел действий Красной армии в случае войны.

Эта публикация разделила российских историков на две группы: одни считают его программой стратегической обороны (Ю. Горьков, М. Гареев, Л. Безыменский, Д. Волкогонов, О. Вышлев и др.) [1; 5–7; 9; 13], другие — директивой превентивного удара по вермахту (В. Данилов, М. Мельтюхов, В. Невежин, Б. Соколов) [10; 15–16].

Главная цитата из данного документа, на которой строится концепция сторонников превентивной войны, такова: «Учитывая, что Германия в настоя-

щее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это и разгромить немецкую армию, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск» [21: с. 181–198]. (Историко-архивный и военно-мемориальный центр Генштаба ВС РФ. Ф.16. Оп. 1951. Д. 237. Л. 4–5). Из текста видно, что терминология «предотвратить», «упредить», использованная авторами данного плана, ставила перед РККА весьма ограниченные задачи в рамках фронтовой операции и уже никак не была нацелена на завоевание Германии и большую европейскую войну под лозунгами Коминтерна.

Сторонник версии превентивной войны Б.В. Соколов, обосновывая это положение, ссылается на некую резолюцию заместителя начальника Генштаба генерала Н.Ф. Ватутина на мартовском 1941 года плане развертывания Красной армии на Западе: «Наступление начать 12 июня» и решение Политбюро от 4 июня 1941 года о сформировании к 1 июля 238-й стрелковой дивизии из поляков и лиц, знающих польский язык [19]. На наш взгляд, все эти документы можно трактовать только как военно-оперативные, обеспечивающие в соответствии с функционалом Генштаба вопросы перспективного военного планирования будущего развертывания войск. Никакого политического решения по данному вопросу историкам не известно.

В целом, на наш взгляд, концепция превентивной войны не может быть принята в настоящее время как исследовательская, ибо не имеет серьезного документального подтверждения и служит основой для идеолого-политических обвинений в адрес нашей страны с целью уравнивать агрессора (фашистскую Германию) и его жертву (СССР).

И наконец, о новейшей публикации «Личного дневника» Лаврентия Павловича Берии в 3-х книгах [2–4].

Оказывается, как пытается представить публикатор и комментатор «Личного дневника» некто Сергей Кремнев (Брезкун), ближайший соратник Сталина вел дневник, фотокопии которого ему передала некая группа людей. С нее, в свою очередь, были сделаны машинописная и электронная копии, положенные в основу указанного издания. Государственная экспертиза также не проводилась.

Известный ученый В.П. Козлов, давно занимающийся в научном плане разоблачением исторических подделок и фальсификаций, откликнулся серьезной статьей, в которой основательно раскрыл технологию данной скандальной подделки [12: с. 21–24].

Фальсификатор взял за основу точную хронологию приемов Сталиным Берии за 1938–1953 годы из опубликованных «тетрадей (журналов) записей лиц, принятых И.В. Сталиным в 1924–1953 гг.» — источник подлинный и до-

стоверный. Но на основании этого документа автор создал подделку: сохраняя подлинный хронологический каркас, начинил его якобы свидетельствами Л.П. Берии.

По мнению В.П. Козлова, «Личный дневник Берии» представляет собой компиляцию трех пластов информации: 1) документальных свидетельств подлинных и достоверных исторических источников; 2) попыток фальсификатора реконструировать некоторые реальные события невнятно, или искаженно, создать некую гипотетическую модель действительно документального прошлого, «отмыть» «достоверность» домыслов через «дневник»; 3) полностью сфальсифицированные записи, касающиеся якобы бериевских оценок происходящего, его намерений, действий, черт характера [12: с. 23].

Возникает вопрос: для чего появился «Личный дневник Берии»? На наш взгляд, мотивы могут быть как личные (жажда славы первого публикатора и определенный коммерческий интерес), так и корпоративные (оправдание сталинизма и поднятие на щит «эффективного сталинского управленца», каковым с некоторых пор стал считаться Берия).

Надо ли обо всем этом говорить студентам в вузовском курсе истории? Считаю развенчание исторических мифов и фальсификаций в рамках учебного курса не просто нужным, но необходимым.

Какие формы и методы здесь можно использовать? В Институте гуманитарных наук и на общеуниверситетской кафедре истории мы успешно реализуем следующие методики.

1. Обязательная самостоятельная работа студента над историческими монографиями (чтение, конспектирование), в которых дается аргументированное разоблачение исторических мифов и фальсификаций. По итогам работы — учебная отчетность во время рубежной аттестации.

2. Конкурсы научных работ по линии студенческого научного общества, посвященные преодолению исторических фальсификаций.

3. Внеаудиторная работа со студентами в архивах, поисковых отрядах, проведение встреч и конференций с серьезной научной проблематикой.

Конечно, это только некоторые направления деятельности, но крайне важные и целенаправленные, работающие на качественную подготовку будущих учителей.

Литература

1. *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000. 504 с.
2. *Берия Л.П.* Личный дневник 1937–1941: «Сталин слезам не верит». Т. 1. М.: Яуза-пресс, 2011. 320 с.
3. *Берия Л.П.* Тайный дневник 1941–1945: «Второй войны я не выдержу...». Т. 2. М.: Яуза-пресс, 2011. 224 с.
4. *Берия Л.П.* Тайный дневник 1945–1953: «С атомной бомбой мы живем!» Т. 3. М.: Яуза-пресс, 2011. 288 с.

5. *Волгогонов Д.А.* Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина. М.: Агентство печати Новости, 1989. 301 с.
6. *Вишлев О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. Документальные очерки. М.: Наука, 2003. 229 с.
7. *Гареев М.А.* Сражения на военно-политическом фронте. М.: Инсан, 2010. 893 с.
8. *Городецкий Г.* Миф «Ледокола». Накануне войны. М.: Прогресс-Академия, 1995. 352 с.
9. *Горьков Ю.А., Семин Ю.Н.* О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. №5. С. 108–129.
10. *Данилов В.Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отечественная история. 1995. №3. С. 33–44.
11. *Исаев А.В.* Против Виктора Суворова. М.: Яуза, 2009. 637 с.
12. *Козлов В.* Реабилитация подлогом — «Как в кино». Дневник, который не писал Берия // Родина. 2012. №2. С. 21–24.
13. *Кульков Е., Мягков М., Ржевский О.* Война 1941–1945. Факты и документы. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2001. 476 с.
14. *Кунгуров А.А.* Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова – Риббентропа. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. 624 с.
15. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина: схватка за Европу, 1939–1941 гг.: (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2008. 537 с.
16. *Невежин В.А.* Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне: Вторая половина 30-х – начало 40-х гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999. 41 с.
17. Советско-германские документы 1939–1941 гг. из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 83–95.
18. Новые документы по новейшей истории: хрестоматия для учащихся 10–11-х классов общеобразовательных учреждений / Ред. и сост. Г.Н. Севостьянов. М.: Просвещение, 1996. 348 с.
19. Исторические исследования в России — III. Пятнадцать лет спустя / Под ред. Г.А. Бородюгова. М.: АИРО – XXI, 2011. 584 с.
20. *Хавкин Б.* «Нас никто уличить не сможет». Как были опубликованы советские тексты советско-германских секретных документов // Родина. 2009. №8. С. 25–29.
21. 1941 год. Документы. Междунар. фонд «Демократия» / Сост. Л.Е. Решин и др.; науч. ред. В.П. Наумов. Кн. 1. 1998. 828 с.
22. 1941 год. Документы. Междунар. фонд «Демократия» / Сост. Л.Е. Решин и др.; науч. ред. В.П. Наумов. Кн. 2. 1998. 748 с.

References

1. *Bezy'menskij L.A.* Gitler i Stalin pred sxvatkoj. M.: Veche, 2000. 504 s.
2. *Beriya L.P.* Lichny'j dnevnik 1937–1941: «Stalin slezam ne verit». T. 1. M.: Yauza-press, 2011. 320 s.
3. *Beriya L.P.* Tajny'j dnevnik 1941–1945: «Vtoroj vojny' ya ne vy'derzhu...». T. 2. M.: Yauza-press, 2011. 224 s.
4. *Beriya L.P.* Tajny'j dnevnik 1945–1953: «S atomnoj bomboj my' zhivem!». T. 3. M.: Yauza-press, 2011. 288 s.

5. *Volkogonov D.A.* Triumf i tragediya: politicheskij portret I.V. Stalina. M.: Agentstvo pechati Novosti, 1989. 301 s.
6. *Vishlev O.V.* Nakanune 22 iyunya 1941 g. Dokumental'ny'e ocherki. M.: Nauka, 2003. 229 s.
7. *Gareev M.A.* Srazheniya na voenno-politicheskom fronte. M.: Insan, 2010. 893 s.
8. *Gorodeczkiy G.* Mif «Ledokola». Nakanune vojny'. M.: Progress-Akademiya, 1995. 352 s.
9. *Gor'kov Yu.A., Semin Yu.N.* O karaktere voenno-operativny'x planov SSSR nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny'. Novy'e arxivny'e dokumenty' // Novaya i novejschaya istoriya. 1997. № 5. S. 108–129.
10. *Danilov V.D.* Stalinskaya strategiya nachala vojny': plany' i real'nost' // Otechestvennaya istoriya. 1995. № 3. С. 33–44.
11. *Isaev A.V.* Protiv Viktora Suvorova. M.: Yauza, 2009. 637 s.
12. *Kozlov V.* Reabilitaciya podlogom — «Kak v kino». Dnevnik, kotory'j ne pisal Beriya // Rodina. 2012. № 2. S. 21–24.
13. *Kul'kov E., Myagkov M., Rzhavskij O.* Vojna 1941–1945. Fakty' i dokumenty'. M.: OLMA–PRESS, 2001. 476 s.
14. *Kungurov A.A.* Sekretny'e protokoly', ili kto poddelal pakt Molotova – Ribentropa. M.: Algoritm: E'ksmo, 2009. 624 s.
15. *Mel'tyuxov M.I.* Upushhenny'j shans Stalina: sxvatka za Evropu, 1939–1941 gg.: (Dokumenty', fakty', suzhdeniya). M.: Veche, 2008. 537 s.
16. *Nevezhin V.A.* Sovetskaya propaganda i ideologicheskaya podgotovka k vojne: Vtoraya polovina 30-x – nachalo 40-x gg. : avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. M., 1999. 41 s.
17. Sovetsko-germanskije dokumenty' 1939–1941gg. iz arhiva CzK KPSS // Novaya i novejschaya istoriya. 1993. № 1. S. 83–95.
18. Novy'e dokumenty' po novejshej istorii: xrestomatiya dlya uchashhixsya 10–11-x klassov obshheobrazovatel'ny'x uchrezhdenij / Red. i sost. G.N. Sevost'yanov. M.: Prosveshhenie, 1996. 348 s.
19. Istoricheskie issledovaniya v Rossii — III. Pyatnadczat' let spustya / Pod red. G.A. Borodyugova. M.: AIRO – XXI, 2011. 584 s.
20. *Xavkin B.* «Nas nikto ulichit' ne smozhet». Kak by'li opublikovany' sovetskie teksty' sovetsko-germanskix sekretny'x dokumentov // Rodina. 2009. № 8. S. 25–29.
21. 1941 god. Dokumenty'. Mezhdunar. fond «Demokratiya» / Sost. L.E. Reshin i dr.; nauch. red. V.P. Naumov. Kn. 1. 1998. 828 s.
22. 1941 god. Dokumenty'. Mezhdunar. fond «Demokratiya» / Sost. L.E. Reshin i dr.; nauch. red. V.P. Naumov. Kn. 2. 1998. 748 s.

V.V. Kirillov

To the Problem of Modern Falsification of Russian History

The article is devoted to the three debatable problems of modern history of Russia: the Soviet-German secret documents of 1939; the preparation by the Soviet Union of the war against Germany in 1941; the publication of so called Beria's dairies. The author is in favor of the traditional evaluation of these problems.

Keywords: non-aggression pact of 1939; preventive war of 1941; Beria's dairies.

Р.В. Лапырёнок

К вопросу о правовом статусе земельных участков в колониях Гая Гракха

В статье рассматривается проблема правового статуса земельных наделов в колониях Гая Гракха. Автор анализирует точки зрения на данную проблему, представленные в работах зарубежных специалистов в области римского права, таких как Т. Моммзен, Ш. Сомань, М. Леви, Ф. Т. Гинрихс и К. Йоганнсен. На основе изучения античной традиции и памятников римского права он приходит к выводу, что колонисты Гая Гракха получали земельные участки со статусом *dominium ex iure Quiritium*.

Ключевые слова: аграрный закон; Гай Гракх; колонии; римская общественная земля; аграрная комиссия.

Вопрос о правовом статусе земельных участков в италийских колониях Гая Гракха имеет большое значение для выявления специфики аграрной политики римской оппозиции после событий 129 г. до н. э., когда деятельность комиссии триумвиров *agris iudicandis adsignandis* была фактически приостановлена. В современной историографии этот вопрос не решается однозначно. В тексте *lex agraria* 111 г. до н. э. мы не находим прямой ссылки на способ юридического оформления права собственности, который был предусмотрен в земельном законе Гая Гракха. Т. Моммзен предположил, что наделы колонистов Гая Гракха упоминаются в третьей строке эпитафического *lex agraria*, где речь идет о предоставлении римским гражданам участков земли на основе процедуры жребия (*sortito*) [6: s. 97]. Его аргументация базируется на сообщениях античных источников, согласно которым в соответствии с *lex Sempronia agraria* 133 г. до н. э. предполагалось наделение землей по принципу *viritim et in nominibus*, что свидетельствует в пользу идентификации упоминаемой в третьей строке эпитафического *lex agraria* группы владельцев/собственников участков из фонда *ager publicus* с колонистами Гая Гракха. В поддержку своей реконструкции он приводит многочисленные примеры из истории римской колонизации в республиканское время [6: s. 97–102]. В следующий раз вышеозначенная группа владельцев/собственников появляется в 15-й строке *lex agraria* 111 г. до н. э. [6: s. 111].

Гипотезу Т. Моммзена косвенно подтверждает тот факт, что в данной строке наделение земель римских граждан осуществляет аграрная комиссия *Illviri a(gris) d(andis) a(dsignandis)* [CIL. P. 585. 15; 1: p. 114]. Эта комиссия была образована в соответствии с земельным законом Гая Гракха, на что указывает текст эпитафического *lex repetundarum* [CIL. P. 583. 13. 22; 1: p. 67–68]. Впрочем, в третьей строке она упоминается без ссылки на характер полномочий, что не позволяет однозначно идентифицировать ее с аграрной комиссией Гая Гракха [CIL. P. 585. 3; 1: p. 113].

Реконструкция Т. Моммзена подверглась критике в работе Ш. Соманя [7: p. 66–80]. Французский антиковед указывает на то, что традиционно колонисты получали свои участки в частную собственность. Для юридической характеристики таких наделов в римском праве был предусмотрен статус *dominium ex iure Quiritium*. Итак, земельные участки колонистов Гая Гракха относились к категории *agri privati* еще до принятия *lex agraria* 111 г. до н. э. Однако в восьмой строке этого закона они повторно объявляются частным [CIL. P. 585. 8; 1: p. 114], что было совсем необязательным [7: p. 66]. По мнению Ш. Соманя, данное обстоятельство является лучшим свидетельством в пользу ошибочности точки зрения Т. Моммзена. К. Йогансен считает, что *все* упомянутые в первых строках эпитафического *lex agraria* земли стали частными до 111 г. до н. э. [4: s. 213]. На ее взгляд, главной целью законодателя было подтверждение их частного статуса, в связи с чем аргументация Ш. Соманя признается неактуальной. Действительно, в соответствии с первым из трех послегракханских законов была разрешена продажа каких-то земель из фонда *ager occupatorius*, находившихся до того времени во владении частных лиц (App. В.С. 1. 27). Второй принес с собой введение специального сбора в пользу государства. На вырученные средства планировалась закупка земли для малоимущих римлян. Э.У. Линтотт предположил, что объектом для этих мер являлись римские *veteres possessores* и их *possessiones*, которые упоминаются во второй строке эпитафического закона [5: p. 210]. В пользу данной гипотезы косвенно свидетельствует содержание 19-й строки, где говорится об отмене каких-то *vectigalia* [CIL. P. 585. 19–20; 1: p. 115]. К. Йогансен полагает, что земельные участки, которые были распределены между римскими гражданами на основании *lex Sempronia agraria* 133 г. до н. э., также стали частными еще до 111 г. до н. э. Однако предложенное в комментарии Э. У. Линтотта новое чтение 15-й строки эпитафического *lex agraria* свидетельствует в пользу противоположной точки зрения [5: p. 218].

Не менее весомые аргументы против гипотезы Т. Моммзена содержатся в работе немецкого антиковеда Ф.Т. Гинрихса [3: s. 260–262]. Он совершенно справедливо указывает на то, что реконструкция Т. Моммзена предполагает предоставление правовой защиты только тем римским гражданам, которые получили земельные участки в соответствии с *lex agraria* Гая Гракха. Это означает, что такой защиты была лишена гораздо более многочисленная группа владельцев/собственников римской общественной земли, которая получила наделы от аграрной комиссии *Illviri a. d. a.* [3: s. 261]. Появление последней

лишь в четвертой-пятой строках земельного закона 111 г. до н. э. не вполне отвечает степени ее значимости в системе аграрных отношений гракханского времени. Кроме того, британский историк Э.У. Линтотт отмечает, что в 16-й строке эпиграфического *lex agraria* определяется порядок прохождения судебной процедуры при возникновении спорных ситуаций для *veteres possessores* [5: р. 206]. Таким образом, присутствие в 15-й строке земельных участков, которые были распределены между римскими гражданами на основании *lex Sempronia agraria* 133 г. до н. э., было бы более логичным с точки зрения композиции закона 111 г. до н. э. Остальные аргументы против гипотезы Т. Моммзена, что мы находим в работах Ш. Соманя, М. Леви, Ф. Т. Гинрикса и К. Йогансен, также представляются достаточно убедительными.

Упомянутые в 15-й строке эпиграфического *lex agraria* земельные участки вплоть до 111 г. до н. э. относились к числу *possessiones* [5: р. 218–220]. Лишь после вступления в силу указанного закона они становятся частными. Данное обстоятельство позволяет идентифицировать вышеозначенную категорию с земельными наделами, которые римские граждане получили на основании *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха. Такое решение, впрочем, не может объяснить отсутствие в тексте *lex agraria* 111 г. до н. э. статьи, регулирующей вопросы собственности при выведении колоний Гая Гракха. На мой взгляд, эта ситуация обусловлена общей направленностью земельного закона 111 г. до н. э. Главной целью его италийской части являлось регулирование прав владения/собственности в отношении тех земель, чей статус претерпел изменения в ходе аграрной реформы 133 г. до н. э. Правовой статус земельных наделов колонистов Гая Гракха, видимо, не претерпел подобных изменений, вследствие чего их присутствие в тексте *lex agraria* 111 г. до н. э. было необязательным.

Единственное свидетельство в пользу гипотезы Т. Моммзена, которое невозможно подвергнуть сомнению с помощью каких-либо логических построений, содержится в начале 15-й строки эпиграфического *lex agraria*. Здесь гракханская аграрная комиссия фигурирует как *IIIviri a(gris) d(andis) a(dsignandis)*. Однако в тексте закона она гораздо чаще обозначается без ссылки на полномочия триумвиров [CIL. P. 585. 3,5,7; 1: р. 113–114]. Более того, *IIIviri a(gris) d(andis) a(dsignandis)* появляются только в 15-й строке, что заставляет усомниться в наличии этого обозначения в оригинальном тексте закона. По моему мнению, в данном случае речь идет об ошибке переписчика. Его «смутило» присутствие *IIIviri a(gris) d(andis) a(dsignandis)* в тексте эпиграфического *lex repetundarum*, который располагался на другой стороне *tabula Bembina*.

Плутарх сообщает, что колонисты Гая Гракха должны были выплачивать государству особую ренту (Plut. Tib. et C. Gracch. 30. 4–5). В этом пассаже греческий биограф рассказывает об антигракханской агитации плебейского трибуна М. Ливия Друза, после чего обращается к теме выведения колонии Юнонии. Л. де Лигт считает, что выплата ренты предусматривалась как для

ее жителей, так и для населения италийских колоний Гая Гракха [2: р. 94]. Однако статус *ager privatus vectigalisque* встречается только в «африканской» части эпиграфического *lex agraria*. Скорее всего, вышеозначенная мера касалась исключительно населения колонии Юнонии. В пользу такой интерпретации сообщения Плутарха свидетельствует тот факт, что к его рассказу об агитации М. Ливия Друза непосредственно примыкает африканская экспедиция Гая Гракха (Plut. Tib. et C. Gracch. 31). Похожую очередность мы наблюдаем и в произведении Аппиана (App. B. C. 1. 24). На мой взгляд, агитация М. Ливия Друза была направлена против самого на тот момент актуального проекта гракханцев, а именно — колонии Юнонии.

Таким образом, наиболее обоснованной представляется точка зрения, согласно которой колонисты Гая Гракха получали земельные участки со статусом *dominium ex iure Quiritium*.

Литература

1. Crawford M.H. Roman Statutes. Vol. I. London: Institute of Classical Studies, 1996. 553 p.
2. De Ligt L. The problem of *ager privatus vectigalisque* in the epigraphic *Lex agraria* // Epigraphica. Vol. LXIX. 2007. P. 87–98.
3. Hinrichs F.T. Die *lex agraria* des Jahres 111 v. Chr. // ZRG. Bd. LXXXIII. 1966. S. 252–307.
4. Johannsen K. Die *Lex agraria* des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar. München, 1971. 437 s.
5. Lintott A. W. Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. Cambridge: Cambridge university press, 1992. 293 p.
6. Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Bd. I. Berlin: Weidmann, 1905. 498 s.
7. Saumagne C. Sur la loi agraire de 643/111: essai de restitution des lignes 19 et 20 // RPh. Vol. I. 1927. P. 50–80.

R.V. Lapyrenok

On the Problem of the Legal Status of Land Plots in the Colonies of Gaius Gracchus

The article considers the problem of the legal status of land allotments in the colonies of Gaius Gracchus. The author analyzes the points of view on the issue presented in the works of foreign experts in the field of Roman law, such as Th. Mommsen, Ch. Saumagne, M. Levi, F.T. Hinrichs and K. Johannsen. Based on the study of ancient traditions and literary texts of Roman law, he comes to the conclusion that the colonists of Gaius Gracchus were given land allotments with the status of *dominium ex iure Quiritium*.

Keywords: agrarian law; Gaius Gracchus; colonies; Roman public land; agrarian commission.

В.А. Квашнин

Три загадки **EDICTUM CONSULARIBUS 214 г. до н.э.**

Статья посвящена эдикту, изданному консулами 214 г. до н.э. Кв. Фабием Максимом и М. Клавдием Марцеллом. Изучение античной традиции, посвященной эдикту, позволяет выделить ряд проблем, связанных с характером повинности, кругом лиц, на которых она была распространена, и достоверностью данных о ее размере. Автор указывает на наличие в событиях 214 г. до н.э. параллелей с использованием института литургий в греческом мире.

Ключевые слова: Древний Рим; эдикт 214 г. до н.э. консулов Кв. Фабия Максима и М. Клавдия Марцелла.

1. Предварительные замечания

Среди правовых актов, принятых римской общиной в годы Ганнибаловой войны, *edictum consularibus* 214 г. до н.э. занимает особое место. С одной стороны, он не привлек большого внимания исследователей, будучи заслонен многочисленными законами того времени (такими как *lex Claudia de nave senatorum*, *lex Oppia de sumptu* или *lex Cincia de donis et muneribus*), каждый из которых породил достаточно обширную литературу. С другой стороны, этот эдикт как никакой другой правовой акт того времени позволяет увидеть проблемы, что встали перед римским обществом в период Ганнибаловой войны. Важнейшей из них была хроническая нехватка денег и материальных ресурсов, необходимых для содержания и снабжения армии, строительства флота, финансирования крупных военных проектов. Мотив отсутствия денег для ведения войны постоянно возникает в речах римских магистратов и сенаторов, передаваемых Ливием (Liv. XXII, 26, 6–8; XXII, 32, 6–9; XXII, 61, 2; XXIII, 21, 1–6; XXIII, 31, 1–2; XXIII, 48, 11; XXIV, 18, 2; XXVI, 35, 2; XXVI, 35, 5; XXVIII, 41, 11). В литературе звучало мнение, что во многом это было связано со вступлением Рима, так и не оправившегося от потрясений Первой Пунической войны, в новую войну с Карфагеном [19: р. 111]. В то же время трудности, с которыми столкнулась римская *civitas* в ходе войны, были объективно обусловлены. Дело в том, что Рим, территориально превращаясь в средиземноморскую державу, унаследовал фискальную систему, рассчитанную на функционирование городской общины среднего размера, сложившуюся к началу IV в. до н.э. [2: с. 286; 23: р. 381]. Ганнибалова война была не только временем испытания на прочность госу-

дарственных институтов Римско-Италийской конфедерации, но и временем поиска новых методов и решений, адекватных вызовам, которые выдвинуло новое противостояние с Карфагеном.

2. Содержание *edictum consularibus* 214 г. до н.э.

Согласно Ливию, в 214 г. до н.э. консулами М. Клавдием Марцеллом и Кв. Фабием Максимом был обнародован весьма необычный эдикт. Его содержание римский историк передает следующим образом: «Все чаще стали поговаривать о том, что в Сицилии идет война. Титу Отацилию велено было отправиться туда с флотом. Так как моряков не хватало, то консулы по распоряжению сената издали указ: тот, кто при цензорах Луции Эмилии и Гае Фламинии имел имущество (сам или его отец) на сумму от пятидесяти до ста тысяч ассов, выставляет одного моряка и дает шестимесячное его жалованье: тот, у кого от ста тысяч до трехсот тысяч, — трех моряков и дает годовое их жалованье; тот, у кого от трехсот тысяч и до миллиона, — пятерых моряков; у кого больше миллиона — семерых; каждый сенатор выставляет восьмерых моряков и дает годовое их жалованье. Повинуясь этому указу, хозяева моряков вооружили их и снабдили месячным запасом продовольствия; впервые римский флот был снаряжен на частные средства (XXIV, 11, 7–9, здесь и далее — пер. М.Е. Сергеевко)». Причиной издания эдикта стал очередной финансовый кризис, связанный с необходимостью строительства нового флота в 100 кораблей. Как пишет Ливий, «консулам велено было... построить флот, дабы вместе с кораблями, стоявшими у берегов Калабрии, получить флот в сто пятьдесят военных кораблей». Как показывают эти сообщения, непосредственной причиной издания консульского эдикта стала нехватка гребцов, необходимых для нового флота. У Ливия не говорится прямо о статусе лиц, отправляемых на службу во флот (*nautae*), что позволило некоторым исследователям, опираясь на Полибия (VI, 19, 2–3), видеть в этих моряках римских граждан VI имущественного разряда (*proletarii*) [4: с. 132; 11: р. 59; 27: р. 77]. Однако большинство исследователей склоняются к тому, что под *nauta* следует понимать гребцов, которые набирались из числа рабов [6: р. 65. п. 5, 668; 10: р. 363; 31: р. 163; 41: р. 75–77; 42: р. 77; 43: р. 518]. Следует отметить, что сообщение Полибия носит слишком общий характер, чтобы на основе его делать какие-то выводы. В ситуации 214 г. до н.э. достаточно странными выглядели бы действия римских властей, набирающих легионы из рабов, но заставляющих граждан служить во флоте. Как отмечает сам Полибий, если обстоятельства к тому вынуждали, пролетарии были обязаны совершить двадцать годичных походов в пехоте. С другой стороны, текст Ливия с определенностью показывает, что речь в эдикте шла именно о рабах (XXIV, 11, 9; XXVI, 35, 5; XXXIV, 6, 13). Однако возложение на их хозяев обязанности выплачивать жалованье (*stipendium*) позволяет предположить, что, как и в случае с рабами, купленными для службы в пехоте, эти рабы в награду получали свободу.

3. Был ли *edictum consularibus* 214 г. до н.э. первым?

Хотя Ливий настаивает на том, что это был первый случай подобного рода в Риме, более ранняя традиция содержит иные сведения. Как указывает Полибий, еще в 243 г. до н.э. на частные средства была построена военная эскадра в 200 кораблей. Хотя Полибий не называет точную дату, он упоминает о том, что строительство флота завершилось до избрания консулом Гая Лутация (Polyb., I, 59, 8–9). Поскольку речь, по-видимому, идет о Г. Лутации Катуле, чей консулат приходится на 242 г. до н.э., создание нового флота должно было проходить при консулах 243 г. до н.э. Г. Фундании Фундуле и Г. Сульпиции Гале. Греческий автор сообщает: «По мере своих средств каждый гражданин сам по себе или вдвоем и втроем с другими обязывался доставить оснащенное пятипалубное судно, причем издержки на это только в случае счастливого исхода предприятия должны были быть возмещены казною. Таким-то способом быстро было заготовлено двести пятипалубных судов; сооружены они были по образцу корабля Ганнибала Родосца; затем римляне выбрали в консулы Гая Лутация и в начале лета отправили флот в море» (I, 59, 7–8, пер. с незнач. испр. Ф.Г. Мищенко). «Морская» подать в освещении Полибия представляет собой нечто среднее между литургией и займом. Как отмечает М. Леви, поиск новых финансовых ресурсов, необходимых для ведения войны на море, явно проводился в 243 г. до н.э. с использованием методов, существовавших в то время в греческом мире, в частности, института литургий, когда для строительства, оснащения и снабжения кораблей привлекались граждане, располагавшие значительными средствами. Речь идет о *триерархии*, экстраординарной повинности, известной в Афинах с V в. до н.э., которую власти полиса возлагали на зажиточных граждан для строительства военных кораблей. В данном случае речь идет о такой ее разновидности, как синтриерархия, когда обязанности распределялись между двумя и более триерархами [14: р. 5 ff]. Судя по всему, в 243 г. до н.э. римские власти переложили на частных лиц часть военных расходов, оформив это как заем, который должен был быть возвращен после войны [16: р. 241]. По всей видимости, причиной этой экстраординарной меры послужил финансовый кризис, аналогичный тем, которые имели место в период Ганнибаловой войны. Как предположил П. Маршетти, сенат, не располагая необходимыми ресурсами, был вынужден привлекать средства частных лиц, создавая новый флот в кредит [19: р. 110].

Действительно, расходы на ведение войны на море были одной из самых значительных статей военного бюджета. Основной боевой единицей римского флота середины III в. до н.э. была квинкверема. Судно такого типа имело от 50 до 60 весел, каждое из которых требовало 5 человек, всего от 250 до 300 гребцов (Polyb., I, 26, 7) [27: р. 77; 10: р. 364]. По-видимому, на всем протяжении войны Рим испытывал трудности с набором гребцов [10: р. 363]. Как полагает Кр. Стейнби, именно недостаточная укомплектованность римского флота

гребцами стала причиной поражения в сражении при Дрепануме [39: р. 98 ff]. Согласно подсчетам А. Тойнби, римский флот в 260–249 гг. до н.э. обслуживался персоналом численностью примерно 126 тыс. человек [43: р. 518], что требовало весьма значительного штата, который пополнялся за счет пролетариев, союзников и вольноотпущенников [10: р. 363; 12: р. 67; 27: р. 77; 41: р. 75–77; 43: р. 519;]. Возможно, привлекались и рабы, хотя прямых свидетельств об их использовании в качестве гребцов в годы Первой Пунической войны нет. В литературе, тем не менее, высказывалось это предположение [41: р. 73 ff]. Плата за службу на флоте в среднем составляла 10 денариев в месяц, к которым следует прибавить расходы на доставку питания и сам рацион. Согласно расчетам М. Леви, квалифицированный рабочий мог заработать один денарий за два дня работы, что было достаточным для содержания семьи в течение двух дней. Цена строительства квинкверемы, таким образом, была эквивалентна дневной плате 30 тыс. работников. Греческие источники также указывают на высокую стоимость содержания военного флота. Согласно свидетельству, датируемому ок. 200 г. до н.э., ежедневное содержание триремы требовало средств, достаточных для годового жалования наемного воина [7: р. 118]. Расходы на исполнение афинской триерархии — триерархемы (τριεράρχεια) — также были достаточно велики, достигая суммы в один талант, при том что средний дневной заработок ремесленника составлял примерно одну драхму (Dem., XXI, 8, 155; Lys., XXI. 2; XXXII. 24).

Следует учитывать и высокую стоимость строительства судов: одна квинкверема обходилась в 15 тыс. денариев, грузовые суда — в среднем 11 тыс. денариев, триремы и легкие маневренные суда — 4 тыс. денариев [16: р. 241]. Только постройка в 243 г. до н.э. двухсот военных кораблей потребовала около 3 млн денариев, если не брать в расчет расходы на содержание их экипажей. При этом следует учитывать, что в ходе Первой Пунической войны Рим потерял до 600 боевых кораблей [39: р. 102]. Все это требовало огромных расходов, которые заставляли римские власти идти на привлечение дополнительных средств от частных лиц. В результате консулы 243 г. до н.э., если рассматривать данный эпизод по аналогии с событиями 214 г., для постройки мощного флота с новым типом корпуса были вынуждены прибегнуть к подати, обозначенной М. Леви как «принудительный займ» не менее чем в 3 млн денариев [16: р. 102]. Поскольку сведений о возвращении денег, внесенных гражданами, нет, вероятно, речь все же идет о повинности литургического типа.

4. *Edictum consularibus* 214 г. до н.э. и цензовые классы.

В случае с консульским эдиктом 214 г. до н.э. многие исследователи также обращают внимание на его сходство с литургиями, в частности, с институтом триерархии, введенном в Афинах законом Фемистокла 483/482 гг. до н.э. [10: р. 363; 23: р. 380; 25: р. 75–76, 206; 43: р. 520; 44: р. 28]. В отличие от по-

купки властями Рима рабов для службы в пехоте в 215 г. до н.э., условия которой предусматривали выплату их хозяевам компенсации, эдикт 214 г. предполагал не просто безвозмездную передачу рабов для службы на флоте, но еще и обремененную необходимостью выплаты им военного жалованья (*stipendium*) за 6–12 месяцев. Кроме того, эдикт указывает, что во время Ганнибаловой войны Рим испытывает трудности с набором флотских экипажей, причиной чего, по всей вероятности, была высокая смертность гребцов [31: р. 163]. Судя по сообщению Ливия, *edictum consularibus* 214 г. до н.э. предусматривал выделение пяти категорий налогоплательщиков, разделенных по имущественному признаку, в соответствии с которым они должны были передать для службы на флоте определенное количество рабов и обеспечить их жалованьем на определенный срок (см. табл. 1).

Таблица 1

№	Категория налогоплательщиков	Обременение
I	от 50 до 100 тыс. ассов	1 раб с шестимесячным жалованьем
II	от 100 до 300 тыс. рабов	3 раба с шестимесячным жалованьем
III	от 300 тыс. до 1 млн. ассов	5 рабов с шестимесячным жалованьем
IV	более 1 млн. ассов	7 рабов с шестимесячным жалованьем
V	сенаторы	8 рабов с годичным жалованьем

Следует отметить сходство положений эдикта с введенной в IV в. до н.э. в Афинах системой *симморий*, объединений граждан для сбора экстраординарного военного налога (*эйсфоры*). В Афинах существовало 20 симморий по 60 человек в каждой, причем каждая из них должна была сдать в государственную казну определенную сумму денег, которая распределялась среди ее членов пропорционально их состоянию. На симмории были возложены обязанности по сбору средств на триерархии. В 340 г. до н.э. по предложению Демосфена триерархические обязанности были возложены на 300 богатейших граждан, которые должны были нести расходы не в равных долях, а пропорционально их цензу (Нагрост. s.v. *summogia*; Din., I, 42; Aeschin., III, 222; Poll., VIII, 100). Если гражданин имел имущество, оцениваемое в 10 талантов, то он был обязан снарядить корабль единолично; состояние в 20 и более талантов обязывало к снаряжению двух кораблей. В том случае, если имущество оценивалось менее чем в 10 талантов, его владелец объединялся с другими для несения расходов. Помимо триерархии, экстраординарной литургией являлась *проэйсфора*, возлагавшаяся на 300 богатейших членов симморий (Dem., XLII, 25). Они должны были внести из собственных средств необходимую сумму денег, которую затем самостоятельно собирали с остальных членов симмории за вычетом своей доли [1: с. 118–153; 5: с. 69–83; 9: р. 33–40; 22: р. 31–42; 26: Col. 1871–1878; 35: s. 275–284; 36: s. 155–157; 40: Col. 106–115].

Как полагает Н. Розенштейн, сообщение Ливия об эдикте 214 г. до н.э. является уникальным свидетельством распределения рабской силы среди на-

селения римской общины в конце III в. [32: р. 6]. Исследователь справедливо полагает, что первые две категории эдикта соответствовали третьему и первому цензовым классам. Категория лиц с имуществом, оцененным в 300 тыс. ассов, корреспондирует с неизвестным цензовым рангом либо какой-то группой в пределах верхнего уровня римской социально-экономической иерархии. Скорее всего, она должна быть соотнесена с всадниками, не имеющими государственного коня (*equites equo privato*). Как принято считать, *equites equo privato* избирались цензорами на основании имущественного ценза. Их имена вносились в отдельный список, отличавшийся от того, в котором содержались имена служивших в пехоте (VI, 20, 9) [21: р. 3–5, п. 6; 37: р. 319]. Высказывалось мнение, что этот список лежит в основе сообщения Полибия (скорее всего, пользовавшегося сведениями Квинта Фабия Пиктора) о том, что в 225 г. до н.э. в Риме было 23 тыс. человек, чье имущественное положение позволяло пройти всаднический ценз (Polyb., II, 24, 14. Ср.: Eutr., III, 5; Oros., IV, 13, 6) [32: р. 5, п. 26, 7]. Наличие специального списка указывает на то, что существовала определенная граница, выраженная в денежном эквиваленте, которая позволяла цензорам решать, можно ли отнести конкретного гражданина к всадникам. В то же время, по мнению М. Гельцера и Э. Габбы, эта сумма могла не иметь официального выражения в законе и меняться от одного цензорства к другому [13: р. 55; 15: s. 224–225]. К. Николе высказывает предположение, что сумма в 300 тыс. ассов была актуальной только для цензуры 214/213 гг. до н.э., что, впрочем, вступает в противоречие с его собственным утверждением о том, что границей всаднического ценза была сумма в 1 млн ассов [24: р. 65, п. 31, 64–68]. Следует также учесть, что цензура 214/213 гг. до н.э. не была завершена, поскольку отсутствуют сведения о проведении люстра, вероятно, по причине смерти одного из цензоров, Публия Фурия Фила. Как полагает П. Брант, процедура ценза обычно проходила в конце цензорского срока, так что в любом случае консульский эдикт должен был появиться раньше его завершения [6: р. 536–537]. Кроме того, Ливий недвусмысленно пишет о том, что консулы пользовались данными еще довоенного ценза, проведенного Л. Эмилием Папом и Г. Фламинием (Liv., XXIV, 11, 7).

Упомянутый в тексте эдикта 1 млн ассов, по мнению И. Шацмана, был фактической границей сенатского ценза [38: р. 243, п. 2]. К. Николе и Т.П. Вайзмен, однако, полагают, что эта сумма отражала минимальный ценз всадников с государственным конем (*equites equo publico*), основываясь на том, что она эквивалента всадническому цензу, выраженному в сестерциях (≈ 400 тыс.), который не вызывает сомнений для периода Поздней Республики и Раннего Принципата [24: р. 64–68; 45: р. 66]. Однако Д. Рэтбоун отмечает, что всаднический ценз выражался только в сестерциях, в связи с чем маловероятно, что он существовал в таком виде до 140 или даже 129 гг. до н.э. [28: р. 149. Ср.: 18: р. 211–218]. Как можно заметить, отдельно в эдикте выделены сенаторы, нагрузка на которых особенно велика: они не только должны предоставить самое большое число рабов, но и обеспечить их жалованьем на больший

срок. По мнению Т.П. Вайзмена, дополнительный раб должен был подчеркнуть экономическое превосходство сенаторов над богатыми, но не знатными согражданами [45: р. 66, п. 31]. Однако в данном случае, на наш взгляд, ближе к истине Н. Розенштейн, по мнению которого повышенная налоговая нагрузка подчеркивала более высокий социальный статус сенатора, отражая роль и значение сенаторского *ordo* в структуре *civitas* [32: р. 6].

Обращает на себя внимание, что эдикт 214 г. до н.э. освобождал от повинности лиц, чье имущество было оценено менее чем в 50 тыс. ассов. Это вполне объяснимо, поскольку литургическая повинность не должна была затронуть самую бедную часть римской общины, составлявшую четвертый и пятый цензовые классы. Куда загадочнее выглядит отсутствие в эдикте представителей второго имущественного класса. В том случае, если Ливий точно передает содержание эдикта, получается, что подать затронула только первый и третий цензовые классы, что, безусловно, требует объяснения. В этой связи правдоподобным выглядит предположение Н. Розенштейна о том, что сумма в 75 тыс. ассов (и, видимо, двое рабов), составлявшая предполагаемую налоговую нагрузку для представителей второго цензового класса, просто выпала из источников Ливия [32: р. 6. п. 28]. Как принято считать, по цензовым критериям римского общества в конце III в. до н.э. представители первого класса должны были обладать имуществом, оцениваемым в 100 тыс. и более ассов, второго класса — 75 тыс. ассов, третьего класса — 50 тыс. ассов, четвертого класса — 25 тыс. ассов, пятого класса — не менее 12 500 (или 11 тыс.) ассов [8: р. 179–181; 30: р. 305–316].

5. Секстантарные или либральные ассы?

При сравнении этих данных с условиями эдикта 214 г. до н.э. можно заметить присутствие в последнем сумм более высокого порядка. Объясняется это тем, что, за единственным исключением, упомянутые в эдикте категории лиц относятся к первому цензовому классу. Исключение составляют лица, обладавшие имуществом, оцениваемым в промежутке от 50 до 100 тыс. ассов. Это указывает на то, что круг лиц, затронутых литургической повинностью, не выходил за пределы третьего цензового класса. Его основное ядро составляли граждане, обладавшие более чем тремя рабами, что указывает на их принадлежность к первому цензовому классу. Как отмечает Н. Розенштейн, труд трех и более взрослых рабов позволял создавать продукцию, выходящую за пределы, необходимые для повседневного потребления [32: р. 7]. Те семейства, которые были способны передать общине от пяти до восьми рабов, принадлежали к верхушке этого класса [31: р. 163]. Тем не менее достоверность цифр, передаваемых Ливием, вызывает определенные сомнения. Еще в 1937 году Х. Маттингли отметил, что упоминаемые Ливием при описании событий 214 г. суммы не могли представлять секстантарную систему,

поскольку в это время переход с либрального на секстантарный асс еще не произошел [20: р. 103–104]. В том случае, если передаваемые Ливием суммы были выражены в либральных ассах, они должны были отразить очень высокий уровень имущественного положения лиц, относившихся к первому цензовому классу. Однако, по мнению Д. Рэтбоуна и Э. Ло Кашио, Ливий не мог не знать о переходе от либральной к секстантарной системе и времени, когда он произошел. По их мнению, римский историк просто перевел суммы в значения, привычные для современного ему читателя [17: р. 283–284; 28: р. 133–134]. При этом оба исследователя следуют выводам Д. Рича, согласно которому границы цензовых классов были увеличены в десять раз к 212 г. до н.э. для того, чтобы компенсировать драматическое падение стоимости асса, имевшее место в это время [30: р. 310 ff]. Снижение цензового порога в реальном выражении произошло, когда асс был редуцирован с 10 до 2 унций. Таким образом суммы, передаваемые Ливием, выглядят анахронизмом для 214 г. до н.э., поскольку они выражены в секстантарных (2-унцевых), а не в либральных (10-унцевых) ассах, которые использовались на тот момент. В этом случае упомянутые в эдикте суммы в реальности должны были составлять 5 тыс., 10 тыс., 30 тыс. и 100 тыс. ассов соответственно [32: р. 6, п. 27].

6. Рабы и проблема достоверности сведений об *edictum consularibus* 214 г. до н.э.

Помимо денежных сумм вызывает вопросы и количество рабов, которые потребовались сенату в 214 г. до н.э. Как сообщает Полибий, на римском корабле находилось 120 моряков и 300 гребцов (I, 26, 7). Это позволило многим исследователям определить число гребцов на квинквереме в 250–300 человек [3: с. 243; 16: р. 241; 27: р. 77; 43: р. 519]. Другая часть исследователей исходит из того, что штат гребцов на квинквереме составлял 340 человек [6: р. 65; 32: р. 24; 41: р. 189]. Таким образом построенный в 214 г. до н.э. флот состоял из 100 квинкверем, которые обслуживались экипажем, включавшем от 250 до 340 гребцов. Следовательно, новому флоту требовалось от 25 до 34 тыс. гребцов. Для сравнения, римскому флоту, насчитывавшему в 215 г. до н.э. 160 кораблей, требовалось примерно 54 тыс. человек, включая как гребцов, так и моряков [6: р. 65; 42: р. 189]. Сенат рассчитывал получить их из числа рабов, однако, судя по рассказу Ливия, его запросы намного превышали требуемое. Триста сенаторов могли предоставить 2400 гребцов. Если предположить, что сумма в 300 тыс. ассов являлась цензовой планкой для всадников, служивших со своими конями, они могли дать не менее 115 тыс. рабов в том случае, если мы будем исходить из зафиксированного Полибием числа всадников в Риме сер. III в. до н.э. в 23 тыс. человек. Учитывая, что Полибий сообщал об общем для римлян и кампанцев числе всадников, а также то, что

после первых, неудачных для Рима лет войны, их число могло уменьшиться, в свою очередь сократим число всадников до 11 500 человек. Однако и в этом случае мы получаем более 57 тыс. рабов, что намного превышает число требовавшихся флоту гребцов, особенно если учесть, что рабов должны были предоставить и граждане других категорий, более многочисленных, чем две предыдущие [32: р. 23–24]. В данном случае уместен вопрос о том, были ли на территории Италии рабы в таком количестве. В литературе неоднократно приводилась оценка, согласно которой в конце III в. до н.э. их численность составляла примерно 500 тыс. человек, что делает приведенные расчеты вполне правдоподобными [33: р. 415].

В то же время выявленное несоответствие не обязательно указывает на недостоверность сведений Ливия о событиях 214 г. до н.э. Как отмечает Н. Розенштейн, тот же метод вербовки рабов на флот встречается в описании событий 210 г. до н.э. Последний эпизод, по мнению исследователя, определенно является подлинным, поскольку имеет продолжение в 204, 200 и 196 годах, когда власти возвращали деньги, взятые в долг в 210 г. [32: р. 25]. Однако признание достоверности сведений Ливия относительно событий 214 и 210 гг. до н.э. влечет необходимость примирения скрытых противоречий, содержащихся в тексте. В этой связи Н. Розенштейн высказывает предположение, что решение сената в 214 г. до н.э. было более сложным по содержанию, чем об этом пишет Ливий, являясь чем-то вроде инструкции, определявшей порядок проведения очередного набора солдат в армию (*dilectum*). Как отмечает исследователь, в теории каждый римский гражданин должен был служить с 17 до 46 лет. Однако в реальности люди старше 30 лет редко призывались на службу. Даже призывников в возрасте от 18 до 30 лет было значительно больше, чем требовалось для обычного ежегодного набора — комплектования всего четырех легионов [34: р. 10–12]. В том случае, если все призывники или большая их часть являлись на призыв, власти имели возможность произвести отбор наиболее годных к военной службе [6: р. 625–634; 29: р. 34–57]. Положение изменилось только в годы Ганнибаловой войны, когда произошел массовый призыв в армию военнообязанных граждан. Если экстраполировать эту практику на ситуацию 214 г. до н.э., сенат также мог затребовать значительное количество рабов с тем, чтобы магистраты могли отобрать из их числа наиболее годных для службы гребцов. Хозяева были прямо заинтересованы в том, чтобы послать на флот старых, больных или непригодных по разным причинам в хозяйстве рабов [32: р. 26]. Как представляется, идея американского исследователя заслуживает внимания. Согласно Ливию, консулы издали эдикт на основании сенатского постановления — «*consules ex senatus consulto edixerunt*» (XXIV, 11, 7). Таким образом, существовало два документа: сенатконсулт и консульский эдикт, датированные одним годом. Ливий передает содержание только консульского эдикта, который основывался на положениях сенатконсульта и, судя по всему, представлял собой его

сокращенный вариант. В этой связи следует вернуться к идее о том, что Ливий периодически использовал аутентичную сенатскую документацию, отражавшую количество легионов, военных кораблей, их расположение, назначение командующих и т. п. [32: р. 24]. Начало главы 11-й XXIV книги Ливия, в которой дается описание консульского эдикта 214 г. до н.э., явно передает содержание одного из сенатских постановлений (XXIV, 11, 1–6). В ней действительно присутствует как тема воинского набора, так и термин *dilectus*, причем в контексте постройки нового флота. Все это указывает на достоверность сведений, сообщаемых Ливием, что, впрочем, не исключает необходимости их нового прочтения.

Литература

1. *Бондарь Л.Д.* Афинские литургии V–IV вв. до н.э. СПб: Нестор-История, 2009. 204 с.
2. *Виннер Р.Ю.* Очерки по истории Римской империи. Т. I. Ростов-н/Д: Феникс, 1995. 479 с.
3. *Горьков С.Ю.* Рим и Карфаген. Великая морская война. М.: Наследие, 2003. 350 с.
4. *Нечай Ф.М.* Рим и италики. Минск: Изд-во Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1963. 195 с.
5. *Строгецкий В.М.* Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // *Античный мир: проблемы истории и культуры.* СПб., 1998. С. 69–83.
6. *Brunt P.A.* Italian Manpower. 225 B.C. – A.D. 14. Oxford: Oxford University Press, 1971. 788 p.
7. *Chanotis A.* War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 308 p.
8. *Cornell T.J.* The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 B.C). London – New York: Routledge, 1995. 507 p.
9. *Davies J.K.* Demosthenes on Liturgies: A Note // *The Journal of Hellenic Studies.* 1967. Vol. 88. P. 33–40.
10. *De Souza Ph.* Naval Forces // *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare.* Vol. I: Greece, the Hellenistic world and the rise of Rome / Ed. by Ph. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge, 2007. P. 434–460.
11. *Erdkamp P.* Manpower and Food Supply in the First and Second Punic Wars // *A Companion to The Punic Wars* / Ed. by D. Hoyos. Oxford, 2011. P. 58–76.
12. *Frank T.* An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. I. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1933. 247 p.
13. *Gabba E.* Republican Rome. The Army and the Allies. Berkeley – LA.: University of California Press, 1976. 272 p.
14. *Gabrielsen V.* Financing the Athenian Fleet: Public Taxation and Social Relations. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 306 p.
15. *Gelzer M.* Kleine Schriften. Bd. I. Wiesbaden: Steiner, 1961. 403 s.
16. *Levi M.A.* L'ellenismo e l'ascesa di Roma. Torino: Unione Tipografico-Editrice Torinese, 1969. 494 p.
17. *Lo Cascio E.* Ancora sui censi minimi delle cinque classi serviane // *Athenaeum.* 1988. 66. P. 273–302.

18. *Marchetti P.* Histoire economique et monetaire de la deuxieme guerre punique. Bruxelles: Palais des Académies, 1978. 547 p.
19. *Marchetti P.* A propos du tributum romain: impôt de quotité ou de repartition? // Armeés et fiscalité dans le monde antique. Paris, 1977. P. 107–133.
20. *Mattingli H.* The Property Qualifications of the Roman Classes // The Journal of Roman Studies. 1937. 27. P. 99–107.
21. *McCall J.* The Cavalry of the Roman Republic. Cavalry Combat and Elite Reputations in the Middle and Late Republic. L-NY: Routledge, 2002. 200 p.
22. *Mosse Cl.* Les symmories athéniennes // Points de vue sur la fiscalité antique / Ed. H. van Effenterre. Paris, 1979. P. 31–42.
23. *Ñaco del Hoyo T.* Roman Economy, Finance and Politics in the Second Punic War // A Companion to The Punic Wars / Ed. by D. Hoyos. Oxford, 2011. P. 376–392.
24. *Nicolet C.* L'orde équestre à l'époque Républicaine (321–43 av. J.C.). T. 1: Définitions juridiques et structures sociales. Paris: E. de Boccard, 1966. 763 p.
25. *Nicolet C.* Le mètier de citoyen dans la république romaine. 2ème éd., Paris: Gallimard, 1976. 538 p.
26. *Oehler J.* Leiturgie // RE. 1925. Bd. 12. Col. 1871–1878.
27. *Potter D.* The Roman Army and Navy // The Cambridge Companion to the Roman Republic / Ed. by H. Flower. Cambridge, 2006. P. 66–88.
28. *Ratbone D.* The census qualification of the assidui and the prima classis // De Agricultura: In Memoriam P.W. De Neeve / Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg et al. Amsterdam, 1993. P. 121–152.
29. *Rawson E.* Roman Culture and Society: Collected Papers. Oxford: Clarendon Press, 1991. 615 p.
30. *Rich J.* The Supposed Roman Manpower Shortage of the Later Second Century B.C. // Historia. 1983. 32/3. P. 305–316.
31. *Rosenstein N.* Rome at War: Farms, Families, and Death in the Middle Republic. Chapel Hill – London: University of North Carolina Press, 2004. 339 p.
32. *Rosenstein N.* Aristocrats and Agriculture in the Middle and Late Republic // The Journal of Roman Studies. 2008. 98. P. 1–26.
33. *Rosenstein N.* Italy: Economy and Demography after Hannibal's War // A Companion to The Punic Wars / Ed. by D. Hoyos. Oxford, 2011. P. 412–429.
34. *Roth J.P.* The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. – A.D. 235). Leiden – Boston – Köln: Brill, 1999. 399 p.
35. *Ruschenbusch E.* Die athenischen Symmorien des 4. Jh. v. Chr. // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1978. Bd. 31. S. 275–284.
36. *Ruschenbusch E.* Der Endtermin in der Leiturgie des Trierarchen // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1987. Bd. 67. S. 155–157.
37. *Scullard H.* A History of the Roman World, 753–146 B. C. 4th ed. L. – NY.: Methuen, 1980. 552 p.
38. *Shatzman I.* Senatorial Wealth and Roman Politics. Brussels: Latomus, 1975. 512 p.
39. *Steinby Chr.* The Roman Republican Navy: From the 6th century to 167 B.C. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 2007. 236 p.
40. *Strasburger H.* Trierarchie // RE. 1939. Bd. 7/1. Col. 106–115.
41. *Thiel J.H.* A History of Roman Sea-Power before the Second Punic War. Amsterdam: North-Holland Publishing Co., 1954. 368 p.

42. *Thiel J.H.* Studies in the History of Roman Sea-Power in Republican Times. Amsterdam: North-Holland Publishing Co., 1946. 456 p.
43. *Toynbee A.J.* Hannibal's Legacy. Vol. II: Rome and Her Neighbours after Hannibal's Exit. London–NY–Toronto: Oxford University Press, 1965. 752 p.
44. *Williamson C.* The Laws of the Roman People: Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005. 506 p.
45. *Wiseman T.P.* New Men in the Roman Senate, 139 B.C. – 14 A.D. Oxford: Oxford University Press, 1971. 325 p.

References

1. *Bondar' L.D.* Afinskie liturgii V–IV vv. do n.e'. SPb: Nestor-Istoriya, 2009. 204 s.
2. *Vipper R.Yu.* Ocherki po istorii Rimskoj imperii. T. I. Rostov-n/D: Feniks, 1995. 479 s.
3. *Gor'kov S.Yu.* Rim i Karfagen. Velikaya morskaya vojna. M.: Nasledie, 2003. 350 s.
4. *Nechaj F.M.* Rim i italiki. Minsk: Izd-vo Ministerstva vy'sshego, srednego special'nogo i professional'nogo obrazovaniya BSSR, 1963. 195 s.
5. *Strogeczkij V.M.* Morskaya programma Femistokla i vzniknovenie trierarxii // Antichny'j mir: problemy' istorii i kul'tury'. SPb., 1998. S. 69–83.

V.A. Kvashnin

Three Puzzles of Edictum Consularibus of 214 B.C.

The article is devoted to the edict, issued by consuls of 214 B.C. M. Fabius Maximus and M. Claudius Marcellus. Studying ancient tradition devoted to the edict, allows the author to select a number of problems related to the nature of duty, to the circle of persons to whom it was distributed, and reliable data about its size. The author points to the presence in the events of 214 B.C. parallels with the use of institute of liturgies in the Greek world.

Keywords: Ancient Rome; edict of 214 B.C. by consules M. Fabius Maximus and M. Claudius Marcellus.

Р.В. Фурцев

Политическая система Италии второй половины XV века

В статье анализируются вопросы политических взаимоотношений между государствами Апеннинского полуострова во второй половине XV века. Сложившаяся в этот период система политического равновесия поддерживала баланс сил и интересов между пятью державами Италии и таким образом позволяла избегать крупномасштабных военных конфликтов на полуострове вплоть до начала Итальянских войн. Особое внимание уделено рассмотрению внешнеполитических факторов, влиявших на внутриитальянскую ситуацию.

Ключевые слова: Италия; политическая система; равновесие; лига; экспансия.

В современных условиях европейской интеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и развития европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Вторая половина XV века стала важным рубежом в истории Европы: на смену Средневековью приходит Новое время. В этот период изменяются границы, складываются новые коалиции, происходит кардинальная перестройка политического ландшафта. Для государств Апеннинского полуострова это время отмечено формированием своеобразной политики сдержек и противовесов, направленной на установление мира в уставшей от бесконечных междоусобиц Италии. В историографии этот уникальный для Средневековья опыт получил название «итальянской системы равновесия».

Исходным рубежом образования итальянской политической системы принято считать Лодийский мир, подписанный 9 апреля 1454 года. Этот договор положил конец многолетним войнам в Северной Италии, в ходе которых Венецианская республика в союзе с Флоренцией пыталась противостоять экспансионистской политике миланских герцогов. Затем в Венеции 30 августа 1454 года последовало заключение лиги сроком на 25 лет между Венецией, Миланом и Флоренцией с целью, как было сказано в соглашении, сохранения и защиты этих государств и их союзников от нападений как внутри Италии, так и извне. Данная мирная инициатива исходила от Венеции, которая серьезно опасалась оказаться в политической изоляции в случае, если бы между герцогом Милана Франческо Сфорцой, к тому времени ставшим уже союзником Флоренции, и Неаполитанским королем был заключен сепаратный пакт.

Кроме того, республике Святого Марка был нужен мир в Италии, чтобы высвободить все свои силы на борьбу с турками, ведь после падения Константинополя в 1453 году венецианские владения в Восточном Средиземноморье оказались под угрозой полного турецкого завоевания. В январе 1455 года после долгих колебаний в лигу с определенными оговорками вступил король Неаполя Альфонс I. И, наконец, месяц спустя договор ратифицировал папа Николай V [12: с. 379–386]. Участники соглашения поименно перечислили в договоре всех своих союзников, сторонников и протекже, предоставив правителю Феррары Борсо д'Эсте право в любой момент присоединиться к альянсу. Четко установленные военные обязательства — число и состав войск каждой из сторон были подробно прописаны в соглашении — должны были гарантировать эффективность новой лиги, обеспечить мир в Италии и содействовать совместному отражению турецкой угрозы. Что в принципе на время и удалось: в последующие сорок лет внутриаитальянские вооруженные конфликты как по продолжительности, так и по степени охвата территории были весьма ограничены. Однако в итоге эта система политического равновесия распалась вследствие итальянского похода короля Франции Карла VIII и произошедшего затем возвращения Италии в большую европейскую политику. Уже спустя несколько лет после французского вторжения те четыре десятилетия казались эпохой мира и спокойствия, основой чего и служила как раз политика соблюдения баланса. Такая интерпретация событий, впервые изложенная Франческо Гвиччардини в его «Истории Италии» [4: с. 2–5], оказала стойкое влияние на всю более позднюю историографию по данному вопросу.

Итальянская лига, проистекавшая из Венецианского тройственного союза, должна была гарантировать во всей Италии сохранение *status quo*, зафиксированного Лодийским миром, и сдерживать экспансионистскую политику крупных государств полуострова. Таким образом, преимущественное положение пяти итальянских держав — Венеции, Милана, Флоренции, папства и Неаполитанского королевства — стало основой альянса, призванного обеспечить безопасность также и более мелких государств [5: с. 143]. Но одновременно лига была потенциально направлена и против экспансии внеитальянских держав на полуостров. Причем этот аспект Венецианского договора вызывал особенно большие опасения у Флоренции, тесно связанной экономически и политически с Францией.

В тот период, когда была заключена лига, внутри Италии существовали две главные конфликтные зоны, от разрешения ситуации в которых во многом и зависел успех всей новой политики. Во-первых — Восточная Ломбардия, где сталкивались экспансионистские устремления Милана и Венеции, с конца XIV века перманентно расширявшей собственные владения на материке. А во-вторых — Южная Тоскана, оспариваемая Альфонсом I, который возобновил экспансионистскую политику Неаполя, восходящую еще к XIII веку [10: с. 51]. Трения меньшей силы отмечались в других областях

Средней и Центральной Италии. Например, Флоренция, не довольствуясь своим гегемониальным положением в Тоскане, старалась распространить сферу собственного влияния за пределы границ, прежде всего на восток — в Романью. Кроме того, политика Святого престола, стремившегося полностью подчинить себе фактически независимых феодалов Папской области, угрожала интересам соседних держав и гарантированному лигой *status quo* небольших государств полуострова.

Но помимо внутренних проблем серьезную опасность для мира в Италии представляли и внешние угрозы, особенно со стороны Франции и Священной Римской империи. Так, герцоги Анжуйский и Орлеанский выдвигали правовые притязания соответственно на Неаполитанское королевство и Милан. У Франческо Сфорцы отсутствовала императорская инвеститура на его Миланское герцогство, что ставило под сомнение его легитимность. А у Венеции имелись пограничные споры с императором Фридрихом III Габсбургом [1: с. 171]. Наконец, еще одним очагом конфликта являлась ослабленная борьбой внутригородских группировок Генуя — возжеленная цель экспансионистской политики Милана, Франции и Неаполя.

Однако, несмотря на все трудности, предпосылки для всеобъемлющего урегулирования ситуации складывались в 1454 году довольно-таки благоприятно и, следовательно, шансы на успех новой политики выглядели не так уж плохо. Падение Константинополя и непрерывное продвижение турок в Юго-Восточной Европе побудили Венецию отказаться, хотя бы на время, от дальнейших территориальных захватов в Восточной Ломбардии в надежде добиться установления границы с Миланом по реке Адде. Франческо Сфорца, будучи де-факто признан союзниками по лиге законным миланским герцогом, отказался, в свою очередь, от своих претензий на Брешию, Бергамо и Крему, оставив за собой, тем не менее, контроль над Кремоной и Гьярой д'Адда. Флоренция, экономика которой была подорвана многолетними войнами, жаждала прочного мира, но при условии сохранения ее дружественных отношений с Францией. Папа Николай V надеялся использовать итальянскую лигу, защитником и покровителем которой он был объявлен, для организации и проведения крестового похода против Османской империи. Альфонс I, вступивший в союз без формального отказа от своих притязаний на Геную, Римини и Фаэнцу, в новой политической конфигурации не оставлял попыток косвенно расширить собственное влияние на Южную Тоскану, где он в борьбе против Сиены тайно поддерживал кондотьера Якопо Пиччинино, ставшего «безработным» в результате Лодийского мира. В конце 1455 года его действия спровоцировали первый кризис новой лиги, во время которого, однако, это политическое объединение в целом показало свою состоятельность и надежность, так как большинство членов альянса пришли на помощь Сиене [9: с. 171–173].

Сиена была одной из тех малых коммун Италии, которые были включены в лигу посредством их упоминания в договоре в качестве союзников (в данном случае это сделала союзная с этой тосканской республикой Венеция), и поэтому она могла рассчитывать на военное содействие всего альянса. Ведь Венецианский договор 1454 года четко предусматривал возможность упоминания в тексте соглашения союзников, сторонников, последователей и рекомендованных лиц, которые затем, если они изначально были не против их включения в договор, могли обращаться к лиге за защитой. Тем самым в поддержку *status quo* пяти итальянских держав напрямую вовлекались многие коммуны и большое число различных по статусу феодалов [11: с. 52].

Протекторатные отношения, являвшиеся важным элементом итальянской внешней политики XV века, в первую очередь служили разграничению сфер влияния крупных государств и таким образом способствовали их экспансионистской политике, но одновременно они иногда позволяли мелким коммуна, синьориям и отдельным магнатам защититься от экспансии соседей. Включение этих протекторатных отношений в созданную лигой систему государств теоретически усиливало эффективность альянса по сохранению мира, однако, с другой стороны, как раз такое расширение сферы действия лиги могло приводить к конфликтам между ее членами. Это внутреннее противоречие особенно показательно в случае с папством: в то время как остальные участники альянса могли ссылаться на прописанные в Венецианском договоре обязательства, беря под свое покровительство в противовес Святому престолу феодалов Папской области, понтифики упорно настаивали на том, что эти магнаты в качестве папских викариев и вассалов находились в исключительной власти наместника Святого Петра, хотя их защита гарантировалась лигой наряду с другими упомянутыми в договоре лицами и территориями.

Несмотря на кажущуюся стабилизацию положения в Италии и удачное разрешение мелких споров, со временем стало ясно, что лига будет не в состоянии справиться с серьезным внешнеполитическим кризисом и что только новая система сдержек и противовесов может дать реальную гарантию сохранения *status quo* на полуострове. Решение было найдено в виде создания изменчивых тройственных и двойственных союзов в рамках формально продолжавшей свое существование итальянской лиги. Так, тройственный союз в составе Милана, Флоренции и Неаполя, заключенный в 1467 году, успешно отразил нападение венецианского кондотьера Бартоломео Коллеони на Римини и защитил владения Роберта Малатесты от угрозы со стороны папы и Венеции. Политика Святого престола в Папской области и особенно поход папы Сикста IV против Никколо Вителли, синьора Читта ди Каstellо, послужил причиной для заключения в ноябре 1474 года нового тройственного союза между Миланом, Флоренцией и Венецией, к которому примкнул также правитель Феррары Эрколе д'Эсте. А в 1472 году был подписан пакт

о военно-политической взаимопомощи между папой и неаполитанским королем [7: с. 513–514].

После неудавшегося заговора Пацци против Лоренцо Медичи в 1478 году между участниками двух последних коалиций вспыхнула открытая война. Заключение мира, завершившего военные действия в марте 1480 года, повлекло за собой обновление тройственного союза 1467 года в прежнем составе после того как Венеция, исключенная из мирных переговоров, снова объединилась с папой. Этот альянс Милана, Флоренции и Неаполя в 1482 году защитил Эрколе д'Эсте от агрессии со стороны Сикста IV и Венеции и воспрепятствовал тому, чтобы территория Феррары была разделена между папой и республикой Святого Марка, а три года спустя пришел на выручку неаполитанскому королю в борьбе с его мятежными баронами, которых поддерживал новый папа Иннокентий VIII.

Итак, теперь именно противостоящие друг другу союзы двух или трех держав сдерживали территориальные и властные амбиции соперников, ограничивали во времени и в пространстве войны, если до них доходило дело, и тем самым в значительной степени содействовали поддержанию баланса сил на полуострове. Но следует подчеркнуть, что такая система отдельных коалиций вызывала раскол Италии на два враждебных лагеря, да и не только Италии. К примеру, во Флоренции, несмотря на руководящую роль Медичи, на внешнюю политику оказывала влияние также и позиция ведущих членов режима, которые делились на сторонников того или иного внешнеполитического направления, ведя между собой ожесточенную борьбу, что, естественно, сказывалось и на внутренних конфликтах в республике.

Однако как бы отдельные союзы ни способствовали стабилизации положения в Италии, им все равно не хватало запаса прочности. Так, тройственный союз, который Милан, Флоренция и Неаполь заключили сроком на 25 лет, уже семь лет спустя, как говорилось выше, был заменен новым союзом в составе Милана, Флоренции и Венеции, при этом прежний альянс официально продолжал действовать. Вплоть до конца XV века союзы, теоретически остававшиеся еще в силе, постоянно обновлялись.

Главная причина перманентных изменений в союзнической политике, несомненно, объясняется экспансионистскими тенденциями отдельных государств, угрожавших сохранению *status quo*. Сюда можно отнести планы Венеции по захвату Феррары, политику Святого престола в Папской области, старания Франции и миланских герцогов заполучить полный контроль над стратегически важной Генуей и, наконец, экспансионистские амбиции Неаполя в Средней Италии. Причем все происходило на фоне победоносного продвижения турок, которые в июле 1470 года захватили Негропонте — оплот венецианцев в Эгейском море, а десять лет спустя оккупировали Отранто в Южной Италии, и сопровождалось это непрерывными претензиями

Рене Анжуйского на неаполитанскую корону. Весьма примечательно, что в таких обстоятельствах не была оставлена идея организации всеитальянского союза и даже предпринимались неоднократные попытки реанимировать и привести в действие альянс 1454 года, хотя, как известно, на практике он спустя довольно короткое время показал себя недостаточным для поддержания мира между пятью державами полуострова.

Высказываемый некоторыми историками тезис о том, что относительная стабильность итальянской системы государств после 1454 года являлась не заслугой итальянской лиги, а была вызвана исключительно неспособностью европейских держав энергично и стойко реализовывать в тот период свои цели на Апеннинах, недооценивает то значение, которое придавали этому союзу сами итальянские государства. И тот факт, что в течение десятилетий постоянно велись переговоры об обновлении лиги, а при заключении отдельных коалиций высказывалась даже надежда на ее расширение до всеитальянского союза или же как минимум гарантировалось, что эти альянсы не будут противоречить духу существующей лиги 1454–1455 годов, определенно нельзя назвать просто дипломатической фикцией либо внешнеполитической пропагандой.

Когда папа Павел II после смерти Франческо Сфорцы в 1466 году попытался снова объединить итальянские государства ради проведения общими усилиями крестового похода против турок, то преемник миланского герцога Галеаццо Мария указал понтифику на то, что лига 1455 года сохраняет свою законную силу [6: с. 121–123]. Также и при заключении тройственного союза между Миланом, Флоренцией и Неаполем в 1467 году участники соглашения выражали готовность обновить итальянскую лигу вместе с Венецией и папой. При этом неаполитанский король недвусмысленно подчеркивал, что партнеры по договору обозначили в тексте соглашения своих союзников, сторонников и протезе именно для того, чтобы не сложилось впечатление, будто новый альянс каким-либо образом умаляет значение и действительность старой лиги. Когда же в 1470 году срок действия этого тройственного союза был продлен на 25 лет, то в договоре, ввиду османской угрозы и планов по осуществлению крестового похода, предусматривалось и обновление лиги.

Венеция и Неаполь, напрямую испытывавшие турецкое давление, горячо поддерживали идею реновации лиги с целью дать отпор туркам. Флоренция же, напротив, по причине своих торговых интересов в Османской империи не желала брать на себя обязательств по участию в военной кампании против султана, поэтому правительство республики отстаивало исключительно внутриитальянский характер лиги. Лоренцо Медичи в своем письме флорентийскому послу в Милане от 1 сентября 1470 года заявлял, что Флоренция благосклонно относится к созданию универсальной лиги, но отвергает идею проведения антитурецкого крестового похода. Именно из-за позиции Свято-

го престола, настаивавшего на военном решении османской проблемы, как писал далее Лоренцо, он не считает, что обновление лиги возможно в обозримом будущем [3: с. 215–216]. Тем не менее действие лиги было подтверждено уже в декабре 1470 года. Правда, с рядом оговорок: как, например, признание тройственного союза 1467 года, на чем изначально настаивала Флоренция, и союза между папой и Венецией 1469 года. Милан, в свою очередь, добился того, что альянс между Венецией и Неаполем, формально не зафиксированный в письменной форме, остался без внимания. Однако вследствие отказа миланского герцога ратифицировать договор в его окончательной версии обновленная итальянская лига фактически оказалась мертворожденной.

Очередная попытка в этом направлении была предпринята в 1474 году. Но и на сей раз она окончилась провалом, главным образом из-за споров Венеции с папством и требований синьории признать ее союз с Бургундией. Поэтому республика Святого Марка предпочла заключить в ноябре того же года тройственный альянс с Миланом и Флоренцией сроком на 25 лет, вызвав тем самым перелом в царившей с 1467 года системе союзов. Тем не менее Венеция, встревоженная военными успехами турок в Албании, продолжала настаивать на обновлении общеитальянской лиги, разумеется, с условием учета венецианских интересов. Между тем Галеаццо Мария Сфорца критиковал позицию правительства республики и указывал на то, что вхождение Венеции в новый тройственный союз противоречит ее прежним заявлениям о поддержке лиги. Синьория в ответ утверждала, что данный союз представляет собой первый шаг на пути к обновлению лиги [2: с. 293]. Папа Сикст IV рассматривал альянс 1474 года как направленный против его непотистских планов в Романье, отчего ни понтифик, ни его тогдашний союзник неаполитанский король Ферранте не приняли приглашение вступить в коалицию.

Согласно тенденциям в развитии итальянской системы государств можно было с уверенностью предположить, что папа и король Неаполя вскоре заключат контральянс, что в итоге и произошло в 1475 году. Новая внешнеполитическая ситуация создала предпосылки для заговора Пацци, жертвой которого в апреле 1478 года чуть было не стал Лоренцо Медичи, и для последующей войны. Когда два года спустя военные действия закончились сепаратным миром между Флоренцией и Миланом, с одной стороны, и Неаполем — с другой, то лишь ценой невероятных усилий удалось убедить понтифика ратифицировать этот договор, включавший в себя пункт об обновлении итальянской лиги на 25 лет. Однако на этот раз отказалась вступать в лигу Венеция, которая была исключена из мирных переговоров. Зато в апреле 1480 года синьория заключила альянс с папой. В ответ в июле того же года последовала реновация тройственного союза Милана, Флоренции и Неаполя [8: с. 69].

Когда же в августе 1480 года до Ферранте Неаполитанского дошло известие о взятии турками Отранто, он, как и следовало ожидать, апеллиро-

вал не к лиге, а к своим новым союзникам, а также к Венеции. В 1482 году тройственный союз пришел на помощь герцогу Феррары в его борьбе против Венеции и папства, вынудив понтифика заключить мир с герцогом и обязаться защищать Феррару вместе с союзом в течение 25 лет. Затем Баньольский мир 1484 года формально привел к заключению лиги сроком на десять лет — договор был подписан всеми итальянскими державами, включая Венецию и папу. Но уже год спустя разразилась новая война, на сей раз между понтификом и неаполитанским королем. И после того как Ферранте в итоге в августе 1486 года заключил мир с папой Иннокентием VIII [2: с. 378] вопрос об обновлении лиги больше не поднимался вплоть до итальянского похода Карла VIII в 1494 году.

Итак, становится абсолютно ясно, что в 40-летний период между Лодийским миром и военной кампанией Карла VIII отдельные союзы, т. е. тройственные и двойственные альянсы пяти держав полуострова, формировали основу итальянской системы государств. Тем не менее возникает проблема, почему после 1454 года вновь и вновь предпринимались попытки обновления общеитальянской лиги, несмотря на все ее недостатки и неудачи? В определенном смысле можно сказать, что она наилучшим образом отражала идею сохранения *status quo*, к которому стремились ведущие государства полуострова. То же самое относится и к вопросу включения союзников, сторонников и протезе в межгосударственные соглашения. К тому же во внешней политике итальянских государств этого периода всегда приходилось учитывать фактор совместимости целей по поддержанию *status quo* с экспансионистскими устремлениями европейских держав на Апеннинах. Совершенно очевидно, что лига 1454–1455 годов была направлена против подобных притязаний, ведь уже в первом пункте договора о создании лиги говорилось о гарантиях защиты контрагентов от агрессии со стороны других государств — как итальянских, так и внеитальянских. Однако экспансионистские амбиции и претензии европейских держав, особенно Франции, были слишком тесно переплетены с интересами отдельных государств полуострова, и на длительный срок исключить их влияние на внутриитальянскую политику было невозможно. И тот факт, что они, не считая французского владычества в Генуе, пока не проявлялись в полной мере, был вызван в первую очередь политической ситуацией, сложившейся за пределами Италии.

Но важную роль в стабилизации положения на Апеннинах сыграла и союзническая политика самих итальянских государств, имевшая конечной целью сохранение *status quo* и выражавшаяся в форме создания лиги и отдельных союзов. В самом деле, в течение сорока лет мирные договоры между главными действующими лицами итальянской политики за редким исключением приводили, хотя и не всегда беспроблемно, к реституции земель, потерянных в ходе междоусобных войн. Таким образом, изменчивые коалиции

государств полуострова в рамках двух противостоящих друг другу лагерей способствовали стабилизации итальянской системы в целом и поддержанию определенного баланса внутри самой системы. Здесь стоит отметить, что принципы политики равновесия, которым Гвиччардини отводил центральную роль в поддержании мира в Италии до 1494 года, только изредка упоминаются в качестве внешнеполитической программы в дипломатической корреспонденции той эпохи. Тем не менее очевидно, что отдельные союзы де-факто уравнивали друг друга, ибо заключение одного альянса неизменно давало толчок к образованию противостоящей ему коалиции. Такие союзы пытались воспрепятствовать властной экспансии государств полуострова и превращению одного из них в гегемона — тот идеал, который неоднократно дисгармонировал с экспансионистскими устремлениями отдельных держав, в частности, папства и Венеции.

Кроме того, эти альянсы, а также итальянская лига в целом служили защитой политическим режимам государств-членов. Как известно, слово «status» имело в Италии XV века двойной смысл: оно могло обозначать как режим одного государства, так и его подвластную территорию. Поэтому договорные обязательства оберегать и защищать status quo участников соглашения и их партнеров могли включать в себя оба эти понятия, что автоматически подразумевало легитимацию существовавших властных отношений, правомерность которых во многих случаях была сомнительна, поскольку политическая карта Италии в виде окончательного раздела большей части полуострова между пятью державами сформировалась лишь на рубеже XIV–XV веков. К тому времени эти государства различными путями многократно увеличили собственную территорию, и не везде этот процесс протекал гладко. А неаполитанскому королю помимо всего прочего приходилось считаться с могущественными баронами, оппозиционно настроенными к центральной власти и не раз поднимавшими восстания. Поскольку возложенная на союзников обязанность защищать status quo касалась в более узком смысле внутривластного соотношения сил и авторитета действующей власти, то данное обстоятельство могло приводить к осложнениям, угрожавшим политическому равновесию и миру на полуострове. Это в полной мере относилось как к династическим спорам в Милане, Неаполе и небольших синьориях Романьи, так и к угрозе потери доминирующего положения Медичи, сложившегося во Флоренции в рамках республиканского строя. Ведь оппозиция в итальянских государствах всегда опиралась на помощь извне.

Подводя итог, стоит указать на две главные причины того, почему итальянская система государств, несмотря на все противоречия и конфликты, сумела все-таки выстоять в течение четырех десятилетий. Во-первых, это стало результатом продуктивной союзнической политики баланса, в которой решающее значение имели отдельные коалиции, но при одновременном

соблюдении конечных целей итальянской лиги. Причем эта политика была тесно связана с развитием дипломатической коммуникации и все больше требовала от государственных деятелей практического применения управленческих навыков и политических талантов, ярким примером чему служит фигура Лоренцо Медичи. А во-вторых, в этот период Италия в силу целого ряда причин выпала из поля зрения правительств европейских держав, за исключением разве что Франции, и на время перестала быть ареной международных баталий, что также сделало возможным автономное политическое развитие на полуострове без серьезного иностранного вмешательства.

Литература

1. *Angermeier H.* Die Sforza und das Reich // Gli Sforza a Milano e in Lombardia e I loro rapporti con gli stati italiani e europei (1450-1535). Milano, 1983. P. 165–183.
2. *Catalano F.* Storia di Milano. Milano: Laterza, 1956. 497 p.
3. *Fubini R.* Lorenzo de Medici. Lettere. T. 1. Florenz: Piccini, 1977. 322 p.
4. *Guicciardini F.* Storia d'Italia. T. 1. Bari: Panigada, 1929. 288 p.
5. *Illardi V.* The Italian League, Francesco Sforza and Charles VIII (1454–1461) // Studies in the Renaissance 6. London, 1959. P. 109–162.
6. *Nebbia G.* La lega italica del 1455: sue vicende e sua rinnovazione nel 1470 // Archivio Storico Lombardo 4. Milano, 1939. P. 115–137.
7. *Pastor L.* Geschichte der Papste. Freiburg: Oldenburg, 1904. 691 s.
8. *Piva E.* Origini e conclusione della pace e dell'alleanza fra i Veneziani e Sisto IV (1479–1480) // Nuovo Archivio Veneto 1. Venezia, 1901. P. 35–69.
9. *Pontieri E.* Storia di Napoli. T. 4. P. 1. Napoli: Einaudi, 1975. 624 p.
10. *Ryder G.F.* La politica italiana di Alfonso d'Aragona (1442–1458) // Archivio storico per le province napoletane 38. Napoli, 1958. P. 41–59.
11. *Soranzo G.* La lega italica (1454–1455). Milano: Laterza, 1924. 259 p.
12. *Theiner A.* Codex diplomaticus domini temporalis S. Sedis. T. 3. Roma: Casa editrice vaticana, 1861. 785 p.

R. V. Furtsev

The Political System of Italy in the Second Half of the 15th Century

The article analyzes the issues of political interrelations between the states of the Apennine peninsula in the second half of the XV century. The system of political balance turned out in this period maintained a balance of power and interests between the five powers of Italy and thus allowed to avoid large-scale military conflict on the peninsula until the beginning of the Italian Wars. The author pays particular attention to considering the factors of foreign policy, which influenced on the situation in Italy.

Key-words: Italy; the political system; balance; league; expansion.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

К.Н. Курков

Дополнительные исторические дисциплины в контексте современного гуманитарного образования (на примере исследования произведений искусства)

Представленная статья посвящена дополнительным историческим дисциплинам и проблемам современного гуманитарного образования, значению геральдики, фалеристики и униформологии в подготовке квалифицированных специалистов-гуманитариев широкого профиля на примере исследования и атрибуции произведений искусства. Применение указанных дисциплин в преподавании также повысило бы общую культуру, уровень научной эрудиции выпускников, позволило бы им более успешно конкурировать на рынке труда.

Ключевые слова: дополнительные исторические дисциплины; историко-предметный метод; фалеристика; геральдика; герб; генеалогия; вексиллология; униформология; палеография; эпиграфика; гуманитарное образование.

В последние десятилетия значительно повысился интерес к дополнительным историческим дисциплинам, таким как нумизматика, геральдика, фалеристика. Всестороннее исследование, компетентная атрибуция произведений искусства, ее достоверность невозможны без знания быта или атрибутов эпохи, а ошибки и неточности в мелочах ставят под сомнение правдивость и ценность такой работы в целом. Любые неточности, да и просто оговорки сразу меняют общее положительное впечатление, особенно если речь идет о зарубежном (особенно европейском) мастере; неуклюжее выступление или публикация автора, несведущего в геральдике, отрицательно влияет на восприятие работы зарубежной аудиторией.

В то же время практика показывает, что студенты и выпускники гуманитарных вузов и даже музейные работники плохо ориентируются в дополнительных исторических дисциплинах. Достижения этих наук применяются недостаточно, а порой и вовсе не используются, чему препятствует не только недостаточное осознание необходимости получения таких знаний и примене-

ния их на практике, но и дефицит квалифицированных кадров. В результате, например, педагоги не в состоянии ответить на простейшие вопросы, выходящие за рамки основной учебной программы; профессиональные искусствоведы, будучи подготовленными для проведения технико-технологической экспертизы, нередко теряются, когда необходима, так сказать, гуманитарная экспертиза, требующая привлечения специалистов иного профиля. Особенно необходима соответствующая подготовка учителям средних школ, другим педагогам, в том числе профессорско-преподавательскому составу, поскольку такие предметы, как отечественная история, мировая история (в частности, Средних веков), история культуры, история искусства в качестве наглядного материала постоянно оперируют объектами изучения дополнительных исторических дисциплин.

С этой целью в учебную программу гуманитарных вузов давно включено преподавание следующих дополнительных исторических дисциплин:

- генеалогия (история семей);
- геральдика (история гербов);
- вексиллология (история флагов и штандартов);
- униформология (история моды, костюма);
- фалеристика (история наград и знаков отличия);
- палеография (история памятников письменности);
- эпиграфика (исследование старинных надписей и их содержания);
- лингвистика (языкознание);
- хронология (наука о времяисчислении в истории человеческого общества);
- метрология (наука о нормах мер и весов);
- архивное дело.

В частности, данные дополнительных исторических дисциплин используются при так называемом историко-предметном методе исследования произведений искусства — одного из основных видов исторических памятников. Примеры атрибуции произведений искусства являются великолепной иллюстрацией приемов и методов, которые характеризуют дополнительные исторические дисциплины и как инструмент в руках ученого-практика, и как неотъемлемую часть фундаментальной науки, гуманитарного знания.

За столетия своего существования дополнительные исторические дисциплины сначала в виде системы прикладных знаний, а затем в качестве научных дисциплин со специфическими объектами исследования, специальной методикой их изучения, порой особым условным языком накопили богатейший материал, помогли обобщить и систематизировать целые пласты человеческого знания.

Первые опыты применения этих знаний для атрибуции, например, русской портретной живописи относятся к рубежу XIX–XX веков, хотя ограниченность источниковой базы не позволяла тогда широко использовать историко-предметный метод, который и оперирует приемами дополнитель-

ных исторических дисциплин, а недостаточная осведомленность приводила к ложным выводам и заключениям [8: с. 117].

Основоположником методики определения персоналий на портретах по одежде, орденам, знакам отличий считается В.М. Глинка [2: суперобл. с. 2]. Но им не рассматривалось комплексное использование других дополнительных исторических дисциплин; он почти не обращался к униформологии как целостной истории костюма, практически не привлекал данные геральдики, генеалогии, вексиллологии, палеографии и т. д.

Первым, кто на основе обширного собранного материала поставил вопрос о родовом гербе как историческом источнике и о его социальной значимости, был выдающийся отечественный геральдист В.К. Лукомский. «Особой заслугой В.К. Лукомского... является систематизация и использование им исторических гербовых и родословных источников для практических нужд... путем производства многочисленных экспертиз» [1: с. 121–122]. В дальнейшем, однако, заложенные им традиции не получили продолжения. Например, считающийся классическим, выдержавший несколько изданий учебник Е.И. Каменцевой [7] даже не поднимает проблему применения дополнительных исторических дисциплин в искусствоведении и музейном деле.

В настоящее время работы, посвященные методике применения дополнительных исторических дисциплин в атрибуционной практике и непосредственно историко-предметному методу, также очень немногочисленны (прежде всего это статьи М.Я. Либмана [10: с. 33–39], А.В. Кибовского [8: с. 117–124] и книга В.П. Старка [24: с. 33]), хотя те или иные достижения в этой области затрагиваются в десятках работ.

Статья М.Я. Либмана достаточно квалифицированно и компетентно описывает принципы, способы и конкретные примеры применения достижений дополнительных исторических дисциплин в атрибуционной работе; исследователь совершенно справедливо подразумевает под атрибуцией «не только определение автора, но и установление датировки, локализации, школьной принадлежности и сюжета произведения» [10: с. 33].

Отдельную, очень емкую и обстоятельную статью посвятил истории и проблемам методологии экспертизы и атрибуции произведений русской портретной живописи по форменной одежде и наградам сотрудник Министерства культуры РФ А.В. Кибовский [8: с. 117–124].

Трудно не согласиться с А.В. Кибовским в том, что униформология, фалеристика, геральдика — дисциплины очень точные, требующие большого внимания к мелочам. Некоторые исследователи, привлеченные возможностями историко-предметного метода, проводят атрибуции без достаточного знания материала [8: с. 117–124].

Автор говорит о том, что «для русской живописи XVIII – первой половины XIX века одним из важнейших направлений являлся портретный жанр»;

сегодня же исследователи, обращаясь к творческому наследию художников той поры, неизбежно сталкиваются с большим числом не атрибутированных портретов. Иными словами, сведения об изображенных на них людях и обстоятельствах давностью лет утрачены. Атрибуция таких памятников вызывает, как правило, большие трудности. И здесь, наряду с традиционными методами стилистического и технико-технологического анализа, большую помощь оказывает так называемый историко-предметный метод, который все шире используется в последнее время.

Униформология, фалеристика, геральдика — дисциплины очень точные, требующие большого внимания к деталям. Малейшее пренебрежение ими ведет к ошибкам и заблуждениям. Некоторые исследователи, привлеченные возможностями историко-предметного метода, проводят атрибуции без достаточного знания материала. И в этой связи А.В. Кибовский упоминает петербургского исследователя В.П. Старка, обширная итоговая книга которого «“Портреты и лица”... эта первая монография по теории и практике историко-предметного метода, содержит массу ошибок, неточностей и была встречена специалистами весьма негативно... Одна из печатных рецензий называлась даже “Портреты с чужими лицами”...» [8: с. 117–124].

Книга В.П. Старка состоит из глав-очерков, посвященных определению какого-то одного или группы портретов, созданных как известными, так и забытыми или вовсе не известными художниками примерно за сто лет. Наряду с живописными холстами в книге представлены также акварели, миниатюры и портретная графика [24: с. 6–7].

Несмотря на критические отзывы, приходится напомнить, что работа В.П. Старка является первой монографией по теории и практике историко-предметного метода как воплощения принципов применения дополнительных исторических дисциплин [24: с. 6–7]. Нельзя не согласиться и с тем, что «ни один из способов и приемов идентификации не может, по-видимому, дать окончательных результатов и быть «последним словом» при определении неизвестных», только если «предварительный анализ данных, касающихся форменной военной одежды, а также орденов и медалей», не указывал бесспорно лишь на одно лицо [24: с. 9].

Таким образом, практически никем еще детально не разработаны методика и методология применения данных геральдики, генеалогии, палеографии, униформологии, фалеристики и пр. в исследовании, экспертизе и атрибуции произведений искусства, не опубликованы капитальные работы по данной проблематике. Однако внушительное количество успешно проведенных экспертиз «позволяет говорить о самостоятельном значении историко-предметного метода» [8: с. 117–124], который является практическим выражением комплексного применения дополнительных исторических дисциплин в искусствоведении, истории мировой культуры. Разработка и внедрение такой

методики исследования востребованы не только в теории, но и на практике и имеют большое будущее.

Отдельная, хотя и наиболее, может быть, известная в наше время тема — применение историко-предметного метода. «Под историко-предметным методом экспертизы и атрибуции произведений искусства подразумевается способ использования сведений из некоторых областей материальной культуры и дополнительных исторических дисциплин (главным образом, о партикулярной и регламентированной одежде, фалеристике, геральдике) в совокупности с данными биографического, генеалогического и исторического характера» [8: с. 117–124]. Приведем конкретные примеры применения этих научных дисциплин на практике.

В литературе приводится немало примеров применения геральдики — науке о создании, истолковании и употреблении гербов. Так, по бумажным водяным гербовым знакам (филиграням) можно установить имена неизвестных корреспондентов; по экслибрисам на обложках и корешках книг — выявить владельцев книг и авторов замечаний на полях. Зачастую гербы помогают в определении имени автора, что особенно важно, когда подпись бывает неразборчива, плохо видна или сокращена, отсутствует личная печать. Например, тщательное исследование гербов на письмах помогло вскрыть серьезную ошибку, переатрибутировав письма членов императорской фамилии. При разборе переписки авторство одной из пачек эпистолярных документов было приписано Императрице Александре Федоровне, супруге Николая II, так как все письма при сходстве почерка содержали к тому же одну подпись — «Алекс». Выяснилось, однако, что исследуемые артефакты написаны на бумаге с водяными знаками в виде трех разных геральдических корон в левом верхнем углу: российской императорской русской, королевской английской и великогерцогской германской. Этот факт позволил установить, что среди корреспонденток, кроме российской императрицы, были также королева английская Александра, урожденная принцесса датская, и великая герцогиня Александра Мекленбург-Шверинская, подписывавшиеся одинаковым именем [3: с. 64–65].

Недостаточное знание геральдики приводит к ошибкам и оговоркам, даже в работах маститых, уважаемых исследователей. Так, в великолепной статье о сигнатурах немецких художников XV–XVI веков [11: с. 117–131] видный искусствовед М.Я. Либман, обращаясь к теме фамильного герба рода потомственных художников, саксонских дворян фон Кранах, допустил ошибку в описании герба: крылатую змею в гербовом щите следует именовать не «ядром» (!) герба, а основной геральдической фигурой; «перья» на ее голове на самом деле именуется короной [28: с. 158; 29: р. 480; 30]. Элементы герба, раз и навсегда зафиксированные в дипломе и/или гербовнике, не подлежали произвольным изменениям, и поэтому изменение сигнатуры

семейства Кранахов, да еще включенной в их родовой герб, является экстраординарным явлением, способным многое объяснить в творчестве самого художника. Незнание, непонимание специфической природы герба как юридически закрепленного в неизменном виде изображения, как социального явления, не позволило исследователю в полной мере оценить чрезвычайную важность эволюционирования кранаховских сигнатур. Не будучи достаточно сведущим в области дополнительных исторических дисциплин, ученый переходит к отвлеченным рассуждениям, как то: «перепончатые крылья заменяются птичьими, что создает впечатление, будто они опустились»; «с одной стороны, остается широкоизвестная змейка, с другой — это уже не прежняя змейка» [11: с. 117–131].

Выяснить все эти детали, немаловажные для исследования биографии и творчества великого художника, помогает обращение к официальным источникам — гербовникам, содержащим описания его герба, ставшего родовым. Незнание, непонимание специфической природы герба как юридически закрепленного в неизменном виде изображения, как социального явления не позволило исследователю оценить чрезвычайную важность изменения кранаховских сигнатур.

Подобные оговорки сразу меняют общее впечатление, особенно если речь идет о зарубежном мастере, современники и нынешние земляки которого, как и все европейцы, хорошо знакомы со спецификой, приемами геральдики, ее символикой, условным языком и т. п. Неуклюжая публикация автора, несведущего в геральдике, отрицательно влияет на ее восприятие не только зарубежной, но и отечественной аудиторией.

Справедливости ради следует заметить, что специфика художественного творчества и использование в произведениях изобразительного искусства геральдических сюжетов нередко приводит к тому, что реально существующие, утвержденные верховной властью гербы становятся неузнаваемыми, и мало сведущий в области дополнительных исторических дисциплин человек может принять их за орнаментальные украшения. Так случилось со странным элементом кранаховской «Марии Магдалины», напоминающим фигуру родового герба. В левом нижнем углу картины под обозначением даты создания рисунка узнается крылатая змея. Эту «змеиную монограмму», использовавшуюся в его творчестве как обозначение мастерской, Кранох выбрал, когда в 1508 году получил разрешение «носить герб» (как тогда выражались) от саксонского курфюрста Фридриха Мудрого. Она и сегодня красуется в замковом камне над дверью дома в Готе, принадлежавшем дочери Кранаха Урсуле.

Одним из примеров практического применения гербоведения является геральдический дизайн, с помощью которого несколько столетий оформлялись фасады зданий, интерьеры, произведения декоративно-прикладного искусства, предметы быта. Герб — один из красивейших и интереснейших

памятников Средневековья. Как всякий знак, он вобрал в себя сложность и своеобразие художественного выражения социальных явлений. Герб представлял собой не столько красивый рисунок, сколько юридический символ высокого общественного статуса, достаточно четко зафиксированный монумент сословных отношений.

Несмотря на отмену советскими декретами фамильных гербов как элемента сословного общества, идея использовать экслибрис как своеобразный способ фиксации и социальной регистрации родового герба для потомков дворянских родов осталась. В Союзе потомков российского дворянства (общественной организации, возникшей в 1990 г. в Москве) было предложено закрепить гербовые экслибрисы за его членами. В 1994–1995 годах Союзом был даже утвержден ряд таких геральдических экслибрисов [22–23], но затем эта интересная работа была прервана из-за бесцеремонного вмешательства зарубежных претендентов на давно не существующий российский престол...

Особое место среди памятников геральдики занимают гербовые экслибрисы — книжные знаки на изданиях и рукописях государственных, общественных и частных библиотек. С XVIII века первые российские экслибрисы чаще всего являются изображениями родовых гербов их владельцев; многие экслибрисы того времени представляют собой сложные торжественно-символические композиции. В XIX – начале XX века многие экслибрисы превращаются в целые сюжетно-декоративные произведения с определенной символикой, часто создаваемые известными художниками. Современная востребованность как экслибриса, так и личного («гражданского») герба позволяет нынешним геральдистам, среди которых уже немало профессиональных историков, предложить заказчику их удобное совмещение в качестве одного из статусных атрибутов.

Еще один, совсем «свежий» пример применения данных дополнительной исторической дисциплины для атрибуции произведения искусства позволяет случай на аукционе «Альфа-арт», проводившемся во второй половине 2000-х годов. Вексиллология, как наука о флагах и знаменах, ответвление геральдики, дает возможность разоблачить странную, «ошибочную» атрибуцию картины, которую выдавали за полотно работы Г.П. Виллевальде 1850-х годов. В изображенных на ней неизвестном мужчине в костюме моряка с мальчиком в матроске «узнали»... российского Великого Князя Константина Николаевича и его старшего сына, Великого Князя Николая Константиновича.

Помимо того, что портрет мужчины и мальчика никак не вписываются в существующую обширную иконографию упомянутых Великих Князей, младший из которых даже в детском возрасте не имел ничего общего со скуластым и щекастым ребенком с мнимого полотна Виллевальде, мы можем опровергнуть предлагаемую атрибуцию картины в том числе данными вексиллологии. На мнимом полотне Виллевальде на мачте шлюпки, виднею-

щейся на заднем плане, изображен так называемый Андреевский военно-морской флаг. В случае же наличия штандарта на портретах Великих Князей обязательно присутствует присвоенный им гюйс — особый флаг, поднимавшийся не только на судах, но и — в случае необходимости — при следовании по суше, а также над великокняжескими резиденциями [27: с. 217–218]. При этом штандарт Великих Князей, имевших чины генерал-фельдмаршала или генерал-адмирала (а именно в таком чине Константин Николаевич пребывал практически всю жизнь), представлял собой Андреевский флаг с наложенным на него морским штандартом Императора — прямоугольным золотым полотнищем с черным Государственным орлом, державшим в лапах и клювах карты четырех морей, подвластных империи. На мнимом портрете «Вел. Кн. Константина Николаевича с сыном» вместо такого гюйса присутствует простой Андреевский флаг, а значит, изображенные на портрете могут быть боцманом или даже простым матросом с юнгой, служившими на русском военном корабле.

Эпиграфика, изучающая надписи, их стиль, почерк, способ нанесения, помогает в исследовании произведений искусства и архитектурных сооружений посредством личных и родовых знаков, которыми пользовались их создатели — строители и скульпторы в артелях, цеховые резчики, серебряники, живописцы и граверы. «В артелях они служили для обозначения той части работы, которая была проделана данным ремесленником, и облегчали денежные расчеты. Цеховые мастера пользовались своими знаками для обозначения продукции их мастерских. Такого рода знаки превращались в своего рода подписи. Известны монограммы Шонгауэра и Дюрера, крылатая змейка Кранаха. Это подводит к важнейшему вопросу о сигнатурах художников» [10: с. 37–38; 11: с. 117–131].

О том, как важно владение приемами палеографии — науки о смысле и содержании надписей, свидетельствует почти анекдотический случай с неправильным прочтением подписи и соответственно — ошибочным указанием авторства натюрморта из Полтавского художественного музея. Из-за неверного прочтения подписи («GBARA R.A° 1612» вместо «CLARA P. A[anno Domini] 1612») он долгое время приписывался кисти «Гбара» — не существовавшего голландского художника второй половины XVIII века, как это напечатано в каталоге музея, выпущенном в 1958 году. Ошибка была исправлена только в 1965 году [26], когда обезличенная картина оказалась натюрмортом «Закуска» работы известной фламандской художницы Клары Петерс (ок. 1594 – ок. 1659), представительницы так называемой группы фламандских эмигрантов, мастера «сервировочных столов» (тип натюрморта) [12: с. 63, 140]. Добавим к этому, что, помимо «Натюрморта с рыбой», похищенного в начале 1990-х годов из частной коллекции в Москве, данная работа была единственным творением Клары Петерс на территории бывшего СССР.

Источником правильной атрибуции могут стать сведения о наградах и одежде лица, портретированного на картине, в скульптуре, либо упоминаемого в письменном памятнике. На основании данных фалеристики — науки о наградах, наградных системах — сотрудником Русского музея Б.А. Косолаповым был идентифицирован военный на картине, принадлежащей Одесскому художественному музею. Им оказался барон Е.И. Пальменбах, лифляндец, самоотверженно служивший в русской армии. Изображенный на его мундире орден Георгия позволил определить и время создания произведения, так как Пальменбах был награжден в 1792-м, а погиб в 1794 году. Бесспорный, казалось бы, портрет графини Е.Н. Орловой-Чесменской оказался портретом неизвестной с фрейлинским шифром, поскольку Орлова-Чесменская никогда не была фрейлиной [9: с. 10].

Если орденские знаки помогают атрибутировать лицо, изображенное на портрете, путем уточнения его служебного, социального статуса, а по крестам, звездам и плечевой ленте можно судить о том, к какому классу табели о рангах принадлежит изображенный на портрете человек, каков его чин, то примеры успешного применения другой науки — униформологии, занимающейся историей костюма (в частности, форменной одежды), наряду с изучением данных фалеристики, столь многочисленны, что мы не будем приводить здесь конкретных примеров.

На основании применения данных другой дополнительной исторической дисциплины — хронологии, науки о способах летоисчисления, — было отклонено ошибочное авторство художника. Упомянутое в древних описях изображение «Поклонение кресту» было приписано известному придворному художнику Салтанову наряду с аналогичным, более поздним, сюжетом, действительно выполненным Салтановым в 1677–1679 годах. Оно не сохранилось, но еще в 1884 году находилось в одной из церквей комплекса Теремного дворца Московского Кремля. Между тем в патриаршем Новоиерусалимском монастыре в середине XIX века хранилось еще одно «Поклонение кресту», датированное 1658 годом и во всем совпадающее с вышеописанным. Как показало исследование, новоиерусалимская композиция «Распятие с предстоящими» была дополнена персоной царевича Алексея Алексеевича (1654–1670). На основании возраста царевича, а также наличия на картине патриарха Никона, оставившего патриаршество в 1658 году, исследователи заключили, что, судя по описанию, московское «Распятие» написано даже намного ранее новоиерусалимского и никак не могло быть создано до 1667 года, когда Салтанов стал царским живописцем и выполнил его вариант или копию в 1677–1679 годах [21: с. 51–52.].

Конечно, ни один из способов и приемов идентификации не может, по-видимому, дать окончательных результатов и быть «последним словом» при определении неизвестных. Даже портреты знаменитых деятелей и со-

поставление их изображений порой не дают полной уверенности в истинности атрибуции. Идентификации, сделанные, на первый взгляд, даже самым надежным способом — иконографическим, но не проверенные другими методами, могут оказаться ошибочными, и только совокупность всех возможных в каждом конкретном случае путей поиска приводит к положительному результату.

Но бывают, хотя и редко, противоположные примеры. Особенно это касается портретов членов царствующих династий, изучение которых по понятным причинам в советское время практически не проводилось. Так, лишь иконографическое сопоставление позволяет, например, правильно атрибутировать изображенный на одной из миниатюр из собрания Оружейной палаты Московского Кремля [20: с. 6] портрет шведского короля Фредрика I (1667–1751), «в девичестве» ландграфа гессен-кассельского, зятя и одного из ближайших преемников знаменитого Карла XII и генералиссимуса шведской армии (с 1715 г.) [4: с. 119–121]. При этом сам факт наличия подобного портрета на территории сегодняшней Российской Федерации, особенно в хранилищах Кремля, приходится признать уникальным; автору неизвестны другие портреты короля в отечественных музеях. В каталоге же фонда РХМ и ДК, основной фонд («Предметы ДПИ и быта»), числится миниатюра XVIII века «с изображением графа Б.П. Шереметева». Вероятно, ошибочная атрибуция объясняется тем, что задолго до издания указанной брошюры на оборотную сторону миниатюры, подклеенной белой бумагой, какой-то «знаток» наклеил овальный зеленый ярлык с надписью: «Портрет графа Шереметева».

Еще более интересный, хотя и поистине вопиющий случай произошел с известным изображением старшей сестры Императора Петра II, старшей дочери несчастного Царевича Алексея Петровича Великой Княжны Наталии Алексеевны, донныне упорно выдаваемым публикаторами за портрет правительницы Вел. Кн. Анны Леопольдовны. Бесчисленное количество репродукций, книг и открыток с портретом Наталии Алексеевны вышли с подписью «Анна Леопольдовна». Этому немало способствовала ранняя смерть царской сестры — эта умная, воспитанная, образованная девушка «была дурна собой, хотя и хорошо сложена» [5: с. 115], и скончалась от чахотки в возрасте 14 лет и 4-х месяцев 22 ноября 1728 года.

Помимо чисто иконографического сопоставления при атрибуции изображенной вполне применимы униформологические приемы. Дело в том, что на портрете Великая Княжна облачена в платье, присутствующее на портрете Императрицы Екатерины I работы Ж.-Б. Наттье (атрибуция доцента Е.А. Устиновой, заместителя заведующего кафедрой сценического костюма постановочного факультета Школы-студии им. В.И. Немировича-Данченко при МХАТе им. А.П. Чехова. 2008–2009 гг.). В беседе с автором этих строк Е.А. Устинова высказала интересное предположение о том, что сильно уши-

тое платье Императрицы Екатерины I послужило для Наталии Алексеевны погребальным одеянием, когда после своей ранней кончины юная сестра Императора была похоронена в кремлевском Вознесенском монастыре.

Эта гипотеза подтверждается, по-видимому, и данными некрополистики. Вскрытие гробницы Великой Княжны Наталии Алексеевны производилось при переносе ее останков в Архангельский собор в 1928 году. Оказалось, что Наталья Алексеевна покоилась в гробу в хорошо сохранившемся глазетовом, расшитом золотом платье, сильно собранной в талии юбке из парчи и шелковых трикотажных чулках, а также диадеме, звезде и ленте Императорского ордена Святой Екатерины. Гроб ее был обит серебряным позументом и отделан золотыми кружевами; для оформления погребения переплавили серебряную посуду опального А.Д. Меншикова [17: с. 159, 199–200].

Ошибки в атрибуции, подобные только что описанной, вполне объяснимы, учитывая, что и довольно авторитетные искусствоведы (не историки) порой достаточно вольно подходят и к иконографии, и к методам дополнительных исторических дисциплин. Яркий пример тому — крайне неудачное «открытие» известных супругов-искусствоведов Н.М. Молевой и Э.М. Белютина, «атрибутировавших» знаменитый автопортрет художника Матвеева с женой как... портрет Великой Княгини Анны Леопольдовны с женихом [13: с. 27–29; 14: с. 120–131; 15: с. 100–101; 16: с. 98–115].

Недостаточно обоснованные выводы искусствоведов, пренебрегших как данными вспомогательных исторических дисциплин, так и простейшей технологической экспертизой, давно и убедительно опровергнуты [6: с. 116–118; 126]. В труде Т.В. Ильиной и С.В. Римской-Корсаковой удачно сочетаются приемы технологической экспертизы с применением принципов историко-предметного анализа. Однако до сих пор «в связи с портретом иногда задают вопрос: почему до сих пор он экспонируется со старой этикеткой? Ведь уже доказано, что это... портрет принца Брауншвейгского и принцессы Анны Леопольдовны». Но «предположение Молевой и Белютина о том, что на портрете изображены Антон-Ульрих и Анна Леопольдовна, встречает ряд серьезных иконографических возражений. Известно, что Антон-Ульрих Брауншвейгский имел светлые и длинные волосы. Изображенный же на полотне — темноволос и довольно коротко стрижен... На раскрашенных гравюрах он предстает белокурым, розовощеким, с очень светлыми, немного навывкате, глазами. Внешность черноглазой Анны Леопольдовны хорошо известна по многим портретам и ничем не напоминает светлоглазую модель Матвеева.

...Главным аргументом автора, отказавшегося от традиционного представления о личностях, изображенных на картине, в сущности, является возраст женщины, которая на портрете выглядит старше мужчины и уж, во всяком случае, старше семнадцати лет» (жене художника на момент написания портрета было 17 лет. — К.К.). В источниках XIX века «нет указания на не-

завершенность картины, но зато есть сомнения в личности изображенных. Так, П.Н. Петров находит в них сходство с царевичем Алексеем Петровичем и принцессой Шарлоттой-Софией» [6: с. 118]. Кроме того, «в реставрационных протоколах Русского музея, куда “Автопортрет с женой” поступил в 1925 году, отмечается его плохая сохранность и грубая записанность... записи сделаны по сплошным утратам авторской живописи. Поэтому трудно судить о незавершенности портрета, а тем более искать ее причину... Возраст записей различен... больше всего пострадала живопись именно женской фигуры... Записи “удлинили” нос женской модели, “подвели” глаза, сделали резкими линии рта... Очень интересны рентгенограммы с портрета, как бы снимающие с изображенных временные наслоения. На снимке с лица Ирины Степановны (жены художника. — *К.К.*)... очень молодое девичье лицо» [6: с. 119]. Действительно, при взгляде на матвеевский «Автопортрет с женой» и на многочисленные изображения Великой Княгини Анны Леопольдовны ясно видны полное внешнее несходство моделей и различия в самой манере исполнения портретов — для царствующей особы, как правило, обязательно парадных. Фундаментальный труд Т.В. Ильиной и С.В. Римской-Корсаковой об Андрее Матвееве наиболее ярко демонстрирует как применение различных методов при атрибуции произведения живописи, так и успешное комплексное сочетание этих приемов.

Привлечение дополнительных исторических дисциплин иногда требует от исследователя поистине энциклопедических знаний, не ограниченных набором стандартных справок. Например, автор статьи об атрибуции произведений портретной живописи XVII века из собрания Смоленского музея [25: с. 55–62], критикуя поверхностный анализ искусствоведа, давшего окончательное заключение по их принадлежности к испанской школе, среди других повлиявших на него аргументов называет изображенный на мужском портрете «нашитый на груди мужской куртки красный крест... похожий на крест ордена Сантьяго (Сант Яго, Сантьяго-де-Компостела, *исп.* Santiago de Compostela). “Похожий”, потому что его форма несколько отличается от канонической формы креста этого ордена. Изображение креста должно было указать на принадлежность мужчины к ордену Сантьяго». При более внимательном изучении оказалось, что такой орденский «крест является лишь украшением или появился после того, как портрет был написан. Подобный случай произошел с известной картиной Веласкеса “Менины” (1656). На ней изображен сам художник с крестом ордена Сантьяго на груди. На самом деле крест был добавлен уже после смерти художника предположительно для того, чтобы задним числом возвысить его в глазах зрителей, мотивируя его близость к царствующим особам.

У многих специалистов сложилось впечатление, что орден Сантьяго имеет национальный испанский характер, а все, кто причислен к рыцарям этого ордена, — испанская знать», что ранее часто служило «главным аргументом в пользу

решения об испанском происхождении... картин», но в действительности не является основанием для такой атрибуции [25: с. 59]. Экскурс в историю ордена Св. Иакова Компостельского позволил автору понять, что «орден Сантьяго нельзя считать чисто испанским орденом, а принадлежность к нему — свидетельством испанского происхождения. Рыцарями ордена Сантьяго были подданные разных государств и далеко не знатного сословия» [25: с. 60].

Таким образом, критическое восприятие первоначального впечатления от памятника изобразительного искусства должно корректироваться базовыми знаниями, получаемыми исследователем при подготовке в учебном заведении и в ходе постоянного и упорного самообразования.

Важнейшая проблема применения историко-предметного метода, как и методики других гуманитарных наук, — в невежестве, в том, что многие авторы продолжали воспринимать историко-предметный метод лишь как эффектный трюк; нередко на основе рассуждений о пресловутом «физиономическом» сходстве, о «специфике художественного творчества» и прочих ложных посылок, подменявших историко-искусствоведческий анализ, те или иные не определенные портреты объявлялись изображениями известных исторических и литературных деятелей. Пренебрежение униформологическими признаками портретной живописи, особенно остро проявившееся в советском искусствоведении в 1930–1970-е годы, послужило причиной появления в различных изданиях портретов русских военных и гражданских деятелей, имена которых были определены не достоверным, научным путем, а методом весьма поверхностного и субъективного иконографического сравнения. «Униформологические признаки, хорошо различимые на портретах, при этом, как правило, игнорировались. Положение дел усугублялось отсутствием необходимой справочной литературы и слабой ориентацией музейных работников в исторических реалиях прошлого» [8: с. 118].

Привлечение дополнительных исторических дисциплин иногда требует от исследователя поистине энциклопедических знаний, не ограниченных набором стандартных справок. Критическое же восприятие первоначального впечатления от памятника изобразительного искусства должно корректироваться базовыми знаниями, получаемыми исследователем при подготовке в учебном заведении и в ходе постоянного и упорного самообразования.

Серьезная экспертиза всегда должна быть комплексной, позволяющей получить и применить максимально полную информацию об исследуемом историческом памятнике. Для этого специалист, эксперт-историк, искусствовед должен владеть приемами и методами всех научных дисциплин, которые могут ему в этом помочь. Работа с печатными и архивными источниками, справочниками самого разного рода, энциклопедиями, словарями также составляет неотъемлемую часть поиска [24: с. 8].

Исторические и биографические справки, данные фалеристики, иконографические сравнения в сочетании с уже имеющимися данными об индивидуальной манере художника, его «почерке», особой динамике движения кисти и т. д. помогли атрибутировать многие полотна известных мастеров, уточнить авторство, время создания, определить личности изображенных. Все это доказывает, что идентификация изображенного требует комплексного подхода, привлечения всех способов идентификации личности, атрибуции полотна. Здесь необходимо и проведение технико-технологической экспертизы, и привлечение дополнительных исторических дисциплин, и применение историко-предметного метода.

В заключение отметим, что именно пример атрибуции произведений искусства как нельзя лучше демонстрирует значение дополнительных исторических дисциплин в сфере гуманитарного знания. Кроме того, сегодня потребитель информации, содержащейся в памятниках прошлого, старинных вещах, становится все более искушенным в вопросах истории. В последнее время значительно повысился интерес к нумизматике, геральдике, фалеристике. Всестороннее исследование, анализ исторического памятника, достоверность такой экспертизы невозможны без знания быта или атрибутов эпохи, а ошибки и неточности в мелочах ставят под сомнение правдивость и ценность исследовательской работы в целом.

Программа подготовки историков, преподавателей, педагогов, искусствоведов должна предусматривать обучение умению хорошо ориентироваться и в общеисторическом процессе, и в области дополнительных исторических дисциплин.

Их углубленное изучение не только способствует подготовке высоко квалифицированных специалистов-гуманитариев широкого профиля, но и повышает общую культуру, уровень научной эрудиции выпускников, позволяет им успешнее конкурировать на рынке труда, все более определяющем жизненный выбор студента.

Литература

1. *Борисов (Ильин) И.В.* Родовые гербы России. М.: Виктория, Янтарный сказ, 1997. 216 с.
2. *Глинка В.М.* Русский военный костюм XVIII – начала XX века: Альбом. Л.: Художник РСФСР, 1988. 239 с.
3. *Драчук В.С.* Рассказывает геральдика. М.: Наука, 1977. 256 с.
4. *Егоршин В.А.* Генералиссимусы. М.: Патриот, 1994. 368 с.
5. Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1727–1730 годов / Пер. с франц. Д. Языкова. СПб.: Гутенберг. тип., 1845 – [4], IV. 217 с.
6. *Ильина Т.В., Римская-Корсакова С.В.* Андрей Матвеев. М.: Искусство, 1984. 320 с.

7. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1974. 264 с.
8. *Кибовский А.В.* Метод экспертизы и атрибуции произведений русской портретной живописи по форменной одежде и наградам. История и перспективы // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства: мат-лы III науч. конф. (г. Москва, 25 ноября – 27 ноября 1997 г.). М., 1998. С. 117–124.
9. *Кончин Е.В.* Найдена картина... М.: Знание, 1989. 56 с.
10. *Либман М.Я.* Подсобные гуманитарные науки и их значение для атрибуционной работы // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Вып. 6. М., 1980. С. 33–39.
11. *Либман М.Я.* Сигнатуры немецких художников XV–XVI веков как объект социологических изысканий // Советское искусствознание '75: сб. ст. Вып. 1. М., 1976. С. 117–131.
12. *Линник И.В.* Голландская живопись XVII века и проблемы атрибуции картин. Л.: Искусство, 1980. 247 с.
13. *Молева Н.М.* Всего один портрет // Знание – сила. 1968. № 11. С. 27–29.
14. *Молева Н.М.* Всего один портрет // Молева Н.М. Архивное дело №...: Рассказы. М.: Советский писатель, 1980. С. 120–131.
15. *Молева Н.М., Белютин Э.М.* Живописных дел мастера. Канцелярия от строевых и русская живопись первой половины XVIII века. М.: Искусство, 1965. 335 с.
16. *Молева Н.М.* История одного портрета // Молева Н.М. Московская мозаика. М.: Московский рабочий, 1971. С. 98–115.
17. *Панова Т.Д.* Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик, 2003. 224 с.
18. Полтавський державний художній музей. Каталог. Київ: Мистецтво, 1958. 32 с.
19. Полтавський державний художній музей. Путівник. Київ: Мистецтво, 1965. 79 с.
20. Портретная миниатюра XVIII–XIX вв.: Путеводитель / Сост. Л.М. Фролова. Оружейная палата. – [М.], [1983].
21. *Постернак О.П.* Иконография «Кийского креста» и его повторения XVIII века // Оригинал и повторение в живописи. Экспертиза художественных произведений: сб. науч. тр. / Всерос. худож. науч.-реставрац. центр им. И.Э. Грабаря. М.: ВХНРЦ, 1988. С. 47–60.
22. *Рикман В.Ю. фон.* О гербовых экслибрисах членов Российского Дворянского Соборания // Геральдические Ведомости. 1994. № 1 (5). С. 1.
23. Сборник гербовых экслибрисов членов Российского Дворянского Соборания, издаваемый Гербовым отделением Департамента герольдии с 1993 года. Часть первая // Геральдические ведомости. 1994. № 1 (5). С. 7–8; Геральдические ведомости. 1994. № 3 (7). С. 7–8; Геральдические ведомости. 1995. № 1 (9). С. 7–8; Геральдические ведомости. 1995. № 2 (10). С. 7–8; Геральдические ведомости. 1995. № 3 (11). С. 5–6.
24. *Старк В.П.* Портреты и лица, XVIII – середина XIX века / В.П. Старк [А.И. Ушаков. Август II. Карл Фридрих Голштинский. К.Г. Разумовский. П.Г. Кашкин. И.А. Рейнсдорп. А.И. Воронцов. Квашнины-Самарины. Горчаковы. С.Б. Куракин. А.Я. Хилков с сыном Степаном. М.К. Макаров. И.С. Леонтьев. Н.И. Пешуров. И.В. Лопухин. П.Г. Левицкий. П.Ф. Глебов-Стрешнев. П.П. Сухтелен. С.И. Ганнибал. Т.Г. Багратиони. Новосильцевы. Д.В. Вындомский. П.Р. Альбедиль. Я.С. Потоц-

кий. Н.П. Епанчин. П.С. и Д.С. Квашнины-Самарины. И.И. Полиньяк. С.Г. Строганов. А.Е. Кригер. О.Е. Коцебу. Н.П. и Ю.К. Нееловы. М.Н. Воробьев. И.В. Сабанеев. Н.М. Сипягин. Принц Вильгельм. Н.Г. Филимонов. А.П. Черкасов. С.И. Мещерский. Вел. кн. Александр Николаевич и Мария Николаевна. К.В. Нессельроде. Н.Л. Обрескова. Н.Л. Соллогуб. А.Ф. Голицын. М.А. Львова. С.С. Кушников. В.Н. Шеншин. Е.А. Зуров. А.А. Суворов. Л.Н. Леонтьева. П.В. Попов. Я.Ф. Яненко. И.А. Вревский. П.П. Есипов. Д.М. Княжевич. Г.В. Розен. И.И. Гогель. Вл.С. и Вас.С. Михалковы. А.П. Болотов. А.И. Бегичева. Н.И. Старк. А.Е. Энгельгардт. С.М. Голицын.]. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 268, [3] с.

25. *Стерлягов А.А.* Атрибуция двух портретов // Музейный вестник. Вып. III / ОГУК «Смоленский государственный музей-заповедник»; сост. Н.К. Вострикова. Смоленск: [б. и.], 2008. С. 55–62.

26. *Тарасов Ю.А.* Голландский натюрморт XVII века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 162, [2] с.

27. *Трубецкой В.С.* Записки кирасира: Мемуары / [Вступ. ст., примеч. в тексте и коммент. к персоналиям В.П. Польковской; коммент. к воен. теме и воин. атрибутике Г.В. Вилинбахова]. М.: Россия, 1991. 218, [2] с.

28. *Gothaisches Genealogisches Taschenbuch der Adeligen Häuser. Alter Adel und Briefadel.* 1920. 14. Jg. Gotha: Justus Perthes, [1919]. 964 s.

29. *Rietstap J.B.* Armorial général, Société de la sauvegarde historique. 1 – Tome I, Première partie: A. C. Lyon: Société de sauvegarde historique, 1950. 352 p.

30. *Warneke F.* Lucas Cranach der Ältere. Beiträge zur Geschichte der Familie von Cranach, von F. Warnecke. Mit Kopfleisten... von E. Doepler d. J., sowie... Wappen nach alten Vorbildern. — Görlitz: C.A. Starke, 1879. 56 s.

References

1. *Borisov (Il'in) I.V.* Rodovy'e gerby' Rossii. M.: Viktoriya, Yantarny'j skaz, 1997. 216 s.

2. *Glinka V.M.* Russkij voenny'j kostyum XVIII – nachala XX veka: Al'bom. L.: Xudozhnik RSFSR, 1988. 239 s.

3. *Drachuk V.S.* Rasskazy'vaet geral'dika. M.: Nauka, 1977. 256 s.

4. *Egorshin V.A.* Generalissimusy'. M.: Patriot, 1994. 368 s.

5. *Zapiski dyuka Lirijского i Bervikского vo vremya preby'vaniya ego pri Imperatorskom rossijskom dvore v zvanii posla korolya ispanskogo. 1727–1730 godov / Per. s francz. D. Yazy'kova.* SPb: Gutenberg. tip., 1845 – [4], IV. 217 s.

6. *Il'ina T.V., Rimskaya-Korsakova S.V.* Andrej Matveev. M.: Iskusstvo, 1984. 320 s.

7. *Kamenceva E.I., Ustyugov N.V.* Russkaya sfragistika i geral'dika: ucheb. posobie. 2-e izd. M.: Vy'sshaya shkola, 1974. 264 s.

8. *Kibovskij A.V.* Metod e'kspertizy' i atribucii proizvedenij russkoj portretnoj zhivopisi po formennoj odezhde i nagradam. Istoriya i perspektivy' // E'kspertiza i atribuciya proizvedenij izobrazitel'nogo iskusstva: mat-ly' III nauch. konf. (g. Moskva, 25 noyabrya – 27 noyabrya 1997 g.). M., 1998. S. 117–124.

9. *Konchin E.V.* Najdena kartina... M.: Znanie, 1989. 56 s.

10. *Libman M.Ya.* Podsobnye gumanitarnye nauki i ix znachenie dlya atribucionnoj raboty. // Soobshheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nyx iskusstv im. A.S. Pushkina. Vy'p. 6. M., 1980. S. 33–39.

11. *Libman M.Ya.* Signatory' nemeczkix xudozhnikov XV–XVI vekov kak ob'ekt sociologicheskix izyskanij // *Sovetskoe iskusstvoznanie*'75: sb. st. Vy'p. 1. M., 1976. S. 117–131.
12. *Linnik I.V.* Gollandskaya zhivopis' XVII veka i problemy' atribucii kartin. L.: *Iskusstvo*, 1980. 247 s.
13. *Moleva N.M.* Vsego odin portret // *Znanie – sila*. 1968. № 11. S. 27–29.
14. *Moleva N.M.* Vsego odin portret // *Moleva N.M. Arxivnoe delo №...: Rasskazy*'. M.: *Sovetskij pisatel'*, 1980. S. 120 — 131.
15. *Moleva N.M., Belyutin E'.M.* Zhivopisny'x del mastera. Kancelyariya ot stroenij i russkaya zhivopis' pervoj poloviny' XVIII veka. M.: *Iskusstvo*, 1965. 335 s.
16. *Moleva N.M.* Istoriya odnogo portreta // *Moleva N.M. Moskovskaya mozaika*. M.: *Moskovskij rabochij*, 1971. S. 98–115.
17. *Panova T.D.* Kremlevskie usy'pal'niczy'. Istoriya, sud'ba, tajna. M.: *Indrik*, 2003. 224 s.
18. *Poltavs'kij derzhavnij xudozhnij muzej*. Katalog. Ki'iv: *Mistectvo*, 1958. 32 s.
19. *Poltavs'kij derzhavnij xudozhnij muzej*. Putivnik. Ki'iv: *Mistectvo*, 1965. 79 s.
20. *Portretnaya miniatyura XVIII–XIX vv.: Putevoditel' / Sost. L.M. Frolova*. Oruzhejnaya palata. [M.], [1983].
21. *Posternak O.P.* Ikonografiya «Kijskogo kresta» i ego povtoreniya XVIII veka // *Original i povtorenie v zhivopisi. E'kspertiza xudozhestvenny'x proizvedenij: sb. nauch. tr. / Vseros. xudozh. nauch.-restavrac. centr im. I.E'. Grabarya*. M.: *VXNRC*, 1988. S. 47–60.
22. *Rikman V.Yu. fon.* O gerbovy'x e'kslibrisax chlenov Rossijskogo Dvoryanskogo Sobraniya // *Geral'dicheskie Vedomosti*. 1994. № 1 (5). S. 1.
23. *Sbornik gerbovy'x e'kslibrisov chlenov Rossijskogo Dvoryanskogo Sobraniya, izdavaemy'j Gerbovy'm otdeleniem Departamenta gerol'dii s 1993 goda. Chast' pervaya // Geral'dicheskie vedomosti*. 1994. № 1 (5). S. 7–8; *Geral'dicheskie vedomosti*. 1994. № 3 (7). S. 7–8; *Geral'dicheskie vedomosti*. 1995. № 1 (9). S. 7–8; *Geral'dicheskie vedomosti*. 1995. № 2 (10). S. 7–8; *Geral'dicheskie vedomosti*. 1995. № 3 (11). S. 5–6.
24. *Stark V.P.* Portrety' i licza, XVIII – seredina XIX veka / V.P. Stark [A.I. Ushakov. Avgust II. Karl Fridrix Golshtinskij. K.G. Razumovskij. P.G. Kashkin. I.A. Rejnssorp. A.I. Voroncov. Kvashniny-Samariny. Gorchakovy. S.B. Kurakin. A.Ya. Xilkov s sy'nom Stepanom. M.K. Makarov. I.S. Leont'ev. N.I. Peshhurov. I.V. Lopuxin. P.G. Leviczkiy. P.F. Glebov-Streshnev. P.P. Suxtelen. S.I. Gannibal. T.G. Bagrationi. Novosil'cevy'. D.V. Vy'ndomskij. P.R. Al'bedil'. Ya.S. Potoczkiy. N.P. Epanchin. P.S. i D.S. Kvashniny'-Samariny'. I.I. Polin'yak. S.G. Stroganov. A.E. Kriger. O.E. Kocebu. N.P. i Yu.K. Neelovy'. M.N. Vorob'ev. I.V. Sabaneev. N.M. Sipyagin. Princz Vil'gel'm. N.G. Filimonov. A.P. Cherkasov. S.I. Meshhershkiy. Vel. kn. Aleksandr Nikolaevich i Mariya Nikolaevna. K.V. Nessel'rode. N.L. Obreskova. N.L. Sollogub. A.F. Goliczy'n. M.A. L'vova. S.S. Kushnikov. V.N. Shenshin. E.A. Zurov. A.A. Suvorov. L.N. Leont'eva. P.V. Popov. Ya.F. Yanenko. I.A. Vrevskij. P.P. Esipov. D.M. Knyazhevich. G.V. Rozen. I.I. Gogel'. Vl.S. i Vas.S. Mixalkovy'. A.P. Bolotov. A.I. Begicheva. N.I. Stark. A.E. E'ngel'gardt. S.M. Goliczy'n.]. SPb.: *Iskusstvo-SPb*, 1995. 268, [3] s.
25. *Sterlyagov A.A.* Atribuciya dvux portretov // *Muzejny'j vestnik. Vy'p. III / OGUK «Smolenskij gosudarstvenny'j muzej-zapovednik» / Sost. N.K. Vostrikova*. Smolensk: [b. i.], 2008. S. 55–62.

26. *Tarasov Yu.A.* Gollandskij natyurmort XVII veka. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. 162, [2] s.

27. *Trubeczkoj V.S.* Zapiski kirasira: Memuary' / Vstup. st., primech. v tekste i komment. k personaliyam V.P. Poly'kovskoj; komment. k voen. teme i voin. atributike G.V. Vilinbahova. M.: Rossiya, 1991. 218, [2] s.

K.N. Kurkow

**Additional Historical Disciplines in the Context
of Modern Humanitarian Education
(on the Example of Study of Works of Art)**

The presented article is devoted to an additional historical disciplines and problems of modern humanitarian education, the value of heraldry, faleristics and uniformology in training skilled specialists in the Humanities of wide profile on the example of study and attribution of works of art. Application of these disciplines in teaching also would increase the overall culture, level of scientific erudition of graduates, would enable them to compete more successfully in the labour market.

Keywords: additional historical disciplines; historical and objective method; faleristics; heraldry; coat of arms; genealogy; vexillology; uniformology; palaeography; epigraphy; humanitarian education.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
ПУБЛИЦИСТИКА**

**Рецензия на монографию
С.П. Карпачёва «Масонство и масоны
России XVIII–XXI веков. Особенности
российского “королевского искусства”»
(Saarbrücken: Palmarium Academic
Publishing, 2013. 328 с.)**

Новая монография доктора исторических наук, профессора Сергея Павловича Карпачёва посвящена одному из самых загадочных и интригующих общественных движений, зародившемуся в Западной Европе в XVIII веке и сохранившемуся до наших дней. Интересы автора в исследовании Ордена вольных каменщиков распространяются на целый комплекс взаимосвязанных проблем, интереснейшей из которых, на наш взгляд, является история отечественных масонских лож.

Представленная в книге структура изложения материала четко и логично выстроена, способствует гармоничному и последовательному рассмотрению очерченного автором круга проблем. В рецензируемой монографии С.П. Карпачёв высокопрофессионально, с привлечением разнообразных источников и научной литературы анализирует и суммирует исследования по заявленной теме, формулирует необходимые промежуточные и заключительные выводы.

Монография состоит из пяти глав и Заключения. В первой главе автор знакомит с историей возникновения и развития западноевропейского масонства. Вторая глава посвящена первому периоду российского масонства, с XVIII до первой четверти XIX века. Обозначая хронологические рамки этого периода, автор одновременно ставит вопрос о периодизации в развитии «королевского искусства». Третья глава посвящена российским «вольным каменщикам» конца XIX – начала XX века. Четвертую главу автор посвятил развитию российского масонства в эмиграции в 1917–1990 годах. Наконец, в пятой главе С.П. Карпачёв анализирует развитие этого общественного явле-

ния в современной России — с конца XX века до наших дней. Таким образом, автором выделены четыре периода в развитии российского масонства.

Теперь перейдем к более подробному анализу содержания рецензируемой работы.

В первой главе, посвященной истории развития западноевропейского масонства, автор дает следующее развернутое определение этого своеобразного явления в духовной жизни общества: «Масонство есть философско-этическое и социально-психологическое явление общественной и духовной жизни, основанное на организационных принципах и предъявляющее своим членам определенные этические требования» (с. 6).

С.П. Карпачёв подчеркивает сложность и противоречивость пути, пройденного западноевропейским масонством, акцентирует идею самостоятельности и самобытности этого движения и точно определяет его место среди других интеллектуальных, идейных и духовных течений в истории Западной Европы. Автор монографии, безусловно, признает прогрессивность масонства, его уникальную роль в жизни западноевропейского общества в качестве связующей, объединяющей различные идейные течения силой, сохранившей при этом собственную яркую индивидуальность (с. 33–34).

Вторая глава посвящена первому периоду развития масонства в России. Автор анализирует и сравнивает причины возникновения движения вольных каменщиков в России и западноевропейском мире. Так, согласно выводам С.П. Карпачёва, масонство стало производным, целиком и полностью заимствованным из иной цивилизации явлением, и поэтому «в России не получило достаточно широкого распространения, поверхностно затронув часть образованной элиты общества» (с. 75–76).

В третьей главе, повествующей об истории российского масонства на рубеже XIX–XX веков, автор представляет обширную портретную галерею членов масонских лож, начиная с 40-х годов XIX века и заканчивая первым десятилетием XX века. С.П. Карпачёв весьма всесторонне характеризует личности видных адептов этого движения в России. Наиболее интересен, на наш взгляд, представленный анализ социального положения, образования, политических взглядов и даже степени религиозности русских масонов. Так, автор подчеркивает достаточно четко выраженную в среде отечественных адептов атеистичность как свидетельство особого пути развития движения в России, поскольку в западном мире вера в Бога при вступлении в Орден была необходимым условием посвящения. Кроме того, автор подчеркивает, что две трети масонов были дворянами, и потому российское масонство в рассматриваемый период было обречено оставаться малочисленным и совершенно оторванным от устремлений общества, ожидавшего серьезных перемен в своем развитии (с. 156–157).

Несколько разочаровывают заключительные выводы по главе, которые автор свел к двум положениям, безусловно, вполне обоснованным, но слиш-

ком очевидным. Например, утверждение, что «масонская организация практически не сыграла какой-либо существенной роли в отечественной истории рубежа веков» (с. 175) могло быть дополнено рассуждениями о коренных отличиях западноевропейского и российского масонства и фактической обреченности последнего в силу слишком заметной специфичности.

Четвертая глава монографии — о годах существования российских масонов в эмиграции в период с 1917-го по 1990 год — на наш взгляд, слишком лаконична, а этот этап истории движения, к сожалению, не сопровождается четкой оценкой автора. Между тем, согласно приведенным фактам, в эмиграции российское масонство оказалось искусственным объединением, не только оторванным от национальной почвы, но и обреченным на постепенное угасание вследствие своей малочисленности и отсутствия необходимой среды для пополнения рядов. На исторической родине, в Советской России, оно также не могло вызвать интереса из-за своей ярко выраженной интеллектуальной экзотичности.

Завершающая пятая глава книги представляет особый интерес. Автор анализирует состояние российского масонства в конце XX – начале XXI века. Эта глава не только достойно завершает книгу, но и дает ответ на интересующие читателя вопросы, связанные с причинами и условиями воссоздания движения в 90-е годы XX века, его составом, направлениями деятельности. С.П. Карпачёв проявляет высокое знание предмета исследования и открывает перед своим читателем мир современных российских масонов. Привлекает тот факт, что автор не скрывает собственного отношения к этому значительному явлению в отечественной культуре, выделяя прежде всего прогрессивные черты «королевского искусства». Итоговый вывод в оценке современного значения отечественного масонства С.П. Карпачёв дает в Заключение: движение «для 140-миллионной страны крайне малочисленно» (с. 219).

К несомненным достоинствам монографии С.П. Карпачёва можно отнести включение Хроники развития как западноевропейского, так и российского масонства, а также наиболее полной на сегодняшний день Библиографии, связанной с изучением этого яркого явления в истории цивилизованных обществ.

В качестве пожелания автору: хотелось бы более отчетливого акцента на роли отечественного Ордена вольных каменщиков в истории общемирового масонства начала XXI века.

Монография С.П. Карпачёва вполне может быть названа одним из наиболее удачных современных трудов по истории масонства, в котором органично сочетаются высокая научность с обращением к широкой читательской аудитории.

И.В. Сучков

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2014, № 1 (13)

Карпачёв Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (spk1950@yandex.ru)

Квашнин Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного, международного права и политологии Вологодского государственного педагогического университета (kvashninv195@mail.ru)

Кириллов Виктор Васильевич — кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ (Kirillov@mgpu.ru)

Курков Константин Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (kurkowkonstantin@mail.ru)

Лапырёнок Роман Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических и правовых дисциплин Вологодского государственного педагогического университета (lapyrionok@mail.ru)

Объедков Иван Валентинович — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории (ksumballon@mail.ru)

Платонова Александра Андреевна — кандидат исторических наук, методист общеуниверситетской кафедры истории МГПУ (platonova@mail.ru)

Сучков Игорь Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (igsuchkov@gmail.com)

Ушаков Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Ushakov@mgpu.ru)

Фурцев Роман Витальевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии Московского городского педагогического института (marinaio0707@gambler.ru)

Юрьев Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (Yuriev@mggu.ru)

Яснитский Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой, новейшей истории и методологии МГОУ (Yasnitsky@bk.ru)

**Authors / МСТТУ Vestnik,
Series «Historical studies», 2014, № 1 (13)**

Karpachyov Sergei Pavlovich — Doctor of History, full professor, History of Russia department, МСТТУ (spk1950@yandex.ru)

Kvashnin Vladimir Aleksandrovich — Ph.D. (History), docent, Constitutional and International Law and Politology department, Vologda State Teachers' Training University (kvashninv195@mail.ru)

Kirillov Viktor Vasilievich — Ph.D. (History), full professor, head of Institute of Humanitarian Sciences (Kirillov@mgpu.ru)

Kurkov Konstantin Nikolaevich — Doctor of History, full professor, History of Russia department, Sholokhov MSHU (kurkowkonstantin@mail.ru)

Lapyrenok Roman Viktorovich — Ph.D. (History), docent, Theoretical and Legal Studies department, Vologda State Teachers' Training University (lapyrionok@mail.ru)

Obedkov Ivan Valentinovich — Ph.D. (History), docent, all-university History department, МСТТУ (ksumballon@mail.ru)

Platonova Aleksandra Andreevna — Ph.D. (History), methodologist of all-university History department, МСТТУ (platonova@mail.ru)

Suchkov Igor Viktorovich — Doctor of History, full professor, History of Russia department, МСТТУ (igsuchkov@gmail.com)

Ushakov Anatoly Vasilievich — Doctor of History, full professor, History of Russia department, МСТТУ (Ushakov@mgpu.ru)

Furtsev Roman Vitalievich — Ph.D. (History), senior lecturer, Romance Philology department, МСТТУ (marinaio0707@rambler.ru)

Yuriev Aleksandr Ivanovich — Doctor of History, full professor, History of Russia department, Sholokhov MSHU (Yuriev@)mggu.ru)

Yasnitsky Nikolai Anatolievich — Ph.D. (History), docent, Modern History and Methodology department, MGOU (Yasnitsky@bk.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 1 (13), 2014

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
Е.П. Карезина
Корректор:
Л.Г. Овчинникова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра ГБОУ ВПО МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 17.04.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 6,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.